НАТАЛЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ

ДОРОГА ЦВЕТА СОБАКИ

Наталья Гвелесиани

Дорога цвета собаки

Тбилиси, 2025

Аннотация

В волшебной Стране Вечного Полдня, возможно, лежащей где-то в глубинах нашего подсознания, продуцирующей архетипических героев и экзистенциальные ситуации, время судорожно сжато, концентрированно и предельно ограничивает выбор. Поэтому каждый последующий ответ на собственный вопрос, ошеломляя скоростью, зачастую отменяет предыдущие, становясь вехой на пути в пределы, где крайние полюса Света и Тьмы олицетворяют, сражаясь, род витязей и род драконов.

Об авторе

Гвелесиани Наталья Александровна. (По паспорту – Гвелесиани Натэла Сандроевна). Род. в 1967г. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику.
Лауреат литературной Премии им. Марка Алданова (за повесть "Уходящие тихо"- Новый журнал N247,2007). Публиковалась также в журналах "Нева" (роман "Мой маленький Советский Союз" - в сокращении, отрывок романа "Новая сказка о Гайдаре" под названием "Сказка о Гайдаре", повесть "Пустите детей и не препятствуйте им"), "Уральский Следопыт","Футурум АРТ", "Новая реальность". Автор книг "Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)" - (Ставрополь, издательство "Ставролит", 2013г), "Выход Алисы из Зазеркалья" (серия 'Психология') - (Москва, издательство "Велигор", 2015г). 'Мой маленький Советский Союз' - полная авторская версия. (Москва, издательство "Рипол-Классик", 2016).
Автор литературно-критических статей о творчестве М.Цветаевой, М.Горького, А.Гайдара, В.Крапивина, , а также статей о христианстве в современном мире. Интересуется религиоведением, философией, психологией.
Автор диалектического метода толкования Библии (см. сборник "Взирая на Христа").
Автор «Нового Завета в художественном переводе» (в 3-х книгах).
Также является автором оригинальной гипотезы о причинах некоторых форм аутизма (изложена в статье "Аутизм и инстинкт сохранения целостности"; в книге "Выход Алисы из Зазеркалья", также - наиболее полно - в статье «Аутизм и гештальт целостности»).
С помощью НейроСети, согласно этим новаторским взглядам не только на природу аутизма, но и природу человека вообще, автором были созданы новаторские пособия "Введение в Целостную химию для гуманитариев", "Целостная органическая химия", «Краткий словарь химических терминов для гуманитариев».
Живет в Грузии, в г.Тбилиси.

От автора:

Все мои литературные, научные и иные произведения распространяются под авторским именем (псевдонимом) “Наталья Гвелесиани” или "Гвелесиани Наталья Аоександровна", при том, что моё настоящее имя по документам — Гвелесиани Натэла Сандроевна.

Произведения на этой авторской странице и на других ресурсах, все изданные и не изданные произведения и книги, кроме тех, что были изданы под иной лицензией и срок иной лицензии еще не истек, распространяются и должны распространяться в будущем, в том числе по истечении срока иных лицензий, по данной лицензии. Ни мои наследники, ни правопреемники, ни иные лица не вправе отменять, отзывать или ограничивать действие данной лицензии.

Авторская лицензия:
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Это произведение распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Разрешается свободное распространение, копирование, цитирование, а также создание производных произведений (переводов, инсценировок, экранизаций и т.п.), при условии обязательного указания имени автора и сохранения этой же лицензии в производных работах.
Лицензия бессрочная и не подлежит отзыву. Полный текст лицензии:
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

© Natalia Gvelesiani, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International License (CC BY-SA 4.0).
You are free to share, copy, distribute, and adapt this work (including translations, performances, and film adaptations), provided that proper attribution is given to the author and that derivative works are distributed under the same license.
This license is perpetual and irrevocable.
Full license text: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17731040
https://doi.org/10.5281/zenodo.17731040
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Дорога цвета собаки

Роман

Пролог
Сочинение странника Годара

(Из материалов Секретного военного архива Королевства Суэния)

Да будет благословен день, когда взрослые заключили в квадрат забора кусок земли перед домом, и хрупкий от неуправляемой силы взгляд перестал блуждать по фрагментам бескрайних улиц с пугающими формами и уперся в конкретный тополь - один из десяти, оказавшихся в плену ограды. И потеплели глаза, увидев собаку... Подбородок приподнялся над перилами балкона, потому что Мальчик привстал на носочках и еще раз пересчитал все десять тополей и заметил, что они могли бы пройтись макушками по небу, если б небо спустилось ниже.

Так думал мальчик девяти лет, только иными, немудреными еще своими словами, которые неловко прилипали к новым - странным, приятным и в то же время осторожным еще в своем напоре чувствам, когда впервые получил разрешение спуститься на только что построенную детскую площадку с далекого седьмого этажа.

Вбежав в калитку, он споткнулся, а собака, лежавшая под деревом, как снег, сразу поднялась, и, не дав ему времени на раздумья о размерах опасности, подалась, потянулась к нему одним бесконечным разом - пушистая, белоснежная, сияющая угольками глаз, поигрывающая бубликом хвоста. Она уперлась передними лапами в щуплый его живот и лизнула руку. Это был теплый, удивительно нежный снег. Он замелькал вокруг Мальчика, засверкал, завертел им. Щеки мальчика вспыхнули. Когда же щенок, - а это был резвый, наивный, ласковый к жизни щенок, - перевернулся на спину, обнажив розовое брюшко в рыжеватых родимых пятнышках, мир окутал туман, и мокрые стволы тополей, качнувшись, поплыли, натыкаясь друг на друга, вдоль ограды.

Мальчик опустился на одно колено и приложил ладонь к розовой мякоти.

Десятки слезящихся солнц пылали на вздымающейся кожице.

Щенок, присмирев, как-то странно заглянул в его лицо сузившимися глазами... Когда мальчик

нашел в себе силы оторвать от собаки неподвижную руку и обвести отсутствующим взглядом то, что окружало их, всюду в поле его зрения находилась Собака.

- Бабария! - выкрикнул он придумавшееся имя щенка. Он шел за ним вдоль ограды, в белесом тумане, машинально проводя пальцами, словно по клавишам, по белым доскам забора. Бабария

зализывала, выпрямляла шероховатости его души, о которые он прежде ранился. Резвясь, они бегали наперегонки по бесконечно пьяной траве, и немыслимо теплый ветер - ветер цвета собаки раздвигал челку на лбу, обнажая его высоту, и брови ползли вверх, и тогда, покрывшись поперечными складками, лоб делался похожим на полотнище белого флага.

Шли недели. Избалованная вниманием хозяина, Бабария не покидала детской площадки, а

Мальчик, гуляя во дворе, не предпринимал попыток проникнуть за его пределы. Он дал знакомым

тополям имена и часами наблюдал за тем, как бродят они, широко расставив ветви, в белесой мгле, и, изредка наткнувшись друг на друга, едва заметно вздрагивают воздушной листвой. Иногда он окликал одно из деревьев по имени - и оно замирало. Мальчик же,

стремительно подбежав к стволу, прижимался к нему спиной и глядел вверх, на окропленную синевой макушку.

Однажды, идя рядом с Бабарией вдоль словно сквозящей через ее силуэт ограды, он незаметно отстал, машинально пересчитывая тускнеющие на глазах доски, и медленный его шаг иссяк у

тополя, в макушке которого застыла,увязнув, потемневшая синь неба, откуда сонно сползли по стволу несколько свинцовых отростков, несколько заиндевелых среди лета небесных струнок.

Тихо было на земле. Так тихо, так прочно и медлительно, что когда на пороге распахнутой калитки появилось постороннее пятно, похожее на смятый черный платок, и двинулось в правый

угол площадки, он не сразу понял, что это - другая собака. И лишь когда она залегла, свернувшись в углу и посмотрела на него как в стекло, за которым стоит другое стекло, а за другим стеклом воспоминание о Доме, Мальчик мысленно вернулся назад и рассмотрел, путаясь в нитях хлынувшего вдруг дождя, большую, черную, гладкую, как пантера, собаку, которая брела, опустив морду, словно лошадь, прильнувшая к водопою. Походка ее, недобрая из-за хромоты, нарушала устоявшиеся на его земле созвучия.

Мальчик инстинктивно прижал к себе Бабарию, ощутив к черной собаке острую неприязнь, хотя та, похоже,была далека от любых намерений, включая агрессивные.

Всю неделю он с особым усердием кормил Бабарию с рук, на виду у сурового пса и испытывал при этом страстное желание запустить в него камнем, но вместо камня в сторону черной собаки полетела косточка, как-то вдруг, невзначай.

Однако пес не принял подачки, и тогда Мальчиком завладело желание накормить его во что бы то ни стало. Метнув в ненавистный угол ожесточенный взгляд, он поднялся в дом, достал медный таз, вылил в него полкастрюли супа, смешал с порцией макарон, сдобрил мясным соусом, и, вернувшись на площадку, двинулся на непослушных, ненатуральных ногах по направлению к черной собаке.

Когда расстояние между ними сократилось до трех шагов, пес беззвучно оскалился, и Мальчик был вынужден, оставив таз, уйти медленным шагом кБабарии. Он чувствовал спиной чужака и презирал его.

Так шли дни. Пес не подпускал Мальчика ближе задуманного расстояния, но и не отвергал пищи.

Но однажды, когда Мальчик, повернувшись в очередной раз спиной к чернойсобаке, неторопливо двинулся восвояси, черный пес догнал его и слизнул с ноги застывшие капельки соуса.

Теперь Мальчик ухаживал за Бабарией с прилежным, троекратно умноженным рвением. Он часто рассматривал ее - от кончика носа до хвоста - и находил божественно-совершенной. Белизна ее шерсти навевала воспоминания о снеге и наводила на мысль, что снег может быть горячим. Но он заметил и кое-что новое - красноватый шрам на ухе. Это открытие сделало - постепенно - его Бабарию не такой привлекательной. Раньше для того, чтобы почувствовать покой и тепло, было достаточно положить руку на ее голову, слегка почесать за ухом. Теперь он гладил ее чуть ли не от кончика носа до хвоста и не чувствовал ничего, кроме температуры тела. Чаще же руки Мальчика пассивно лежали на коленях, а Бабария, примостившись рядом, поочередно покусывала их, заглядывая ему в лицо с какой-то резвой настороженностью. Вся она былаиз себя сплошным снегом - подтаявшим и звенящим. Мальчик же смотрел в сторону калитки, ожидая появления Джека - так окрестил он новую собаку.

Странные отношения сложились у него с новой собакой. Джек был скуп впроявлении чувств. Появляясь на пороге площадки, он не удостаивал человека ни взглядом, ни взмахом хвоста. Словно кот, привязанный не к человеку, а к месту, отправлялся он, прихрамывая, в свой угол, чтобы залечь там на час. Мальчик же в продолжение всего времени стоял над ним, как утес, не смея нарушить возвышенной отчужденности. Это он, Мальчик, стал собакой этому высокомерному псу, и, ничего не зная о внутреннем мире скрытного своего друга, в упоении черпал силы из фантазий на тему его души...

Перед мысленным взором Мальчика, направленным на ствол ближнего тополя, вырисовывалось огромное дупло и зияло, как ночное небо, потусторонней темнотой. Ему хотелось внутрь, чтобы ощутить себя частью дерева и посмотреть оттуда на мир своей собаки глазами пустоты.

Подобострастно склонившись, он высматривал проблески огня в неподвижных, прочных каких-то глазах Джека и, рассматривая вечерами звездное небо, видел множество собачьих глаз. Не имея возможности сосчитать все звезды, он, тем не менее, подметил, что каждый мерцающий глаз имеет на небосклоне одно, раз и навсегда данное место, и звездная картина, если смотреть на нее с балконаили с площадки, на которой бывала его Собака, остается неизменной. Тогда он попробовал перенести картину в альбом для рисования и перевел кипу бумаги, пытаясь нарисовать звезды именно в таком порядке и количестве, в каком состояли они в природе. Наконец, он устал и изобразил два высохших тополиных листа. Что таилось под листьями он не понял, ибо фантазия его истощилась.

И тогда Мальчику захотелось другого неба - не того, что вечно торчало над

площадкой его собаки. "Если выйти за ограду, небо продолжится и на нам вспыхнут новые звездные комбинации" - подумал Мальчик, только иными, немудреными еще своими словами. Но отойти от площадки - все равно, что покинуть землю, где каждый камень помнил и отражал звездные глаза его собаки.

Утром он подошел, как обычно, к Джеку, присел на корточки, деловитозаглянул тому в глаза, и они не показались ему похожими на звезды. Мальчиктак и обмер. У ног его возлежала самоуглубленная душа, запрятанная в тщедушное тело, обтянутое гладкой кожей с короткой шерсткой, и не испытывала ровно ничего, кроме желания быть ничем. Это была старая черная собака, полюбившая не человека, а угол, в котором можно будет издохнуть, когда назойливый ребенок прекратит приносить пищу. Мальчик не смог более придумать ни одной черты характера или тела, за которую можно было бы продолжать любить черную собаку.

Он ошеломленно выпрямился. "Помоги мне", - шепнул он Джеку. Но руки Мальчика были пусты, и пес, разбуженный звучанием шепота, лишь слабо потянул носом воздух... Тогда Мальчику почудилась сверкающая снежная пыль, которая, оседая на щеках и одежде, одна только и передает неуловимую нежность зимы. В страхе обвел он потемневшим взором владения бывших свои собак и не нашел в них Бабарии. Только теперь позволил он себе заметить, что Бабария покинула площадку, и факт этот в глубине души принес облегчение, потому, что снежная пыль растворилась в слякоти, когда он представил себе вид приторно-розового щенячьего языка Бабарии, который казался теперь всего лишь мокрым. Стало ясно, что он подменил Бабарию другой собакой, и даже не сразу позволил себе это заметить, а после разлюбил и другую собаку, потому, что она ему наскучила. Если же одну собаку возможно подменить другой собакой, то кого же он тогда любил? А если и любил, то почему так недолго?

Нет, он больше не станет никого обманывать. Если за всяким началом следует конец, он станет жить один и превратится в окружность, в свернувшегося клубком младенца. Собаки перестанут быть покинутыми, потому, что он не будет их любить. "Я оставил тебя, Бабария, - думал он с жалостью, адресованной непонятно кому, - Я разлюбил! Разлюбил! Разлюбил! Несчастные вы мои и ненужные. Ненужные и несчастные. Я буду один, один, один"...Каждая повторяющаяся мысль вызывала в душе вспышки пламени, которые обжигали душу. Так продолжалось до тех пор, пока на глаза не навернулись слезы. Мальчик прекратил бесцельную ходьбу и осмотрелся. Вот замерли, ожидая своей участи, десять могучих тополей. Ни единым шорохом не выдадут испуга, только гудит в сердцевинах ожесточенная пустота.

Вот ползет муравей по руке.

Вот лежит в углу черный клубок, бывший когда-то его собакой.

Каплет из крана ржавая вода.

А асфальт сыр и на всем его протяжении разбросаны камни, и незнакомая девочка в шелковом платьице занята тем, что складывает из камней пирамидки.

В каждой пирамидке - по семь камней.

Каждый следующий камень меньше предыдущего.

Без собаки.

Мальчик поперхнулся воздухом.

Неужели никогда?

И такая вдруг жалость охватила его к этой девочке с тонким, как нить, позвоночником, девочке, никогда не видевшей камни сквозь цветную ткань своей собаки, такая громада взаимоисключающих чувств, что он вознамерился было поцеловать ее в щеку, но нечто всеобъемлющее, далекое, сладостно-зыбкое остановило его. Смесь восторга и испуга заставила Мальчика пронестись в полуметре от существа, которое он бессознательно отодвинул в будущее. И порог площадки неожиданно остался за спиной.

Прежние собаки отпустили его на все четыре стороны, и, пробежав несколько десятков метров, Мальчик оказался на пригорке перед глубоким оврагом.

Значительный это кусок земли настолько поразил воображение, что Мальчик сразу же освободил из плена оставшейся позади ограды все десять тополей, и бывшие его друзья, слившись с прочими деревьями, стали неисчисляемыми, безымянными. Он еще не знал, что станет его новой собакой - весь ли овраг целиком, влажное ли его дно с затаившимся в камышах родником, человек или просто бурая земля, щекочущая пальцы, когда ее пересыпаешь из ладони в ладонь, - любовь была впереди, но уже сейчас, желая прижать ее к себе и не отпускать как можно дольше, он прильнул щекой к склону и уснул. Мальчик знал, что сон заполняет пустоты времени. Он надеялся жить каждой собакой как можно дольше, понимая, что когда-нибудь нечто большее перечеркнет

овраг так же, как овраг перечеркнул площадку. Позже последует еще более крупное Нечто, и так будет продолжаться до тех пор, пока глобальности не исчерпают себя. Тогда он, разлюбив последнюю из величин, умрет. Так не лучше ли любить каждую собаку как можно дольше, слаще и верней?..

***

Через три года, прогуливаясь в окрестностях соседнего микрорайона, который пленил его тем, что в нем жила любимая учительница, Мальчик неожиданно встретил Бабарию.

В памяти ожили влажные стволы в молочной дымке.

- Бабария! - вскрикнул он что есть мочи. Взгляд его был прикован к шраму на белом ухе, ибо только по нему и можно было узнать прежнюю Бабарию в бесстрастном, коротколапом существе с раздутыми сосками. Сделав вид, что не узнала его, собака слабо вильнула хвостом. Ей явно не хотелось заострять на себе человеческое внимание.

- Почему ты не хочешь играть? - спросил Мальчик, опустившись, как в былые дни, на одно колено.

Кто-то, услышав вопрос, пояснил, что Бабарии три года и она уже взрослая.

- Как это взрослая?! - закричал Мальчик. - Ведь ей только три годика, а мне целых двенадцать, но я еще мал.

Ответом было молчание.

Мальчик осмотрел собаку внимательней и понял, что она беременна. Поодаль развалился, безжалостно щурясь ему в спину, широкогрудый кобель. Мальчик догадался, что это муж Бабарии и возненавидел его. Это он сделал его собаку взрослой и скучной. Мальчик уже знал, что такое семья, и как становятся беременными звери.

Взяв собаку на руки, как обыкновенную ношу (она не оказывала сопротивления), Мальчик пришел на старую площадку перед домом и долго возился, привязывая животное к тополю. Когда же дело было готово и он отлучился, собака легко, лениво сорвалась с привязи и ушла с широкогрудым, который, как оказалось, всю дорогу плелся за Мальчиком, пока тот нес на руках чужое сокровище.

Мальчик, проследив за ними, обнаружил дыру в подвал, где они жили...

Через месяц появились щенки. Они были такими же белоснежными, как Бабария - та Бабария, какую знал он в пору ее детства. А еще спустя месяц он воровато прижал к груди один из живых комочков и, нашептывая щемящее имя "Бабария", понес за пазухой домой. - "Может быть, если мы будем неразлучны, то станем расти незаметно и никогда не состаримся?" – думал Мальчик дорогою.

Часть первая

Город Скир

Глава первая

Неровная точка набухала на горизонте - в районе зигзага из гряды холмов.

Неровная точка была прогалиной, которую степной волк видел впереди, а коршун - внизу. Двигаясь пунктирно - то исчезая в ложбинах, то возникая на вершинах холмов и молниеносно скатываясь с них, подобно расшалившейся звезде, точка пока не производила впечатления добычи и сбивала этим с толку степных хищников. Волки залегли в осоке, подглядывая сквозь стебли, и потягивали носом воздух в надежде учуять кровь, а коршуны расширяли круги, словно брошенные в небо, но отбившиеся от рук камни, что зависли, позабыв о земном тяготении. Никто пока не знал своего назначения. Все живое находилось как бы на местах, и оттого степь не вызывала беспокойства у чужеземца. Сам себе он виделся отнюдь не точкой, а широкоплечим молодцеватым всадником в джинсовой куртке с закатанными рукавами, синева которой, сохранившаяся на обшлагах, подчеркивала многочисленные полнокровные вены на загорелых руках. Повод послушно лежал в больших суховатых ладонях и настороженность коня гасла, пасуя перед спокойствием, сосредоточенным в паре рук.

Лицо всадника было юное, но густо пропитанное пылью и загаром, заросшее щетиной, взгляд из-под взлохмаченных бровей на высоком лбу казался суровей, чем надо бы, и возраст за характерным обликом странника все-таки оставался неопределенным. Издали конь и всадник

походили на двух невольников, несущих носилки с царственной особой и не были, следовательно, замечены в сходстве с кентавром. За плечом у всадника покачивался походный мешок, который он почему-то отстегнул недавно от седла; за поясом торчал кинжал. Не одну соломенную шляпу износил он на летних маршрутах; то, что покрывало теперь его голову, напоминало развороченную копну.

Запах конского пота вперемешку с кровью, пущенной слепнями, достиг нюха трех исхудалых волков, живущих не стаей и не в одиночку. Полусонному вороному пригрезилась засада. Дав знать о тревоге сполохами дрожи в напрягшихся мускулах, он понесся по тропе вдоль зарослей осоки. С другой стороны галоп сопровождала протяженная возвышенность из спаянных холмов.

Всадник же по имени Годар взбодрился, приняв поступок коня за озорство и, максимально расслабив повод, отдался свежести, горячности, резвости скачки.

Вот уже четвертые, или пятые, или шестые сутки - точного времени Годар не знал за неимением часов, длился плотный, засушливый день. Солнце неподвижно стояло в зените. Спелое золото - прозрачное ли в виде воздуха или то, которое можно было пощупать, сощурившись, глазом: выцветшая большей частью трава, колосящаяся пшеница, тонкие плитки облаков - лилось сверху и подымалось ввысь отовсюду, позолоту носили даже грачи на перьях.

В первые сутки Годар припадал к степи как истосковавшийся по отчему дому принц-бродяга, спешащий от застолий под случайным кровом к королевской трапезе, где пьют медовые напитки и едят с золота. Годар вкушал тепло, радуясь затянувшемуся дню, поигрывал с ним, как с калачиком, который выхватил до срока из печи, разогретой хозяйкой последнего своего постоялого двора, чтобы кинуться скорее в дорогу.

Но солнце было не просто незаходящим, а еще и полуденным. И хотя погода не менялась, время оттачивалось, блуждая острием по уплотнившемуся воздуху. Манящее сплетение лучей стало как-то путаться, обвиваться вокруг грубеющими нитями. Перед глазами заплавали жирные мухи, превращаясь в свалявшиеся клубки шерсти. Клубки катились на Годара, оставляя за собой пропыленные золотистые нити - то разбегающиеся, то скрещивающиеся, то волнистые, то прямые и обрывистые, связанные в узелки или распадающиеся на ворсинки... Запах собственного пота раздражал его. Куртка была не по погоде, но снять ее и остаться в ситцевой рубашке он не мог – солнце оставило бы его без кожи. Приходилось то закатывать, то опускать рукава, застегиваться, чтобы минут через пять снова ненадолго распахнуться.

Однако он не торопился приструнить коня. Нередкие ручьи задерживали его ненадолго. Отдых на привале у речушки мешал отдаваться размашистому, ухабистому и в то же время тонкому теплу степи. Он не хотел упустить и крохи.

Годар запрокинул голову и поглядел на солнечный диск. Едкое марево разделяло человека и солнце, но оба они представляли собой строго вертикальную линию: дымящийся столб света стоял на макушке Годара, а когда он запрокинул голову, столб переместился на лоб. Веки отяжелели, но не сомкнулись. Годар резко пришпорил коня и помчался наперерез увернувшейся дугой проселочной дороге ко ржаному полю. Из-под копыт летели перемолотые травы, отскакивали суслики, переворачивались кузнечики на крохах земли.

Столб света прыгал с макушки на лоб, со лба на макушку... Годар преследовал солнце. Солнце преследовало Годара. "А вот и обгоню, - подумал он не столько из упрямства, сколько из озорства. - Нагонишь ли?"

Конь, взвившись на дыбы, сбил со следа трех изнуренных погоней волков. Но столб света и тут не отклонился, не опрокинулся, не размяк, не растаял. Лишь спутал, взъерошил совершенно мокрые волосы, что Годару в глубине души понравилось.

И тут же, словно по чужому наитию, не снижая скорости и неизменяя радости, он свесился с лошади, отхватил горсть земли от пригорка, и, слепив коричневый ком, запусти его вверх, метя в пылающий круг.

Он увидел вспышку и точку, поглощенную вспышкой. Конь остановился сам собой. Ком земли исчез бесследно, следов его не было ни вверху, ни внизу.

Солнце так и не покинуло своего места. Годар больше не запрокидывал голову.

Он впервые почувствовал, как разморило его за последние дни.

Утомленный, раздосадованный и - одновременно - удовлетворенный, двинул он коня к колодцу у ворот города, окруженного могучими стенами.

Женщина в полупрозрачном платье и в шляпке вышла с ведром из ворот. На плече у нее смирно колебалась изящная сумочка, что шло вразрез с решительной мужской походкой. Округлые обтянутые бедра покачивались с нажимом, упрямо, если не сказать - категорично.

Сошлись они у колодца одновременно. Спрыгнув с лошади, Годар достал флягу. Как мужчина, он решил взять инициативу и схватился поскорей за ворот.

Пока он тянул ведро из колодца, женщина не стояла без дела: нагнулась, закинув сумочку за спину, за пригоршней песчаной земли и принялась энергично начищать свое ведро круговыми движениями. Она не торопилась воспользоваться его услугами, терпеливо выжидая, когда он, наполнив флягу, поставит колодезное ведро на землю. Годар обратил внимание на старомодные агатовые перстни, сидящие, словно ящерки, на узлах морщинистых пальцев.

Замызганные агаты искали его взгляда, в то время, как взор их обладательницы был погружен в себя или в работу - в точности он не понял.

- Скажите, пожалуйста, в какой мы находимся географической местности? - спросил Годар дружелюбно, без обиняков.

- А вы - это кто? - последовал молниеносный вопрос, и два больших, просвечивающих душу агата внезапно обнаружились на лице, бывшем до того замкнутым.

- Я - странник Годар. Путешественник. Или бродяга, если угодно. Несколько дней назад я покинул А-ское государство и углубился в лес на северо-запад, перешедший вскоре в степь. Если бы у меня не потерялись в дороге часы, я, может быть, замерил бы, сколько это длится. Я имею в виду неподвижное солнце, которое все время светит в макушку. Такое ощущение, будто я оказался в краю вечного полдня. Белые ночи я видел, слышал о полярном дне. Но все это бывает немного иначе. В здешнем краю совсем нет ночей и длинных теней. Хотя кое в чем есть немало преимуществ. Например...

- Длинных теней не бывает, - прервала женщина категоричным тоном, с некоторой укоризной, словно подловила его на лжи. Взглянув с опаской на небо и не обнаружив вверху беспорядка, она несколько уменьшила силу назойливого свечения агатов на стареющем лице и выпустила стрелу затаенного раздражения по другому, неизвестному Годару адресу:

- Вот что бывает, так это разнузданные шуты, подрывающие авторитет Государя. Бывает бульон из королевских попугаев, ощипанных избалованными отпрысками знати. Вы тоже знатный юноша?

- Нет, я обычный странник, путешественник, - повторил Годар обреченные на провал правдивые слова. Он уже усвоил за время странствий, что сказать правду - лучший способ возбудить недоверие в незнакомце. Но справляться с искренностью не научился.

- А в нашу страну вы с какой целью пожаловали?

- Я хотел бы немного пожить среди абсолютного тепла. Так, чтобы знать, что оно никуда от меня не денется. Раньше я не думал, что это возможно, что есть такие края, хоть и очень жаркие. Хотя должен повториться: я приехал ни за чем, потому, что не знал, куда ехал. Цель осеняла меня на месте прибытия.

Годар почувствовал, что сбивается с мысли и вот-вот впадет в заумь:

-Наверное, страна необъятна, если ее освещает, не сжигая, столь необычное солнце? Возможно, его возглавляет гуманный правитель, - это редкость. Всегда было редкостью.

- Наше королевство просто карликовое, - остановила его категоричная женщина. - За воротами вы увидите несколько улочек и проспект. Все они ведут к центру, где расположена Дворцовая площадь. На улочках живет знать, в окраинных кварталах - торговый и мастеровой люд. Да прибавьте сюда степь с пашнями, плантациями и деревеньками. Вот и все государство... Не понимаю, кто и когда починит водопровод, осквернённый повесами из вертепа! Неужели мы так и будем ходить по колодезную воду, будто простые деревенские бабы! А ненароком еще налетит...

Женщина оборвала эту неожиданную тираду, и, попрощавшись со сносной учтивостью, оставила Годара в задумчивости.

Он взобрался в седло и отъехал на десяток шагов назад, чтобы иметь возможность заглянуть поверх городской стены.

Монументальные барочные крыши, как видно, учрежденческие; элегантный шпиль готического собора, серебристая корона причудливого дворца неопределенного стиля, дымящие трубы современных заводов - весь незнакомый город, словно привстав на цыпочки, подтягивался, чтобы получше разглядеть пришельца.

Годар застеснялся города. В гостеприимстве, в котором ему, видимо, не отказывали, чувствовалась какая-то дистанция.

Стройные белые стены многих добротных домов завершали залихватски приподнятые крыши. И все это - на фоне пронзительной синевы, такой же родной, как небо во сне. В этой близости и необходимости города было что-то излишнее, подозрительное. Не всем жилищам этого города, подумал он, идут приподнятые крыши. Захотелось нахлобучить на лоб остатки соломенной шляпы, которые сдуло во время скачки.

Полицейские у ворот впустили его, не спросив имени. Ему лишь порекомендовали с суховатой вежливостью оставить в конюшне лошадь – это было рядом, - так как в черте города возбранялось передвижение верхом.

Последнее являлось прерогативой полиции.

Требование не вызвало протеста. Далее он следовал пешком. Он видел редкие кареты, которые были скорее роскошью, чем средством передвижения.

Королевство, как выяснилось позже, и впрямь оказалось мизерным. Пока же он, ориентируясь на спешащую впереди женщину с ведром и изящной сумочкой через плечо – единственного знакомого здесь человека - брел, неуверенно осматриваясь, по проспекту, который казался запруженной камнями рекой.

Грубые булыжники, лежащие в мостовой неровно, кое-где не на местах, явно не шли к элегантным дамским туфлям. Мужские же туфли были однообразно-тоскливыми, и, напротив, очень подходили к булыжникам.

К владельцам обуви, - а их на проспекте было пруд пруди, - Годар не присматривался, так как брел, не поднимая головы. Он знал, что слишком отличается от здешних жителей, - отличается уже одной только одеждой.

Годар поравнялся со своей новой знакомой. Держа на весу полное ведро, она потрясала сумочкой у лотка с навесом. Торговец, повернувшись к ней вполоборота, отвечал на какие-то вопросы отрывисто и сердито. Женщина отстаивала право на минимальную цену, мотивируя его отсутствием лишней монеты в сумочке, что объяснялось суматохой, в которой ей приходится выполнять служебные обязанности. Ведь кто-то же должен отвечать за жизнь королевских птиц. Сходить же домой за деньгами и вернуться она не может.

Ведь кто-то же должен...

Будничная эта сценка проплыла мимо Годара. Он уловил из услышанного главное - в городе какая-то сумятица. И обнаружил теперь ее признаки. Те горожане, которых он принял вначале за праздных гуляк, растерянно скользили взглядами по спинам и затылкам впереди идущих. Все были подтянуты, имели крепкую, благородную поступь, однако, почувствовав затылком скользящий взгляд, сбивались на шаркающую походку. Тогда становилось явным, что большинство горожан на проспекте - люди пожилые.

Однако, чтобы заметить признаки жалкой старости, надо было застать их в домашней одежде после душа и рассмотреть с ближайшего расстояния.

Мужчина, поймавший взгляд на затылке, в конце концов оглядывался. Сутулость и шаркающая походка, на которые сбивали пристальные взгляды, исчезали, когда глаза встречались с глазами. Мимолетная надменная улыбка слетала с губ на долю секунды раньше, прежде, чем господа, приподняв шляпы, отворачивались друг от друга. Немые ссоры не становились предметом огласки даже среди их участников. У некоторых одиноких прохожих лица были такие, будто они ссорились безадресно.

Годар не смог дать подмеченному объяснения. В ноздри въелся неожиданный, неуместный запах овечьего сыра - это чуть не вызвало удушье. Поравнявшаяся с ним женщина с ведром хлопотливо несла в полуразвернутом виде головку сыра. Ее разъяснения по поводу инцидента в городе только притупили его любопытство. Из слов женщины следовало, что ночью в Шелковом вертепе, то бишь в Казенном доме на Шелковичной улице состоялся офицерский банкет по случаю формирования королевского войска.

Все шло своим чередом. Ровно в десять молодые повесы выстрелили шампанским, в двенадцать громыхнули жестяными кружками с пивом, а в два - затопали каблучищами по паркету. В три тридцать, как обычно, раздался звук лопнувшей струны и далее играли на стульях... Из окошка то и дело высовывалась девица - на долю секунды, чтобы не приметили и не вменили нарушения Границы между Ночью и Днем. Однако было замечено, что девица всякий раз другая... В пять вывалилось первое стекло из рамы, да так аккуратно, что осталось целым, а образовавшиеся по краям зубчики показались такими затейливыми, что поутру стекольщики не

стали ничего обтачивать - так и загнали обратно в раму. Но стекло-то снес не кто иной, как королевский шут Нор. Уж его-то она, государева птичница, узрела с расстояния вытянутой руки, только разве Государь усомнится в любимце? А если и усомнится, то в очередной раз размякнет от его небылиц. Шут в королевстве - персона неприкосновенная. В вертепе он пребывал ночью инкогнито.

Молодые повесы почему-то не стали выбивать второе окно. В разбитое же, через приоткрытые на четверть ставни, что само по себе противозаконно, повылетели пустые бутылки, наполненные сигаретным дымом. Зато к шести воцарилась ангельская тишина, будто дебоширы способны были уснуть. А ровно в шесть, когда взлетают вверх шторы и начинается день, никто из повес не вышел наружу. Все ставни в вертепе были сомкнуты.

Самое же удивительное выяснилось позже. На улицы Скира вышли только дворники, имевшие привычку приводить поутру в порядок мостовые на голодный и сухой желудок.

Все остальные жители, словно позабыв о времени суток, а, главное, о работе, тоже не раскрыли ставней и не подняли штор.

Безлюдный город пребывал в абсолютном молчании.

Когда же не смыкавшая глаз птичница открыла помещение, где ночевали внутри пространной клетки отборные королевские попугаи, то и попугаи не удостоили Суэнское солнце каким бы то ни было вниманием. Дно клетки украшала пестрая горка из теплых, разморенных тел с полуоткрытыми клювами...

Даже король не проснулся сегодняшним утром. Даже Дворец походил на вымерший улей. Тщетно носились дворники и птичница Марьяна по сонному королевству, поливая его подданных водопроводной водою, - подданные отвечали на заботу таким единодушием, какого Марьяна – управительница королевского Птичьего двора - не видывала на своем веку.

К трем часам дня от разноцветной горки на дне клетки стали медленно отделяться и подниматься к жердочкам, подобно пузырькам в сифоне, первые птички. Они клевали носом и наотрез отказывались отвечать на вопросы Марьяны.

Одновременно в разных частях города стали поскрипывать ставни и на улицах появились люди, среди которых нашлись служащие полиции и департамента внутренних дел. Экстренное следствие установило, что в городской водопровод был подмешан шнапс с сонным зельем. И то, и другое молодые бедокуры обнаружили в подвале вертепа, после чего тайно проникли к центральной трубе, и предрассветный стакан воды, с принятия которого суэнцы начинали день, вновь свалил их в постели. Ночь продлилась в итоге до трех часов дня.

Молодые повесы были взяты под стражу, королевское войско - расформировано, а день, ввиду его праздности, объявлен выходным. Знатные вельможи-отцы по сей день платят золотом и шелком штрафы в казну. Знатных повес выпускают в порядке очередности, в зависимости от размеров выкупа.

Чуть позже Годар узнал из беседы двух прохожих-ремесленников, что сонным зельем был осквернен не весь водопровод, а одна его ветвь, несущая в жилища скирян воды минерального источника.

Традиционный предрассветный стакан любезного вкусу целительного напитка наливали, как водится, прямо из крана. Да что там говорить, сокрушались беседующие господа, при любезном сердцу короля Птичьем дворе были на сей случай предусмотреныы автоматические поилки. Город остался без попугаев, будь они прокляты. И как только умудрились раскопать часть трубы под вертепом уволенные нынче офицеры, как исхитрились сместить Границу между Ночью и Днем, формально не нарушая буквы закона?..

К ночи, однако, вода сортировалась и подавалась в коммунальные объекты исправно - иностранец определил это по отсутствию новых версий.

Глава вторая

Славный рыцарь Годар, прибывший в ослабевшее Суэнское королевство из Стран Неестественной Ночи с тем, чтобы вызволить его из путины внутренних противоречий и избавить от налетов врага, благородный витязь Годар, зачисленный в королевское войско Указом Его Величества короля Кевина I от шести вечера, был приглашен в день прибытия на офицерский банкет по случаю формирования нового состава королевского войска. Приглашение вручил Годару дежурный чиновник департамента иностранных дел. Напрасно Годар отстаивал право на другие намерения; доказывал собственное - отнюдь не знатное - происхождение, рассказывая

перипетии родословной; напрасно просил проверить достоверность королевского указа, который , по его мнению, не мог появиться спустя всего час после появления в городе неизвестного странника, - клевавший носом пожилой чиновник мягко, но настойчиво рекомендовал явиться витязю королевского войска в Казенный дом на улице Шелковичной не позднее десяти часов, чтобы не подпасть под статью о нарушении Границы между Ночью и Днем.

Так как время в Краю Полуденного Солнца определялось по часам - настенным, настольным, наручным - которые согласовывались с курантами на часовой башне, что располагалась в ансамбле Дворцовой площади, а стрелки настольных часов в кабинете чиновника подтягивались к назначенному сроку, Годар счел разумным поспешить на Шелковичную улицу в некий Казенный дом, получивший у населения с легкой руки птичницы Марьяны славу вертепа, прозванного Шелковым.

Ему и в самом деле показалось неуютным приземистое бревенчатое здание, похожее на оброненный посреди двора спичечный коробок. Коробок окружали сомкнутые деревянные домишки, соединенные общей террасой, которая встречала и увлекала с собой по кругу взгляд незнакомца, не допуская до распахнутых в глубине ставней. Из утрамбованной земли торчали кое-где пучки травы вперемешку с пеньками вырубленных кустов.

На фоне общей невзрачности и тишины постукивание молоточка где-то в глубине кружения показалось Годару дурным знаком.

Башенные куранты, слышимые повсюду, пробили начало ночи.

Годар взлетел одним махом на крыльцо Дома, толкнул плавно отпрянувшую дверь и, проходя в полутьме коридора, услышал, как хлопнули разом все ставни и упали шторы.

Чьи-то тени отплыли от наглухо задрапированных от солнца окон. Зажглись свечи и осветили Ночь, простенькая процедура обустройства которой поддерживалась до того огоньком зажигалки. Теперь, когда запылали подсвечники и бра, эта точка света стала невидимой. Зато вспыхнули сигареты, сразу же вслед за этим затушенные. Люди, находившиеся в длинной зале, стены которой были увешаны ножнами из-под холодного оружия разных стилей и веков, встали за большой овальный стол. Выстрелило канонадой шампанское. Скрещенные тени от рук с бокалами образовали узор на стенах.

- Да здравствует Его Величество король Кевин Первый! - произнес кто-то взволнованным баритоном.

- Слава Государю! - прогремел четкий бас.

- Слава Государю! Слава Государю! Слава Государю! - эти слова несли по кругу, как чашу вина, не соблюдая, однако, строгой очередности. Их мог выкрикнуть, как бы от избытка чувств, человек, находящийся через несколько голов от предыдущего славословца. Тогда круговое движение, не дав сбоя, слегка замедлялось, вернувшись ненадолго назад. Голоса, через которые перескочили, поочередно давали знать о себе. Когда очередь вновь доходила до нетерпеливого, тот снова повторял тост, но уже спокойнее, тверже.

Шествие имени монарха приближалось к черте, где стоял в отдалении Годар, не видя своего места и не понимая своей роли.

- Слава Государю! Слава Государю! - отвесили сильным грудным девичьим голосом, после чего последовала заминка.

На Годара оглянулись. Одна из оглянувшихся - девушка с прямыми, огненно-черными волосами по пояс - указала ему на свободный стул слева от себя.

Годар, шагнув к столу, выкрикнул надтреснутым, чересчур громким голосом:

- Слава королю Кевину Первому!

Собственное имя монарха было передано через него от девушки к соседу справа. Тот вцепился ему в руку влажной ладонью. Другая рука Годара оказалась в твердой, гладкой, словно полированная дощечка, ладони девушки.

Эта гибкая дощечка свернула его пальцы в кулак. Сердце его вдруг начало бешеную скачку. К груди приливали две враждебные друг другу волны: одна - полная возвышенного негодования, прямо-таки ярости на какого-то неясного врага, способного отнять или запятнать имя; другая - столь же сильная - вся из трепетной нежности, из радужной морской пены и искрящихся брызгов.

Потом наступило расслабление, бездумная задумчивость, навеянная тихим, проникновенным тенором в левом краю стола. Протяжно, с чувством ритма, затянули песню на незнакомом языке. Каждый вступал в хор по мере того, как высвобождался из сгустка собственного пафоса, не расставаясь, однако, с ним насовсем, скорее, расширяя его, делая прозрачным, привнося в собственный жар еще и наружное тепло.

Годар, высвободив на секунду обе руки, взял ладони своих соседей поудобней и, крепко стиснув их, не выпускал до конца песни.

Пели негромко и печально. О непонятном. Тревога нарастала. Но хор становился громче, и дружные, стройные голоса единодушно устраняли тревогу. Она возвращалась. Ее устраняли опять. Ярость, нежность и бездумная задумчивость чередовались. Три этих состояния внезапно слились воедино, когда один из поющих опустился на стул, положил на колено гитару и властно провел по струнам.

Песня замерла.

Большеголовый парень в темно-синем кителе с серебристыми погонами без всяких знаков, в синих форменных рейтузах и узких сапогах, с такой же, как и у всех офицеров, саблей на боку, отличался от других только цветом широкой шелковой ленты через правое плечо, которая служила, видимо, единственным знаком различия.

Лента у парня с гитарой была бежевой. Склонившись над инструментом, он сосредоточенно терзал струны, заставляя их повторять все изгибы и изломы песни. Тревога стала полней. Она огрызалась, трепеща, наступала, раздуваясь от гнева. Но и боролись с ней яростней. Все смотрели с волнением, как струится пот по рябым щекам большеголового офицера, как темнеют, увлажняясь, густые рыжие волосы. Иногда он поднимал лицо и глядел вдаль невидящим взором, полным суровой нежности. Тогда Годар думал, что он - позер и, одновременно, мучился от неуместности, несправедливости своих подозрений.

Всего витязей - так, по-старинному велеречиво, именовали в странной стране сотенных командиров королевского войска - было девять, не считая Годара.

Все были молоды, едва ли не одногодки - его одногодки. Между ними пребывали четыре девушки в декольтированных вечерних платьях, сплошь в шелках. Он видел таких девушек разве что на иллюстрациях к романам девятнадцатого века. "Под какое время они стилизируют?" - подумал он с интересом. - Надо выбрать, как здесь держаться."

Музыка уходила постепенно, выбивая из сил гитариста. Он заиграл мягче, приглушенней, словно моля об отсрочке. Но музыка все-таки увернулась, вылилась в чистый, замирающий звук одинокой струны. Потом раздался шум последнего, басового, аккорда, похожий на суровый хлопок дверью. Офицер с бежевой лентой, высвободившись от гитары, резко встал.

- Слава Кевину, господа! - сказал он хрипло, и все осушили бокалы, наполненные до краев во время неистовства музыки.

Выдержав паузу, офицер повел разговор, держа пустой бокал, как подсвечник, и направляя его в разные стороны.

- Господа! Хоть мы и не знакомы, я уже имел честь видеть каждого из вас. Все вы хаживали в разное время возле родного моего дома в Суэнском переулке. Вы, господин с малиновой лентой, отправлялись по вечерам к учителю музыки. Ваша... прости... твоя скрипка мелькала в проеме окна, куда я поглядывал из глубины залы, два или три раза в неделю. Я запомнил разрисованный цветными мелками футляр и твой античный профиль. Когда ты возвращался обратно, в профиле была нарушена пропорция, а футляр был лишен рисунков. В это самое время из окна в доме напротив античный твой профиль и размалеванный футляр мог видеть витязь с сиреневой лентой... Братец, не подскажешь, что все-таки нам товарищ, выбравший малиновый цвет, рисовал на своем футляре? Я близорук с рождения, ты же глядел на небо в самодельные телескопы, заставив ими не только чердак, но и балкон, выходящий к моему дому. Походившие на разросшиеся во все стороны кактусы, они напоминали тебя, твою стриженую под ежик голову. Прости, но ты всегда был так занят, что мы так и не сумели познакомиться. Хотя с тобой дружил мой товарищ по Шахматному клубу. Тот, что безнадежно влюбился в дерзкую девчонку Лану, которая прислонилась сейчас к плечу единственного господина, которого я не видел нигде, никак - даже в деталях общего потока. Он в штатском и одет, как чужестранец. И все-таки этот витязь, не обозначивший себя цветом, тоже ходил, сужая круги, возле родного моего дома в Суэнском переулке. Потому, что я о нем читал!

Годар, слушавший офицера с интересом и растущей симпатией, выпустил от удивления из поля зрения его красивое раскрасневшееся лицо, мощную шею с напряженными мускулами, похожими на перекрученные бинты, выдвинутое вперед плечо с расслабленно возлежавшей бежевой лентой. Вниманием Годара завладел бокал,сквозь который блеснуло в его сторону пламя дальней свечи, чтоугодила на мгновение в поле стекла.

Все сразу заметили Годара. Он почувствовал это осязанием: скольжениемногих взглядов по лицу и одежде, под которой была еще и кожа, но не стал отводить каждый из них улыбкой.

Прищурившись, он пристально смотрел в лицо говорившего офицера и одновременно держал в поле зрения огонек, то и дело растворяющийся в фокусе стекла бокала.

- Я читал о нем короткими вечерами, так похожими друг на друга, что мне теперь кажется, что вечер был только один, и герой, про которого я читал в иностранных книгах из библиотеки отца, тоже был один. Я читал о нем, пока ты, Малиновый витязь, разучивал соло для скрипки, а еще один будущий наш товарищ - Сиреневый витязь - вытягивал моего друга из путины безответной любви, показывая ему места на безоблачном, синем небе, где должны были быть, по мнению астрономов, звезды. В последний раз книга называлась "Сказанием о Георгии, поразившем..." - Бежевый витязь запнулся. Краска
сползла с его щек. Он наполнил бокал и произнес поскучневшим голосом: - Будем знакомы: Давлас.

Все, в том числе и Годар, последовали его примеру - представились и выпили. После чего наступило время трапезы. Теперь можно было расслабиться и завязать беседу с ближайшими соседями по столу.

Годар наклонился к Лане:

- Скажи, пожалуйста, где можно достать форму?

Девушка иронично парировала: - Ты чувствуешь себя обнаженным? -

Скорее, чересчур одетым. Лана спокойно и лукаво смотрела ему в глаза с расстояния десяти сантиметров.

Усилием воли он сдержал инстинктивный порыв застегнуть верхнюю пуговицу на куртке.

- По правде говоря, я не совсем понимаю, кому и зачем я здесь понадобился. Скорее всего, произошла ошибка. Но я готов служить вашему королю даже по ошибке. Вот только бы найти человека, который бы разъяснил мне мои обязанности. И форму. Хотя бы без шелковой ленты.

- Так не бывает, - засмеялась Лана, - сотенные командиры без ленты в природе не встречаются. Иначе ратники потеряли бы знаки различия, и вместо войска перед Его Величеством предстала бы тысяча обычных мальчишек. Когда ты выберешь ленту, твои солдаты сделают себе на погоны нашивки того же цвета.

- Ну, и где же у вас ленты?

- О, это вопрос сложный! Ленты, как и форму, изготовляют семейные портные. Все это готовится с детства, и не зависит от того, назначат ли владельца мундира и ленты в королевское войско и станет ли он сотенным. Выбрать цвет проще. Такому сироте, как ты, это проще простого. Думаю, тебе следует поступить так, как поступил однажды граф Аризонский. Человек, открывший эту землю и основавший наше государство, великий географ и путешественник граф Ник Аризонский, приведя сюда отряд поселенцев, воткнул штырь с зеленым полотнищем недалеко от места, где теперь Королевский Дворец. Но здешнее солнышко за пару недель сделало флаг неотличимым по цвету от растресканной глины. Среди поселенцев было много умельцев - с графом в будущую Суэнию пришла не только знать, но и люди попроще: доктора, учителя, ремесленники, крестьяне. Были среди них и ученые. Последние занялись изобретением закрепителя красок. Но, какие бы красители они ни употребляли, каждое новое полотнище вскоре превращалось в ветошь цвета глины. Государство, которое еще предстояло построить, рисковало остаться без Флага, если, конечно, не держать его вечно, как узника, в стенах Дворца. И тут появились феи. Бродячие, похожие на цыганок. Самую красивую из них граф Аризонский взял в жены. На других женились некоторые холостые поселенцы. Супруга Аризонского собственноручно изготовила шелкотканое полотнище. Волшебную материю назвали впоследствии вечным, несгораемым шелком. Из суэнского шелка шьют теперь вечерние платья знатным дамам. Из него же изготавливают ленты сотенных командиров и нашивки на погоны рядовым.

Но даже несгораемое, не ветшающее рукоделие феи не смогло удержать краску: зелень полотнища выцвела под неумолимым солнцем.

Тогда фея предложила поднять на флагштоке прозрачный шелкотканный флаг, сквозь который можно было увидеть все изменения облаков, все оттенки белого на фоне золотисто-голубого неба, или любой другой цвет, который придумается взглянувшему.

Граф счел затею единственно разумным выходом из положения. "Что ж, пусть каждый видит то, что ему увидится. Был бы только разумен правитель, - решил он. - Все равно, больше того, что есть на свете, не увидишь".

Когда же флаг вознесся над поселением на длинном металлическом флагштоке, Аризонский, согласно шутливому ритуалу, придуманному супругой, взглянул, приставив козырьком ладонь ко лбу, на полотнище, и, усмехнувшись, заказал себе новый сюртук: темно-зеленый, точно такой, в

каком был одет в тот день, даже того же покроя. А первым правителем назначил, короновав, своего лучшего друга Джона. Сам он предпочел политикезанятия наукой... Начало причудливому нашему государству положил союз географа и феи. Так гласит легенда... Или сплетня!

Последнюю фразу Лана, говорившая до того вполголоса, произнесла шепотом.

Годар вздрогнул и очнулся от очарования рассказа. Глаза Ланы смеялись.

Витязь с алой лентой, тот самый сосед по столу, с которым они держались во время пения за руки, выстроил, сдвинув в линию, три бокала.

- Господа, предлагаю трехсторонний брудершафт. Ну-ка, рыцарь, передвинься.

Годар и Ник - так звали Алого витязя - поменялись местами.

Ник наполнил бокалы, зажал средний двумя соседними и ловко приподнял все три, держа побелевшими пальцами только ножки боковых.

- Возьмите меня под руки, - прошипел он, не шелохнувшись.

Лана и Годар поспешно, но осторожно продели свои руки под локти витязя.

Пригнув голову, Ник поочередно отпил из всех трех бокалов ровно столько, сколко можно было отпить, не накреняя их. Опустив конструкцию на стол, он удовлетворенно сказал:

- Так как фокуса вам, господа, не повторить, предлагаю все это перемешать и допить традиционным способом.

Бокалы накрыли офицерским кивером и несколько раз переместили в три руки, после чего Ник, Годар и Лана, чокнувшись, выпили за дружбу.

Закрутилась грампластинка с танцевальной мелодией. Ник пригласил на танец их обоих, молча вытянув из-за стола за руки. Положив друг другу руки на плечи, все трое пошли делать круги в ритме музыки, но потом, развеселившись, убыстрили темп и сломали прежний ритм.

Музыка отстала.

Поодаль выделывал в одиночестве свои па Давлас. Две девушки приплясывали, похохатывая, и подмигивали Нику, который, двигая пританцовывающей бровью, зазывал их в свой танцевальный круг. Ник был худощавым брюнетом с густым чубом, сероглазый, с неповторимо-зажигательным, шальным взглядом, который плохо увязывался с уравновешенным внешне темпераментом... Проплыла, нырнув в их круг и тут же покинув его, еще одна девушка. Давлас взял ее за талию и завальсировал.

Несколько раз танцы прерывались, хотя пластинка продолжала крутиться - вновь и вновь, все одна и та же. На пятачке, где танцевали, чуть ли не на ходу произносили тосты, и все пили. Бокалы для удобства сгрудили на краю стола, за которым начинался пятачок. Годар, не понимая себя, шел, поводя плечами, на Лану, и, казалось, проскальзывал сквозь нее. Лана была как прозрачная податливая стена, о которую не хочется опереться. Хочется окунуться в нее и войти, задержавшись ровно настолько, сколько длится один шаг в легкой цепочке других шагов. Из одной прозрачной, будто светящиеся лунным светом стены, он сразу попадал в другую: другой человек шел на него, поводя плечами, а если таковой подворачивался не сразу, Годар делал шаг-другой в сторону и нырял в кого попало. Он уже не интересовался, в кого. Край освещенной одними свечами комнаты, где вершились танцы, не поскупился впустить в себя лабиринт из прозрачных человеческих душ, будто специально скинувших перед Годаром тела. Все называли его славным, доблестным рыцарем Годаром. И отдавались в танце. И вели за собой.

Блаженно улыбаясь, он благодарил всех краткими сумбурными тостами, неясными движениями. Он кивал налево и направо. И бежал легкими, звонкими шагами по коридорам лабиринта, и хотел только одного - все новых коридоров. Таких, из которых можно было вновь попасть в прежние. Но так, чтобы прежний коридор ждал его как новый, как очередной.

Но и коридоры шли сквозь него, как токи. И это было самым сладостным. Он словно сжимал до хруста плод граната, и сок, брызнувший сквозь треснувшую в разных местах кожуру, пьянил не только его, но и плавно бегущий навстречу коридор. Неожиданные перекрестные коридоры проскакивали сквозь него сбоку, резко поворачивали к себе и озорно струились сквозь замирающее сердце. Души бежали друг в друга и не мешали друг другу – потерявшие имена, тела, не раздельные, неотделимые от него, как родная кожа. То вальсируя, то исполняя свободный танец, Годар мог двигаться в любом направлении, не слушая музыку, бросаться навстречу не пройденному еще коридору и менять своим темпом его темп - сбивать с ритма, чтобы слегка насладиться хмелью замедленного шага. Всего лишь одного шага в бесконечной цепочке, которую можно рассыпать и соединять вновь. Иногда он кидался на коридор сбоку первым, и уже он, Годар, менял направление коридора, а не наоборот.

Порой две души отделялись и проскакивали друг сквозь друга, словно две крошечные комнатушки. В миг проскока образовывался срез коридора – будто отрезанный ломтик рулета. Его сладостно притягивал сокращенный в то самое мгновение коридор и ломтика - как ни бывало. Лабиринту хотелось длиться и быть непонятным тем, кто оставался в тени, где-нибудь за столом, предпочитая быть освещенным одними свечами. Однако все присутствующие были внутри, и тем, кто мог бы, пожав плечами, вызвать к себе высокомерную жалость, взяться в этот час было неоткуда.

...Когда подустали и присели, как на иголки, за стол, взволнованные, трогательно-любезные, готовые перекувыркнуться друг к другу через скатерть с пролитым вином, во главе общего порыва встал Давлас.

- Господа, я люблю вас! - он держал бокал в вытянутой на всю длину руке, не глядя ни на кого конкретно, но каждый знал, что отражается в его слегка помутневших, исступленно-синих глазах. - Да простят меня дамы, что и их я называю величальным словом "господа". Вслушайтесь в него, братцы... Я люблю тебя, Малиновый витязь, за то, что ты наконец добрался до моего дома, который был еще вчера в Суэнском переулке. А тебя, Сиреневый мой звездочет, я люблю за то, что ты предпочел найти меня и Малинового витязя лишь сегодня. Я люблю тебя, рыцарь Годар, за то, что ты пробудил во мне любознательность. А тебя и твоих подруг, милая моя Ланочка, я люблю простотак... Просто так. Просто так! Да!.. Я, кажется, люблю просто так даже ЕГО...

Пауза за осечкой затянулась, словно у Давласа образовался провал в памяти.

Годар не понял, почему все опустили глаза в тарелки, хотя никто не отставил своего бокала.

Давлас, покачнувшись, кашлянул и последующие слова произнес ровным, твердым голосом:

- И, конечно же, я люблю короля Кевина и дочь его Адриану - это так ясно, что не нуждается в повторениях. Мы закрепили свое чувство к королю в двух простеньких, цепляющих за душу словцах: "Слава Кевину!". Это полезно произносить по буквам, чтобы ощутить на языке вкус.

Он опять помолчал. Все в нем дышало искренностью, подкупало мужественностью. Лана, сцепив руки на коленях, не смотрела в его сторону, но видела каждое движение губ, каждую каплю пота, увлажняющую выступившую за еще не оконченную ночь щетину. Годар понимал это, не глядя на Лану. Ему хотелось подмигнуть кому-нибудь, и в этом не было примеси грусти, потому, что подмигнуть всем сразу не представлялось возможным. Годар касался сам себе причесанным, побритым и - одновременно - сладко-небрежным, способным на хамскую выходку. Он мог бы, например, дернуть Лану за косичку, если бы таковая у нее имелась. Или стащить с тарелки Ника кусок бифштекса.

И тут, словно подслушав его желание, Давлас выкинул грандиозную шалость.

- А слабо переставить буковки местами? - вкрадчиво спросил он и поочередно обвел все лица почти безумным взглядом. Разве перемещение ыв буковках имени изменит объект поклонения? Слабо испытать свои чувства, господа? Мне не слабо. Унивек авалс!

Годар услышал, как заиграл минорно вдали, за наглухо зашторенными окнами, трубач и тут же смолк, запнувшись на полуноте. Годара словно отнесло на несколько метров вглубь моря мощной соленой волной, и торжествующий голос Давласа он услышал издалека.

- Что изменилось, господа, кроме направления? Была бы сила, а... Гм.

- Унивек авалс! Я люблю тебя, Бежевый витязь!" - выкрикнула Лана.

- Я знал это, моя девочка, - донеслось от Давласа.

Несколько секунд спустя он уже держал под сидение одной только ладонью стул с чинно восседающей на нем улыбчивой Ланой и молил, протягивая свободную руку:

- Даму! Еще одну даму!..

Но сцена эта мало кого занимала. Места за столом вновь опустели. Витязи и дамы, разбившись по двое - по трое, разбрелись по всей комнате и шумно беседовали.

Годар тоже поднялся. Он видел, как Давлас отнес стул с Ланой к окну, сел на пол и накрыл ладонью обе ее кисти, попрежнему сцепленные на коленях. Ник, бухнувшись в одно из кресел, счищал ножичком кожуру с апельсина. Не зная к кому присоединиться, Годар отошел пока к стене, где смутно виднелась какая-то картина в массивной позолоченной рамке. Картина оказалась портретом мужчины, стоявшего в полный рост среди распаханной степи. Из-за спины его высовывался флагшток с прозрачным полотнищем.

Фигура мужчины, казалось, находилась в десяти шагах от смотрящего. Годар сначало решил, что это - король Кевин, но, когда осветил портрет свечой, краски ожили и выдали одутловатое лицо пожилого человека в зеленом сюртуке.

Художник наложил на дряблые щеки загар, придал усталым глазам маслянистый солнечный блеск, но герой портрета все равно вышел из образа счастливой, благообразной старости. Степь на картине сморщилась, стала жалкой. Захотелось отодвинуть, словно потайную дверь, одну из стен, но это желание не являлось необычным - в комнате не было предусмотрено места для танцев - танцевать приходилось на узком пятачке за левым концом стола.

Годар взглянул украдкой в сторону Ланы. На месте, где был только что стул, колыхался прикрытый шторой бугор. Его потянуло туда же, как на свежий воздух. В этот миг Лана выпорхнула и побежала, путаясь в оборванном шнуре со шторы, поправляя растрепавшиеся волосы. На пути ее вырос Ник, галантнопоцеловал в щеку. Она погладила его по плечу и встретилась взглядом с Годаром.

Годар кинулся навстречу. Обнявшись, они присели и нырнули под стол. Он откинулся на спину, а Лана, примостившись рядом, облегла его, словно сбившееся одеяло. Все время хотелось поцеловать ее в лоб, откинув челку.

Лана была единственной на вечере девушке без прически, и это ужасно нравилось.

Вокруг мелькали ноги. Только в одном месте край скатерти был вздернут на спинку стула, и в открывшийся обзор попали настенные часы с выскочившей кукушкой. Стрелок он не видел, а кукушку слушал машинально. Но когда она заскочила обратно, снаружи прилетела еще одна кукушка и уселась на место прежней. Все это Годар фиксировал бездумно. Однако вторая кукушка разрушила логику реальности и сконцентрировала на себе внимание. Оказалось, что это - волнистый попугайчик: смирный, нахохлившийся, противно-живой. Снова потянуло на шалости. Можно было бы пульнуть в попугайчика из рогатки. Возник порыв немедленно смастерить рогатку. Он поделился намерением с Ланой.

- А знаешь, Давлас приоткрыл створку и мы увидели день, - ответила Лана, глядя на него осоловевшими глазами.

- Давлас - наш командир? - спросил Годар сухо.

- Над сотенными нет командиров. Ими верховодит только король, - голос ее струился тихо, мечтательно и тоже обволакивал. - Давлас - отличный парень.Такой же вчерашний студент, как и остальные. Только бойкий.

- Ага, выронил удовлетворенно Годар.

- А мы, девушки, состоим в качестве военнослужащих медбытчасти. Она формируется еще медленнее, чем сотни.

Годар промолчал, удовлетворенный и ответом на немой вопрос о "качестве". В порыве благодарной откровенности он выпалил вопрос, обращаемый обычно к близким друзьям:

- Как ты думаешь, люди собираются для того, чтобы делать дело или делают дело для того, чтобы собираться?

- Сходи утром на площадь, присмотрись к Флагу и выбери себе цвет, - выдала Лана идею, притянутую к привеску в форме легенды. Засмеявшись, она обвила все его наглухо застегнутое туловище. - А знаешь, язык фей сохранился в текстах старинных песен. Только мы позабыли значения слов. И поем эти песни не понимая.

Звон бокалов, звуки голосов и шагов напоминали шум перебиваемого ветром дождя. Он окружал их, не касаясь. И вдруг некто встал на четвереньки и посмотрел на их убежище оттуда - из дождя.

- Иди к нам, Ник, - поманила Лана.

Ник, выгнув спину, грациозно переместил все четыре конечности и повис над ними в позе отжимающегося атлета.

- Годарчик, посмотри, пожалуйста, что у меня в рукаве, - попросил он ласково.

Годар похлопал его по рукаву мундира, нащупал плоский круглый предмет и попробовал извлечь его, нырнув в рукав ладонью. Не получилось. Годар нырнул еще раз, уже под рукав сорочки и извлек карманные серебряные часы с цепочкой.

- На память. В знак дружбы, - скромно сказал Ник. Другой рукав он предложил Лане, и та извлекла золотой медальон с изображением Мадонны.

Ник, протяжно вздохнув, плавно опустил туловище, принакрыв их обоих грудью. Теперь они с Ланой касались друг друга плечами Ника. По запястью Годара разливалось тепло - этой частью руки он коснулся горячей кожи товарища. Нырнув в рукав Алого витязя за медальоном, Лана тоже запечатлела на запястье его прикосновение, и Годар теперь чувствовал близость Ланы, как никогда.

Шум дождя ушел еще дальше. Потом ушел и Ник. Но сразу же вслед за тем, как Ник, выбравшись из-за стола, поднялся с четверенек, шум дождя распался на звон бокалов, звуки голосов и шагов.

Шумы и звуки проникали отовсюду, подобно плотным каплям, которые можно было не только слышать, но и смутно видеть. Самой большой каплей был невнятный, взбудораженный голос Давласа. Обращаясь к Нику, Бежевый витязь вытягивал признание в краже из кафе в Суэнском переулке ящика шампанского. Ник охотно сознался, и воспоминание о совместной проделке стало для присутствующих признанием в давнем знакомстве. Выяснилось, что Ник и Давлас сдвигали бокалы еще до назначения в войско. В ход пошли подробности других поделок, во время чего обоим изменила память. Вернувшись медленно к первой проделке, каждый вспомнил, что выпил большую часть содержимого ящика, с кражи которого завязалось знакомство, и теперь, чтобы решить, кому досталась меньшая часть, приятели потребовали такой же ящик. Кто-то побежал в подвал. Ноги замельтешили...

На стол водрузили что-то тяжело-звонкое. Раздались смешки, и началось азартное состязание. Лана несколько раз порывалась присоединиться к болельщикам, но Годар удерживал ее за талию.

Он не запомнил, сколько это длилось.

Давлас произносил длинные велеречивые тосты. Ник встречал их остроумными афоризмами, а в тостах был краток.

Давлас затягивал застольные песни. Ник принимался затягивать арии из оперетт.

Потом внимание присутствующих рассеялось, и диалог Давласа и Ника заволокло шумом других голосов, обращенных к разным собеседникам. Теперь ряды звуков распались на какофонию из обрывка фразы, вскрика упавшей вилки, бархатного шуршания скомканной салфетки... Руки Годара ныли от напряжения. Но Лана напряглась сильней и все-таки вырвалась. Она словно подстерегла момент, когда Давлас, свесившись со стула, стал медленно сползать на пол. Тело его соскользнуло ей на руки. Стул упал тоже. Прежде, чем забыться сном, Бежевый витязь оттолкнул его ногой.

Ник стоял спиной к этой картине, напряженно удерживая подчеркнуто правильную осанку. Из-за плеча его выглядывали сердитые девичьи глаза.

Выбравшись из-за стола на свой стул, Годар долго потягивал стакан газировки. Потом наложил салату в тарелку. Украдкой он посматривал на хлопочущую над Давласом Лану. Бежевый витязь морщился, вздрагивал во сне, ронял капли пота ей на ладони. Лана нежно поглаживала его по щеке, и Годар ощущал мокрую щетину на ладони у себя. Раздражение шло от руки и подступало к сердцу, делая его бег громким, тяжеловесным. Он нервно сцепил и разжал пальцы. Один раз, другой... Снова заиграла музыка.

Чтобы отмахнуться от досады, он влился в группу танцующих, сунулся вслепую, ведомый нежной мелодией, туда, где проходил прежде коридор из прозрачных тел-душ, нащупал его равнодушное тепло и, проскочив некий свободный отрезок, свернул за угол, в другой коридор, не почувствовав, однако, никакой разницы.

Годар и коридоры брели друг сквозь друга, словно задумавшиеся, отрешенные странники-одиночки. Стены проскакивали сквозь него так легко, будто он внутренне расступался. Он уже не хотел этой легкости, но стены не хотели иметь его в качестве преграды. "Упереться вочто-нибудь грудью! Упереться во что-нибудь грудью!" - застучало в висках. Ладонь, оскорбленная щетиной Давласа, несколько раз свернулась и распрямилась. Сжимая кулаки, он терзал ногтями собственную кожу. Он горел желанием садануть кулаком в стену, но стены нигде не было: все пути и закоулки открылись, словно безразличные жены.

Вдруг он напоролся на плотноватую стену и от неожиданности застыл, как вкопанный. Тонкая волокнистая преграда легла, наконец, на грудь, но ощущение, возникшее от неожиданно сбывшегося желания, было таким привычным и - одновременно - чужим, что он прорвал заслон без усилия, без сожаления и двинулся дальше.

Стенка, в которой он смутно разглядел девушку, танцевавшую до того с Ником, прильнула к нему сзади, застопорив обратную дорогу. Однако Годар, нарочно развернувшись, еще раз прошел сквозь нее. Во второй раз было не так упруго - стенка походила теперь на сорванную вуаль, сползшую на пол по его одежде. Досадуя на собственную жестокость, он развернулся, и, пройдя вновь некий свободный отрезок, во что-то уперся: настырное и увертливое одновременно. Он прорвал, не прилагая ни малейших усилий, и этот препон, как ломают ветви, ломясь сквозь чащу, и лишь потом обнаруживают ссадины.

Каждая стенка, кидающаяся к нему на грудь, была ненужной, а та единственная стена, которую он искал, пролетела бы сквозь него, как пуля, не убив только потому, что лабиринт, который они все составляли, все-таки был бесплотным.

Некоторые стены вставали перед Годаром просто так; другие - нарочно, думая, что смогут преградить дорогу к единственно-необходимой преграде, и эти последние стали противны.

Отдаленно закуковала кукушка на часах. Вспомнился попугай, которого теперь хотелось размазать по стене. Но вслед за смолкшей кукушкой замолкла и музыка.

Годар - мрачный, осунувшийся - посмотрел вокруг себя и не увидел никакого лабиринта: рядом были подуставшие офицеры и дамы, прервавшие танец так же вдруг - сникающие, со следами неудовольствия на лицах.

Лана, бывшая, как оказалось, совсем близко, на расстоянии протянутой руки,
тронула его за рукав:

- Я сошью тебе мундир сама. Следуй за мной, - велела она совершенно белыми губами.

Годар понял, что каким-то образом танцевал и с нею тоже.

Пораженный, терзаемый раскаянием, он блаженно двинулся за своей неузнанной...

Пустая койка в огромной общей спальне, в ряду многих других, таких же одинаково-узких, убранных серыми покрывалами, приняла их, как два случайно слипшихся листа, отпавших от искусственного плюща, что свисал, цепляясь за бра, со всех стен.

Он снял с нее платье одним рывком, обнял за талию и, прильнув на долю секунды щекой к груди, отпрянул, словно его огрели по лбу поленом. Талия, грудь, шея да и, похоже, все другие прелести были покрыты не кожей, по-женски тонкой и бархатистой, а, скорее, суховатой древесной корой.

Однако Годар все-таки не выпустил девущку из объятий, решив довести
начатое до конца.

Но все это вдруг приостановилось и страшно оборвалось.

Впереди возник коридор лабиринта, где загустевал воздух. Годар влип в него, словно насекомое.

Сгущающееся, непроходимое вещество коридора
принимало пугающие формы...

Лана, нервно расхохотавшись, оттолкнула его.

Годар, охнув, провалился в забытье.

Глава третья

Проснулся Годар словно от нудного, растянутого на долгие часы толчка.

Сквозь полупрозрачную занавеску на высоком окне, к которому он лежал головой, просеялся непрямой свет зависшего где-то над крышей солнца и словно запорошило плечо, голову. Когда покров стал душным, Годар резко вскочил и принялся озираться в поисках часов. Он надеялся обнаружить их на стене, но не увидел ничего, кроме искусственного плюща, который никогда не встречался в краю в естественном виде, и бра с потушенными огарками.

На тумбочке у койки Годар нашел записку.

"Дорогой Годар! - написал Ник наспех карандашом. - Тебе не обязательно являться на службу сегодня. Отдохни с дороги. Только не опоздай, пожалуйста, к завтрашнему сбору у казарм на Дворцовой площади. Завтра в восемь утра предстоит формирование рядового состава, и тут уж нам друг без друга никак не обойтись."

Годар вспоинил о часах, подаренных Ником, вынул их из кармана и, положив на записку, которую прочел, не дотрагиваясь, отошел поскорей от тумбочки с двойственным чувством облегчения и обкраденности. Про себя он с удовлетворением отметил, что уже двенадцатый час, и, не торопясь, машинально заглянул в шкаф для одежды.

Одно из отделений было доверху набито новеньким обмундированием в фабричных бумажных пакетах. В другом находились коробки с сапогами. На высокой полке располагались цилиндрические кивера. Для полного счастья не хватало только шелковых лент.

Годар нетерпеливо захлопнул дверцы, отпил минеральной воды из горлышка графина, что находился на ближней тумбочке и подался к выходу из странного Дома. Проходя коридор, он заметил запертую дверь в еще какую-то комнату и проход на небольшую веранду, где располагалась пустующая стойка и сгрудившиеся кое-как столики. Видимо, он был здесь в этот час единственной живой душой.

На крыльце Годар присел на ступеньку и закурил. О прошедшей ночи лучше всего напоминало собственное тело - ощущением древесной коры на губах, своей обманутой свободой. Тыльная сторона локтя сохранила память о соприкосновении с рукой Ника - рукой с обычной человеческой кожей, и то, что он ощутил от попытки телесного контакта с Ланой, походило на пощечину самому себе. Все это хотелось смыть, захлпнуть, как дверцы шкафа с казенной одеждой. Он стал отвлекать себя от неприятных ощущений поиском закономерностей, которыми была пронизана жизнь и сделал, в утешение себе, верный, как выяснилось впоследствии, вывод о том, что здешние женщины отличаются от местных мужчин иным строением кожи. Мужчины в этом плане ничем не отличались от европейцев, и вынуждены были защищаться от неусыпного солнца закрытыми костюмами из суровых тканей. Слабую же половину спасала суровость собственной кожи: шелка служили дамам лишь украшением.

Непонятно было, однако, как возникло такое различие у выходцев из Европы, имеющих одни корни и ведущих одинаковый образ жизни. Слабый отсвет на тайну бросала легенда о феях, с которыми, якобы, породнились поселенцы.

Мысль о тайне успокоила Годара, вернула ощущение новизны, любопытство к происходящему с ним приключению. Он отметил контрасты, казавшиеся на первый взгляд безвкусицей. Военная форма, близкая к европейским образцам прошлых веков, западноевропейское слово "рыцарь", которым его величали без тени иронии, плохо состыковывались с разноцветными шелковыми лентами, званием "сотенный командир", обращением "витязь". Эта причудливая смесь из антуража разных эпох и стилей в сочетании с полусказочными ритуалами опьянила ночью душу, многое в ней разбросав. Будучи республиканцем, если не сказать, анархистом - в душе, он готов был служить королю. Оставаясь в душе странником, смакующим свою добровольную бездомность и мнимую безродность, он искренне собирается влиться в ряды офицерства, состоящего из отпрысков родовитой знати.

Теперь день восстанавливал структуру его убеждений, вносил трезвость, которой он внутренне противился. "Все было не так уж и плохо, - признался он себе. - Странно, но многое было очень похоже на то, чего я хотел."

Военная служба, показавшаяся после пробуждения отталкивающей, предвкушалась теперь, как приключение. Его тянуло туда. Но Лана, Давлас и Ник должны были попасть в некое другое приключение. Он не желал их видеть, хотя испытывал ко всем троим мучительно-отстраненную признательность.

Годар корил себя за то, что не может стать проще и теплее, чем он был сегодня - при свете очередного дня.

На часть террасы, спаявшую в линию напротив домишки с островерхими крышами вышел мужчина лет тридцати пяти и тоже закурил.

Это был шатен с тонкими аккуратными усами на длинном лице, тщательно выбритый, в белоснежной сорочке. На плечи его был накинут гражданский китель. В вытянутой руке, которая, незаметно опираясь локтем о перила, словно лежала на воздухе, мужчина держал мундштук с папиросой, обхватив его большим и указательным пальцами. Он задумчиво, мягко глядел вбок - в землю, а когда, согнув руку в локте, делал затяжку, взгляд его делался жестким. Он прищуривался, и, откинув нетерпеливым движением головы челку со лба, переводил его в другое направление, где, нащупав в пространстве какую-нибудь точку, вновь погружался в рассеянную, печальную задумчивость.

Годар, увидев этого человека, вдруг обратил внимание на то, чему не придал значения ночью - на взопревшую, обветшавшую свою одежду, пыль на стоптанных ботинках, густую щетину, превосходящую неопрятностью щетину Давласа, - все это не вязалось с принятым им вполушутку представлением о себе, как о витязе рыцарского рода. В королевстве, где все по-своему стремилось, пусть и неуклюже, к изяществу, дальнейшее его пребывание в таком обличьи, могли истолковать как насмешку над государством. Это не входило в его планы. Будь он в стране обычной, последнее обстоятельство ему бы даже польстило. Но здесь, где свет был одновременно назойливым и щедрым на радости, где блаженство сочеталось с необъяснимой тревогой, а жители оставались трогательно-близкими и отталкивающими, дарующими выскальзывающее из рук счастье; здесь, где все еще было неузнано и непонятно, примесь эпатажа, проистекающего из его привычки к сарказму, была неуместна. Город еще не заслужил его насмешки.

Однако какой-то резон в сочетании облика бродяги на коне и сияющего слова "рыцарь" явно имелся. И имелся как раз в Стране Полуденного Солнца. Не потому, что на ум просилась аллюзия с героем Сервантеса. Интуитивно он чувствовал, что не выдержал бы без подпорки в виде

сияющего слова - оседлал бы коня и умчался из страны. С другой стороны, сияющее слово стерлось бы, постепенно ускользая из памяти, если бы им обозначили человека с другим образом - не Годара во всем его облачении.

Все это было запутанно и оставляло ощущение беспомощности уверенного в своей правоте человека, который ничего не может доказать при помощи логики. Сегодня что-то подсказывало ему, что следует поступить против обыкновения: не раздумывая, повинуясь первому велению сердца. Сердце же настоятельно велело побриться, принять душ, переодеться. Но где? Во что? Он не сомневался, что в Казенном доме имеется ванная комната, и в ней - новенькие бритвенные принадлежности, что в шкафу можно выбрать обмундирование, пусть и без знаков отличия. Но в такой форме показываться в городе не хотелось. Предстоит сначала достать ленту. Для этого надо с кем-нибудь посоветоваться. Можно будет походить, пока подыскиваешь ленту, в штатском. А штатского в Казенном доме не достать. Это уже легче. Значит, нет смысла в него возвращаться. Неплохо бы переночевать следующую ночь подальше отсюда, а за тощим походным мешком с единственной ценной принадлежностью - старой тетрадью, который он бросил где-то в коридоре, когда вошел накануне в странное заведение, можно будет послать слугу - если в городе живет знать, значит, должны быть и слуги.

Годар двинулся к террасе, где стоял задумчивый шатен, аккуратному виду которого не мешала даже непокорная челка, потому, что он вовремя укладывал ее в прическу ловким движением головы.

- Утро доброе, - произнес Годар с нажимом, грубовато, в чем тут же раскаялся и в продолжение дальнейшей беседы больше не прикрывал стеснительности: - Я - странник Годар, иностранец. Со вчерашнего вечера - ратник королевского войска. Не могли бы вы оказать мне любезность... Нет ли у вас, уважаемый, ванной? Мне необходимо принять душ, - он и сам удивился наглому завершению своего внутреннего монолога.

Незнакомец, посмотревший ему в глаза мягким, серьезным взглядом, сразу же затушил папиросу, открыл дверь, ведущую на террасу со двора и сделал характерный пригласительный жест, после чего схватился рукой за грудь, извиняясь, жестом же, за промедление.

- Пожалуйста-пожалуйста! Проходите, располагайтесь. Мой дом в вашем распоряжении, - заговорил он взволнованно, густым баритоном, который, казалось, разрывался на куски от порывов искренности. – Подождите секундочку, я сейчас.

Он скрылся в комнате, где что-то грохнуло, и вернулся через пару секунд со стулом. Ненавязчиво глядя Годару в глаза, не позволяя себе обсмотреть его одежду и обувь, незнакомец деликатно усадил его, сам же, отступив на шаг-другой, опустился на край табуретки:

- Будем знакомы - Мартин.

Годар невольно усмехнулся, но тутже уничтожил усмешку неловкой улыбкой.

-Вы не переживайте так. Со мной ничего не случилось. Я просто совершенно не знаю, с кем посоветоваться. Я оказался в городе случайно, накануне, и понятия не имею о том, где можно побриться, приобрести костюм. Впрочем, душ, наверное, имеется и в гостинице. Я зря сюда пришел. Извините.

Он хотел встать, чтобы избежать услужливости, на которую сам же напросился, хотел услышать совет издалека, выкрикнутый вдогонку. Но хозяин так поспешно вскочил со своей табуретки, опрокинув ее, с такой искренней порывистостью подался к нему и положил руку на плечо, деликатно касаясь лишь подушечками пальцев, что Годар удержался на месте и выпалил:

- У вас газировки не найдется? Очень жарко, все время хочется пить.

Спустя время он сидел за чашкой кофе, приготовленного самим хозяином (тот не держал прислуги), повеселевший, помолодевший после бритья, в хозяйском халате, и делился впечатлениями о местной природе.

- Мне понятно ваше недоумение, - сказал Мартин, внимательно выслушав его, - смесь радости и грусти неизбежна при взгляде на полуденную степь. В моем семейном архиве хранятся подлинники дневников графа Аризонского. В них зафиксировано многое из того, что происходит на суэнской земле под действием недвижного солнца. Граф был географом - очень неплохим для своего времени. В его трудах не содержится грандиозных обобщений, но описательные главы местами настолько живописны, что мне всегда хотелось написать к таким местам музыку. Но я не композитор, - Мартин улыбнулся своей грустной, доверчивой улыбкой, - И потом, я не могу быть объективным: имя графа для меня слишком дорого - я ношу его фамилию.

- Как, вы - Аризонский?! - вскричал Годар.

- А почему это вас удивляет? - удивился в свою очередь Мартин.

- Не удивляет, а впечатляет. Я слышал о графе очень теплые отзывы... Идаже видел его портрет. В Казенном доме, - Годар смутился.

- Такой вот? - кивнул, усмехнувшись, Мартин на стену.

- О, да! - воскликнул Годар. - Только гораздо больший. Я даже вначале подумал, что на портрете - король.

Мартин промолчал. Рука его, вытянувшись в прямую линию, легла на угол стола. В задумчивости он придвинул к себе пепельницу, тронул мундштук на дне.

- Вам необходим костюм, - сказал он как бы походя, как о деле, давно решенном. - Когда, лет десять тому назад, я был пониже ростом и поуже в плечах, то носил... Сейчас покажу.

Он бесшумно прошел по паласу к старинному шкафу, занимающему чуть ли не треть комнатушки, распахнул дверцы. Изнутри на Годара глянул, заставив его вздрогнуть, мундир ратника королевского войска, висящий на плечиках вешалки так славно, так элегантно, словно был живым и ощущал присутствиехозяина.

Шелковая лента цвета зрелой летней листвы была перекинута рядом через планку.

Широкая спина Мартина загородила проем шкафа, а когда он обернулся, захлопнув перед тем дверцы, в руках его были светло-серый костюм, шляпа, галстук-бабочка, а также сорочка, комплект нижнего белья и коробка с туфлями.

Годар вскочил, как ужаленный, порываясь возразить, но Мартин смотрел на него с такой щемящей просьбой в глазах, так болезненно не желал отказа, выглядя утомленным неловкостью, даже постаревшим в одночасье, что Годар, обронив "Спасибо", поспешно освободил его руки, отступил на шаг и еще раз поблагодарил - одним взглядом: потеплевшим, признательным.

Он отметил, что Мартин, будучи выше его на полголовы, шире в плечах и стройней, должен отлично смотреться в мундире - лучше, чем кто-либо из сотенных командиров.

А тот тем временем снял со стены висевшую в ряду со шпагой и старинным пистолетом саблю и принялся счищать тряпочкой налет пыли с ножен.

- Работать над собой следует упорно, изо дня в день, - бодро пояснил он, кивнув на оружие, - вчера мы с приятелем фехтовали, а на сегодня я планировал визит в тир. Жаль, что у вас нет при себе сабли, мы бы могли составить друг другу компанию. Кстати, все, что необходимо офицеру, можно приобрести в военном магазине у входа на Дворцовую площадь. Расходы иностранных и малоимущих ратников оплачивает казна. В королевстве своя валюта, не подлежащая обмену. Поэтому решать свои финансовые дела через департамент иностранных дел - необходимая формальность - и только. Но сегодня вам не придется утомлять себя хождением по нескольким адресам: я дам вам денег на форму.

- Нет, - твердо возразил Годар. - Я уже в порядке и отправляюсь в департамент сейчас же. Вот только переоденусь... Извините, что злоупотребил вашим гостеприимством. И еще мне очень жаль, да просто неудобно, черт побери, что в силу каког-то недоразумения честь служить в королевском войске выпала не вам, а мне. Думаю, эту ошибку я со временем проясню. Вчера в том же департаменте я не смог ничего доказать.

- Пустяки, - весело пробасил Мартин, - я всегда успею занять в войске свое место. Лента зеленого цвета - фамильного цвета рода Аризонских – тому порукой.

Годар насторожился. Он почему-то представил Мартина Аризонского на месте своих товарищей - Ника или Давласа. Товарищ должен был погибнуть, или его должны были разжаловать, либо устранить как-нибудь еще. Не мог же в войске в тысячу ратников появиться одиннадцатый сотенный командир.

Однако лицо Мартина приобрело такое трогательно-печальное выражение, что он устыдился своих мыслей.

- В детстве я мечтал о белой ленте, - тихо проговорил он поглаживая в задумчивости саблю, вытянутую из ножен на треть, - но позже понял, что должен предпочесть фамильный цвет. Но все равно, в душе я - Белый витязь.

Годар пересказал легенду о происхождении Государственного флага Суэнии, услышанную от Ланы, и деликатно поинтересовался, в самом ли деле полотнище из несгораемого шелка имеет магическое происхождение. На что Мартин ответил, что слышит подобные рассказы не впервые. Миф о феях не имеет под собой научной основы. Просто среди поселенцев было несколько ученых и немало умельцев. В конце концов, в Стране Полуденного Солнца должна была появиться сверхпрочная ткань, которая, кстати, вовсе не вечная. Полотнище на главном флагштоке периодически меняют. Производство несгораемого шелка и сегодня обходится в копеечку. Платье из суэнского шелка могут заказать себе только самые состоятельные дамы или

те, кто из кожи вон следуют плебейской страсти к подражательству. А Шелковая же лента офицера – не просто знак различия. У войска нет знамени, под ним подразумеваются в совокупности ленты сотенных командиров. В случае пропажи шелковой ленты у одного из офицеров войсковое знамя считается утерянным, и войско подлежит расформированию.

Что же касается женитьбы на феях, то граф Аризонский все-таки был географом, а не поэтом-сказочником. И поселенцы были ему под стать.

"У графа взгляд художника , - сказал Мартин проникновенно,- Иные суэнцы приписывают ему дар пророчества - и всего-то вследствие безупречного фонетического чутья , с каким изобрел он свой псевдоним, покончив с жизнью путешественника . После преобразований в Новом Свете псевдоним графа стал ассоциироваться с известным штатом , что послужило поводом для историко-мистических параллелей . Маленькие народцы, знаете ли , падки на собственные сенсации."

Еще Мартин упомянул о ранней гибели родителей и поведал скупо о том, что провел детство в первом лицее королевства, по окончании которого стал жить в комнатушке, доставшейся в наследство от тети. Фамильный их особняк сгорел во время пожара 19.. года,охватившего южную часть Скира. Родители погибли тогда, и он теперь - последний мужчина из рода Аризонских. Кроме двух незамужних кузин, у него никого не осталось. В здешнем климате пожары не редкость. Имеется новый Архитектурный План города. Предполагается снести все деревянные особняки и возвести кирпичные многоэтажки. Но в казне не хватает средств. Да и население не торопится расстаться с родовыми гнездами, ведь некоторые из них стоят еще с начала столетия.

Выслушал Годар и то, что Казенный дом, где проходило ночное празднество, именно потому и расположен на периферийной улице, что празднества здесь бывают чересчур невыдержанными, что, впрочем, несущественно. Как несущественно и то, что каждый имеет право на свой образ жизни.

Годар запомнил, как Мартин сказал:

- Свою задачу я вижу в том, чтобы не споткнуться о чей-нибудь образ. На месте Казенного дома раньше был старый сад. Когда деревья перестали плодоносить, хозяин одного из домов, что стоят во дворе, как и прежде, квадратом, арендовал землю, добился разрешения и сложил во дворе из бревен срубленного сада вертеп. Я помню те деревья, и меня мало волнует, что теперь на их месте. Поэтому я прекрасно понимаю, что у вас могло возникнуть желание побриться не там, где вы обедали. Впрочем, на свете так много несущественного.

Годара опять смутили двойственные чувства - здешний воздух, что ли, усиливал полярность?

Он был тронут доверительностью Мартина и, в то же время, хотел поскорей уйти, потому, что ему показалось, будто тот, оставаясь искренне дружелюбным, желает побыть в одиночестве. Но это предположение тут же забылось, перекрытое радушием хозяина, чтобы затаиться в памяти в виде смутной, неопределенной тревоги. Кроме того, подозрение было перебито женской бранью на улице, за которой последовал протяжный кошачий вопль, и Мартин, бросив на ходу: "Я сейчас", выбежал на террасу.

Когда Годар, наспех переодевшись и переждав честно несколько минут, вышел следом, приятель его сидел, сутулясь, на табуретке и держал в руках большого мокрого кота мышиной окраски.

Арзонский был теперь похож в своей белой сорочке, вздувшейся из-за всепроникающего ветра, на заснеженный холм. Кот, прильнув к его груди, замер, как на отвесной скале. Хмурый, сосредоточенный на своих мыслях взгляд Мартина, наткнувшись на молчаливо выросшую на террасе фигуру Годара, прояснился и потеплел.

- Нас чуть было не ошпарили, - пояснил он просто. - По счастью, перепутали ведра - плеснули холодной.

Из дома наискосок донеслась танцевальная мелодия - одна из тех, под которую они веселились ночью в вертепе. Словно сама удаль - бешеная до грусти - забилась об окно, просочилась в открытую форточку. Все это, задвинутое вглубьы окна, форточки, двери, охраняемые бордюром одинаковой террасы, - дребезжало, вибрировало. Просушенный солнцем воздух принимал и с треском отбрасывал грусть, как барабанные палочки. Но вдруг в оконную раму дома, откуда неслась музыка, угодил, не задев стекла, булыжник, и мелодия оборвалась.

Годар видел полет булыжника и место его удара, на который хозяева, так и не выглянувшие наружу, отреагировали минутной заминкой в музыке.

Посреди свободного пространства между домами и вертепом стояла, склонившись к земле, птичница Марьяна, в своем полупрозрачном платье из настоящего суэнского шелка. Ее фигура под шелком напоминала согнутое высохшее дерево. Брови сомкнулись, глаза неотрывно смотрели в цель, рука же шарила по земле в поисках очередного булыжника.

"Эй, госпожа!" - крикнул Годар, метнувшись к бордюру, потому, что птичница вновь прицелилась, Мартин же властно окликнул его: "Не надо, Годар! Не беспокойте себя!"

Булыжник вновь хлопнул об оконную раму, не вызвав на сей раз заминки.

- Вон там, - указал, волнуясь, Годар на птичницу.

- Не надо показывать пальцем, - произнес Мартин, не поведя и бровью. Он казался целой горой из-за гуляющего под просторной сорочкой ветра. Кота на руках уже не было. - Не беспокойте себя, - повторил он мягче и попробовал улыбнуться, - Эта госпожа слишком метка для того, чтобы ее стоило останавливать. А показывать пальцем, простите, неэтично.

- Неэстетично, - поправил Годар машинально. Он ничего не понимал.

- Неэтично, - повторил Мартин со спокойной любезной улыбкой. Жестом он пригласил Годара сесть, и тот, заметив скрытую боль в его взгляде, повиновался.

Аризонский, положив вытянутую в струну руку локтем на колено, прищурился, уйдя в свои мысли.

- Это уже было не раз, - проговорил он рассеянно. - Не каждый приемлет другого. А эта госпожа не приемлет каждого.

В этот момент что-то шлепнулось на террасу, прорезав воздух белой дугой.

Возле ног Годара, обутых в лакированные туфли хозяина, распластался мертвый белый какаду.

Голова птичницы Марьяны с разметанными ветром прядями волос - голова без прически и шляпки - вынырнула откуда-то из-под террасы.

- Твой кот погубил Альбиноса, - произнесла птичница, глядя на Мартина в упор. Слова ее были словно прочерчены ножом по дереву. - Можешь приготовить суп для Его Величества.

- А кто шастает по ночам? Как посмотрит Его величество на нарушение границы? - выпалил Мартин гнусавым голосом, не поворачивая головы. Фигура птичницы удалилась, так и не удостоенная его взгляда. - Как много в людях злости, - вздохнул он и задал вопрос себе самому: - Ну, почему всегда начинают с самых неразумных? Сначала наказали животное, которое даже не поняло, за что, а претензию к хозяину предъявили в последнюю очередь. Помогите мне, Годар, похоронить птицу. Честно говоря, мой Норик основал уже целое кладбище королевских попугаев. Прямо не знаю, что с ним делать. Придется, наверное, запереть в комнате. Почуял, разбойник, неладное, запропастился? Я сейчас, принесу лопатку.

День становился все более ветреным. Нервный воздух носился по террасе, весь в порывах - мелочно-коротких, шебуршил в вязанке лавровых веток, похлопывал газетой, которую придерживал за край камешек. Годар переложил газету с камешком на тело попугая, чтобы ветер не теребил перья. Хотел закурить, но вспомнил, что сигареты и спички остались в кармане старых брюк. Пока хозяин хлопотал в доме, оставалось только вежливо ждать за дверью.

Музыка, доносившаяся от соседского проигрывателя, как-то незаметно перешла в дикторский голос.

Дикторский голос достал Годара и за спиной - из комнаты Мартина. И все равно он оставался далеким, неразборчивым.

Прокатилась с гомоном по небу круглая стайка волнистых попугайчиков, похожих на стеклышки калейдоскопа. Растрепанная Марьяна набежала откуда-то сбоку, вцепилась в бордюр. Агатовые перстни на пальцах выстроились в многоточие.

- Измена! Измена! - зло, гортанно крикнула она в дверь, из-за которой выбежал собранный, сосредоточенный Мартин в застегнутом доверху кителе и в кепке.

- Я уже слышал, - бросил он на бегу, перемахнул через бордюр и метнулся во все стороны сразу, как встревоженный отец в поисках дитяти.

- Норик! Быстро сюда!

Взъерошенный кот вспрыгнул ему на спину, но Мартин резко сбросил его наземь и обернувшись, отшвырнул грубым пинком ноги в горку песка.

- Мерзавец! - закричал он. - Мокрый, грязный! Обсвинячил китель. В самый ответственный час. Выбрал время, обуза треклятая!

Глаза его, встретившись с взглядом Годара, усмехнулись, обжигая каким-то стыдливым и, в то же время, наглым вопросом.

Годару не раз случалось испытывать чувства вместо других. Щеки зарделись от пронзительного ЧУЖОГО стыда. Но такая щемящая боль вдруг прорезалась сквозь усмешку Мартина, что вопрос Годара провис, так и не оформившись в мысль, а посему выскочил на время из памяти.

- Не спали себе кожу в моем пиджачке, - виновато пожелал Мартин перед тем, как исчезнуть.

Взгляд Годара упал на свежую вмятину в песке. Кота там как не бывало.

Из пересказа Марьяны, нарочно нашпигованного неприятными для него подробностями, Годар узнал, что из Суэнии бежал сотенный командир Давлас К. и служащая королевского войска Лана С. Все остальные молодые повесы арестованы, как пособники, так что войско всем составом отправилось в отставку. Дело привычное. Длительная служба в королевском войске - редкость, какой еще не видывали. Военная служба в Суэнии есть отставка. Но добропорядочные подданные Его Величества надеются на исключение. Ждут-с. Между прочим, по радио передали список арестованных, и имя рыцаря Годара в нем не значится. Среди тех, кого предполагается вызвать для допроса, его тоже почему-то нет. Выходит, что рыцарь признан непригодным к измене...

Годар уже не слушал. Он не заметил, как вышел на широкую мостовую и сколько отшагал шагов.

Мимо пронеслась карета и остановилась впереди. Из кареты вышел сухонький старичок, продвинулся мелкими шелестящими шажками к подъезду какого-то сурового ведомства. Старичок был понурый, с бесцветными губами. Ожидающий его извозчик, сидя на козлах, лениво слушал простенький карманный радиоприемник.

По обе стороны подъезда сурового ведомства располагались пустые цветочные клумбы и мусорные ящики в форме тюльпанов. Дворник сметал в кучу окурки, чтобы убрать их с тротуара в тюльпаны. Окурками, как Годар убедился позже, были усыпаны в Скире все улочки, переулки и площади, исключая разве что Дворцовую, а глиняные тюльпаны оставались полупустыми.

Еще на дорогах было много клочков газет и оберточной бумаги. Все это шуршало под метлами или туфлями и отдавало запахом громоздких учреждений.

Ненужные, на его взгляд, учреждения привычно текли мимо Годара.

Государственная служба, а то и худшая дребедень, опять миновала его. Это стоило отметить шампанским. Только на сей раз бокал не был заслужен: продолжение странничества далось ему без борьбы.

Он никогда не верил в то, что получалось само собой. Сомнительное облегчение от того, что Лана теперь далеко, что пущенный вдогонку отряд полиции вернулся ни с чем - это сообщение просочилось из суховатой радиосводки, периодически запускаемой в толпу зевак у репродуктора - простенькое это облегчение было равновелико гулкой пустоте внутри. Не надо было рвать узы так и не завязавшейся привязанности, бороться с несуществующей неприязнью к Давласу на почве так и не созревшей ревности, тянуться к Нику и презирать его, как самого себя - отвергнутого. Все это растаяло, так и не начавшись.

Ребята из полицейского патруля лениво слонялись между прохожими, не проявляя ни к кому интереса. Включенные радиоприемники покоились в нагрудных карманах, оттуда же высовывались пакетики с сухим соком.

Видный государственный деятель делился из репродуктора страстной любовью к Родине. Потом последовала очередная сводка новостей, где было вскользь упомянуто о значении воинской присяги, после чего другой государственный деятель принялся рассуждать о воспитании юношества. "Мы стараемся. Мы изо всех сил стараемся не терять терпения и взвешенности, - говорил он размеренно и вкрадчиво, - мы можем понять больше, чем обычно думают соотечественники. Мы способны понять даже то, что молодой офицер мог получить внезапное помутнение рассудка и временно предпочесть Родине даму сердца. Но не сразу же после присяги, не в день, когда клянешься в верности ратника королю и отечеству!"

Годар опять почувствовал на щеках краску стыда. Выходит, что сегодня состоялась присяга, а он, Годар, не был к ней допущен. Его обманули свои же товарищи, не обмолвившись о присяге в записке. Выходит, птичница Марьяна права в своей парадоксальной обмолвке: он признан негодным к измене...

Что-то подсказывало ему, что сегодняшняя свобода не делает ему чести.

Тюремные ворота отторгали его от товарищей в пользу Государства.

Государство же осталось загадочным: еще не заслуживающим его презрения, но и не претендующим на уважение. Государство, так же, как и ночные его товарищи, ничего не хотело от Годара.

Сообщили первые результаты расследования, проведенного полицией на основе анализа данных, полученных от Шахматной комиссии. Результаты эти, произведя в толпе горожан подобие сенсации, стали для Годара откровением.

В сообщении говорилось, что Офицерский шахматный турнир, победитель которого, согласно традиции, получал право на охрану своей сотней Дворцовой площади, был проведен не по правилам. Последнее обстоятельство и помогло полиции нащупать ключ к разгадке происшедшего.

Как известно, в обязанности королевского войска входит, помимо других задач, охрана различных объектов, неравноценных для внешнего врага.

Королевский дворец, и в нем - апартаменты принцессы Адрианы - важнейший среди таковых.

Результаты Шахматного турнира выявляют тактические и стратегические потенциалы будущих командиров, позволяют Совету во главе с Его Величеством, куда входят и члены Шахматной комиссии, оптимально распределить между ними обязанности, в том числе и связанные с охраной города.

Высокая честь - охранять Королевский дворец - честь и почетное право - выпадает победителю турнира. Сотня под его командованием становится личной гвардией короля.

На сей раз вмешалось непредвиденное обстоятельство, которым и воспользовались горе-витязи.

Прибывший накануне в Суэнию иностранец Годар, зачисленный Указом Его Величества в войско на должность сотенного командира, не смог принять участие в турнире из-за усталости с дороги.

Будущие участники подали Шахматной комиссии ходатайство, в котором просили дать иностранцу Годару фору: возложить на него все необходимые обязанности, предоставить все возможные права без участия в турнире. Со стороны сие предложение смотрелось весьма благородно и было принято комиссией, тем более, что Годар не участвовал во вчерашней жеребьевке. Ему просто достался последний жетон, вынутый независимым экспертом, о чем товарищи его в известность не поставили, якобы по забывчивости. А играть Годару выпало ни с кем иным, как с Давласом, в последней паре цепочки. Но, так как проспавший положенный срок (если не усыпленный) иностранец на турнир не явился, Давлас остался без соперника, то бишь игрока в паре первой своей партии. И тогда благородные витязи предложили, чтобы первую из двух обязательных партий Давлас играл, как и полагается, с победителем предпоследней пары, а вторую - с проигравшим игроком первой. Десятый игрок, а именно Годар, просто-напросто выпадал из укоротившейся на звено цепочки.

Разумеется, победа в Офицерском Шахматном турнире зависит не только от умения и личных качеств. Витязю-победителю должны сопутствовать Божий промысел и удача, чему благоприятствует игра в цепочке - игра до заветного третьего очка, которое выпадает первым умелому счастливчику - так сказать, божьему избраннику.

Однако место, где цепочка, так сказать, разомкнулась, дав "зеленый свет" победителю в конце второго круга, анализ характерных ошибок и даже беглый взгляд на схему соотношения сил выявили замысел воистину ребяческий. Из схемы явственно следовало, что безукоризненно-четкая победа Давласа на турнире была подстроена...

...Один из полицейских набросал, с видом азартного игрока, мелом на тротуаре переданную схему, а рядом - схему расположения игроков в традиционной цепочке. Взглянув на обе схемы, Годар увидел, что каждый сегодняшний игрок, кроме первого и последнего, получил в двух обязательных партиях первого круга по одному очку: первая партия оказывалась, как по заказу, выигрышной, вторая - проигрышной. И лишь у одного из игроков значились в конце первого круга два пригрыша, а у того, кто сыграл с ним в заключение, соответственно, два выигрыша.

Все это повторилось, умножившись, во втором круге, и выглядело весьма стройно.

Годар счел бы все это совпадением или принял бы схему за подтасовку полиции, если бы игроком "А", получившим ноль очков, не оказался Ник.

Полиция сделала вывод, что, будучи давним товарищем Давласа, Ник "принял огонь на себя": офицер, набравший наименьшее количество очков, брал под свое командование, согласно предварительному условию, запасную сотню. Все остальные витязи, подыграв ему и друг другу,

устроили паритет. Он-то и выдал недалекий умысел. Схема соотношения сил вышла чересчур гармоничной: один лидер и восемь абсолютно равных по возможностям витязей, из которых один включен в восьмерку условно, с форой.

Теперь полиция решала вопрос, для чего экс-офицерам понадобилось перейти на, так сказать, подпольное самоуправление. Почему молодые люди проявили недоверие к выводам и решениям Совета? Что это - конфликт "отцов" и "детей" или конфронтация с государством в лице короля? Разница между тем и другим невелика. И все-таки ее необходимо установить... Минуту назад поступила оперативная информация, которую приходится считывать прямо с листа, испещренного скорописью... Из Достоверных Источников стало известно, что Давлас не знал о сговоре. Когда изменник, у которого уже были готовы лошади на задворках, узнал каким-то образом о подвохе на турнире, то воскликнул в сердцах, почему-то рассердившись: "Бедная страна, возлежащая на стерильных простынях! Я не желаю того, что лишилось пота и крови".

Ставленник бежал из Суэнии, соблазнив военнослужащую медбытчасти и подставил под удар все войско - ведь при подобном ЧП расформирование неизбежно.

Таков итог своевольного выбора молодых офицеров. Интересно, что последние встретили известие об измене своего ставленника весьма хладнокровно и даже как будто испытали облегчение после ареста и отставки. А ведь все они готовили себя к службе в королевском войске с детства: занимались в секциях рукопашного боя, приучали ладонь к рукояти холодного оружия, посещали Шахматный клуб. О том же, как юноши Суэнии лелеют свои шелковые ленты, надеясь попасть в золотую десятку, и говорить не приходится.

Что же происходит с молодежью столь славного государства? Конечно, армия не должна подменять полицию, а полиция - армию - этот вопрос не раз поднимался общественностью. Но для начала необходимо создать армию. Хотя бы ЧУТЬ МЕНЕЕ КРАТКОВРЕМЕННУЮ.

Видные государственные мужи, сменяя друг друга в эфире, взывали к мудрости и патриотизму каждого молодого человека в отдельности и поколения в целом.

Потом они вдруг оказались в эфире все разом и затянули дискуссию.

Неторопливые, будто выскобленные песком, выветренные голоса пожилых суэнцев смаковали слово "благоразумие". Но вдруг возникла пауза, будто слово сжевали и, гортанно покашливая, напряженно ждут-с... Кто-то громко заговорил молодым взволнованным баритоном, да так, что от репродуктора словно бризом повеяло: "Братья мои, суэнцы! Я обращаюсь к тем из вас, кто находится сейчас под стражей, ожидая освобождения, которое, конечно же, настанет сразу вслед за тем, как родственники внесут в казну штрафы! Вы совершили дерзкий и опрометчивый поступок. Но вы поступили благородно. Я не имею в виду господина Давласа - этот человек недостоин нашего внимания. Меня интересуют внутренние мотивы поступка других сотенных командиров.

Задумайтесь, как противоположны по мотивам поступки товарищей и изменника.

В конце концов, именно сегодня у нас, так сказать, оперилась надежда на то, что в стране появится армия, так как налицо люди чести. Более обоснованная надежда. Это уже что-то. Это уже Надежда, господа!"

Годар увидел перед своим мысленным взором Ника, который, стоя под палящими лучами солнца в одной сорочке, молил его взглядом не садиться за шахматную доску, которая была раскинута прямо в степи. На поле возвышались резные фигуры самых различных цветов. Годар прикрыл глаза: в желтой мгле видение было выложено рваными пятнами.

Он слишком долго простоял у репродуктора с непокрытой головой, вертя в руках шляпу. Надо было куда-то пойти. В департамент хотелось меньше всего.

Он побрел по улице, где по обеим сторонам возвышались трехэтажные деревянные особняки в треугольниках крыш. Некоторые крыши имели флюгерные шпили. Флюгеры не стояли бездвижно, как не стоял на месте ветер.

В какое время они сговорились? Не тогда ли, когда он удалился с Ланой, а Давлас отсыпался с перепою на полу? Ах, дерзкий Ник! Дерзкий, милый Ник.

Бедный Давлас, товарищи выстроили ему из собственных душ коридор в лабиринте, а он, увидев прозрачность, отказался.

Воспоминание о близости с Ланой стало не таким болезненным. Пусть кожа, грубая, как древесная кора, обдирает ладони, пусть они кровоточат, как и положено естеству. Быть может, суэнские девушки даются Богом в награду за мужество. Годар упустил свою награду, выпившую ему авансом, просадил фору.

И слава Богу - женщина, подобная Лане, заслуживала такой огромной любви, какой он на сегодняшний день дать не мог.

Такой же любви, возможно, заслуживала и ждала Суэния. Та Суэния, что не вызвала его на допрос, не пригрозила арестом и даже не влезла в карман с его документами рукой полицейского. Выкрашенные неброскими красками особняки были заключены в тесные заборы. Дворы сжимались, уступая место дорогам, где бродили люди, которых любое другое государство сочло бы за преступников: позавчерашние ратники, выпущенные насовсем из кратковременного заключения и ставшие теперь скитальцами внутри страны.

Государство умело быть изворотливым, спешило заговорить зубы, но не неволило ведь, не неволило непутевых своих граждан, оставляя за ними право на шанс. Из преступлений карались длительным сроком заключения, как он догадывался, только государственная измена и нарушение Закона о Границе между Ночью и Днем. Под статус нарушителей попадали люди, покинувшие свое жилище или раскрывшие ставни в ночь без всяких на то оснований.

Как всегда, еще ничего не началось - эта закономерность его жизни, возведенная в принцип, поддерживалась им так неукоснительно, что теперь уже действовал автоматизм, работавший даже против его воли.

Годар уже присматривал место для остановки, где можно бы было придержать на миг текущую в него жизнь и себя, в нее бегущего... Объятия! Хоть на миг! Иначе жизнь странным образом будет за спиной, а он - впереди. Каждый миг, каждый миг, каждый миг одна и та же разорванность!.. А ведь все происходит в коридоре из живых душ, где ничто не огибает и спешит друг сквозь друга.

Души здесь маются от того, что стареют, не созрев.

Кое-что в этой стране, чем то не него походящей, обнадеживало.

Он желал с ней встречи еще тогда, когда скакал по степи в обгон недвижного солнца.

Теперь Годар сделал первый ответный шаг навстречу - надел костюм.

Не будь костюм подарочным, бывший странник нырнул бы во двор какого-нибудь особняка, спрятался в подъезде и, привалившись к стене, ловил бы из щелей прохладу сквозняка. Но он должен был сохранить костюм в приличном виде хотя бы из уважения к Мартину Аризонскому. Кроме того, Годар помнил про решение не претить вкусам горожан.

Тело прокалилось до самых костей, до души, особенно грудь под ситцем сорочки, которую безжалостно обнажил широкий английский воротник. Другие горожане носили застегнутые доверху кители с накладными воротничками. Лишь ему выпала честь влачить на себе непрактичный пиджак - не то старомодный, не то ультрамодный. Дурноту усугублял впившийся в шею галстук.

Годар двигался неторопливо, стараясь держаться осанисто. Останавливался подолгу у фонтанов, подставляя под брызги лицо и ладони. Водяная пыль освежала белый треугольник на груди - это было спасением, но прилипшая к телу сорочка, поникший на ней галстук разрушали элегантность. Он не желал, чтобы его смятение передалось костюму и решил поспешить в департамент.

Вдруг его назвали по имени. Сосредоточившись, Годар догадался, что имя было произнесено из ближнего репродуктора. Читали список. К репродуктору стоило подойти поближе, но там было достаточно многолюдно, он боялся, что не выдержит и свалится прямо в толпе.

Мальчишки носились с охапками газет, подсовывая под глаза прохожим только что вышедший номер.

Годар придержал одного, выпросил экстренный номер с условием, что тотчас вернет, бегло просмотрел... На первой странице был напечатан Указ Его Величества Кевина I о формировании королевского войска. Далее располагался список лиц, назначенных сегодня на должность сотенных командиров. В этом новом списке Годар увидел свое имя. Все остальные имена дополнялись фамилиями. Среди них значилась и фамилия Мартина.

Ничему не удивившись, Годар окончательно заспешил в департамент, где ему немедленно выдали удостоверение вкупе с подъемными на покупку обмундирования и организацию досуга. Механически просмотрев адреса квартиродателей, Годар поставил галочку в услужливо поданном списке.

По пути в военный магазин он завернул в библиотеку, где спросил пособие по истории Суэнии. Женщина средних лет в служебном платье с неизменным декольте вежливо пояснила, что истории в суэнских учебных заведениях не преподают. И предложила взамен книжицу с переложениями старинных преданий.

Однако Годар заметил на полке "Записки" Ника Аризонского. Это показалось ему знаком судьбы.

Из того, что удалось просмотреть за мимолетное суэнское время, запомнилась малопонятная запись: "На месте этой земли, вероятно, было пресноводное море, скрывшееся затем в недрах. Хотя солнце не отстает от земли ни на секунду, обилие водных пространств не позволяет ей выродиться в пустыню. Уникальный климат превратил здешний край в оазис. Но дары природы обманчивы. Сгореть здесь можно не только от солнца, но и от всего, что ни встречается на пути. Люди, как и вещи, здесь старятся быстрее, но это понимаешь не сразу..."

Глава четвертая

Установив ночь, девять сотенных командиров и военнослужащие медбытчасти встали за свои стулья, которых сегодня было больше, чем гостей. Целые насаждения пылающих свечей проходили по центру стола и по окружности, потрескивали на табуретах разной высоты, что расположились у развешанных по стенам зеркал. Табуреты с подсвечниками загромождали, урезав, и пятачок, где вчера танцевали.

Белый витязь вошел с первым выстрелом шампанского. Он нарочно подогнал свое прибытие под момент, когда внимание присутствующих сосредоточится на имени короля. Поздоровавшись общим полупоклоном с теми, кто заметил его, Белый витязь молча встал за один из свободных стульев. Здесь, у предназначенного ему бокала, тотчас же наполненного доверху, его нащупал луч, сотканный из отраженных в зеркале свечений. На столе и за его краем был виден размытый круг, став в центре которого, гость попадал в прозрачный световой колпак. Однако луч, как и колпак, оставляли впечатление назойливых хозяев, благодушие и услужливость которых, если пообвыкнуть, начинает мало-помалу нравиться.

Все находились в таких же световых колпаках. Подсвечивались и были видны даже пузырьки в бокалах с шампанским.

Белый витязь Годар смог без труда увидеть всех сразу и огорчиться оттого, что не нашел знакомых лиц. Он знал, что так оно и будет, но все же не удержался от досадных сопоставлений. Чужие люди в знакомых мундирах показались ему шутами вчерашних господ.

Человек, который взял на себя миссию произнести имя короля первым был перечеркнут синей лентой, почти не отличимой от цвета кителя. Зато лента была чуть шире, чем у других офицеров. Долговязый, хмурый, с крючковатым носом на осунувшемся лице, офицер этот пробубнил несколько незначительных слов, к которым Годар не сумел прислушаться. После вступительного слова Синий витязь размеренно выговорил, кокетничая хрипотцой в голосе: "Слава Его Величеству королю Кевину I", осушил бокал и сел, опустив взгляд в свой полукруг на скатерти.

Имя короля было прогнано по кругу за те секунды, пока позвякивали, формально притрагиваясь друг к другу бокалы в руках его непосредственных соседей по столу.

Еще с порога Годар заметил, что среди сотенных командиров нет Мартина Аризонского. Вероятно, его заменили кем-то другим. Это показалось Годару само собой разумеющимся, ведь Мартин был слишком хорош для нового состава.

Этот предполагаемый другой стал особенно неприятен, его предполагалось вычислить. Однако, когда все витязи и дамы опустились на стулья, уменьшив длину световых колпаков, Годар почувствовал какую-то разрядку. Некий штрих, еще не разгаданный, сделал лица его нынешних сослуживцев немного роднее. Запах сигаретного дыма выстраивал в памяти обрывки ощущений, впечатлений, как-то их связывая. Мучительно сосредотачиваясь, Годар взглянул наискосок и вздрогнул. Светловолосый безусый мужчина его возраста, отодвинувшись вместе со стулом на метр от края стола, держал между большим и указательным пальцем мундштук с папиросой. Вытянутая во всю длину рука опиралась в районе локтя о спиныку свободного стула. Детали его внешности и одежды были различимы плохо, так как офицер не попадал в предназначенный ему световой колпак. Однако, Годар, присмотревшись, увидел то, что не бросилось до сих пор в глаза - зеленую ленту! Мундштук, лента, манеры принадлежали Мартину Аризонскому, между тем, как в мундире Зеленого витязя находился совсем другой человек.

Из оцепенения Годара вывел елейный женский голос:

- Дамы и господа, а не выпить ли нам за здравие всех витязей, когда-либо собиравшихся за этим столом?..

Все оживились. Годар почувствовал, как его пощипывают украдкой взглядами.

Полилось шампанское. Синий витязь - парень по имени Стивен – пошутил неожиданно бодро для своего болезненного вида:

- Дорогая Джейн, ваше предложение мы отточим до афоризма, запротоколируем и будем читать его изо дня в день, как молитву. Надеюсь, в ближайшие пятьдесят лет чтение молитвы останется привилегией сегодняшнего офицерства.

- Вы хотите сказать, что проходите пятьдесят лет в сотенных? – ввернул кто-то из витязей. - Не думал, что у вас паралич честолюбия.

Стивен разулыбался, расправил свою незадачливую фигуру и двинул в ход представление о собственной значимости:

- Давайте, дамы и господа, встанем для серьезности момента. Итак... – он выждал паузу, приспустив на пару секунд дряблые веки. - Думаю, мы с вами достаточно умны, чтобы не бряцать пустословием. Но кто, если не мы, господа? Кто, если не мы? Предлагаю осушить бокалы в тишине, не сдвигая их. Пусть каждый прочувствует свое место в завтрашнем дне.

Синий витязь опять приспустил веки, как бы дирижируя торжественной минутой. Но тишину нарушил офицер с зеленой лентой.

- Вы сами не представляете, как точно ухватили злобу времени, - сказал он, повернув к Стивену голову, и Годар увидел знакомый прищур глаз – только других: больших, темнозеленых. Сквозь загар на мужающем лице витязя проступили красные пятна. - Никто не знает, каким будет завтрашний день, но если прочувствовать в нем свое место, если осознать меру личной ответственности, жизнь предоставит нам шанс на будущее. Из концентрированного, сжатого МИГА мы возьмем в будущее только то, что причитается, не позарившись на дареное или свалившееся с небес. И уж тогда, в будущем, мы прочувствуем свое место по второму разу. И это будет - настоящая жизнь.

- Ну почему же, пусть не минуют нас и подарки судьбы. Нельзя жить без мечты о чудесном. Вы, Мартин, сами такой чудесный, славный. Невозможно предугадать, что вы скажете в следующую минуту, - сказала увещевающе Джейн и натянуто улыбнулась.

- О, да! - подхватил нить собственной мысли Стивен. - Я вижу, здесь собрались, наконец, дельные люди. После первого же бокала потекли речи государственной важности. Кстати, уже поступило предложение вести протоколы. Возвышенность и непредсказуемость - следствия хорошо организованного мыслительного процесса, а посему его следует фиксировать для истории. Авось ход истории выпрямится и самоорганизуется, не так ли, Аризонский? У кого-нибудь есть перо и бумага? - невозможно было понять, шутит ли Стивен или говорит всерьез.

- У меня есть бумага, - наивно сообщила Джейн, - я буду вести протоколы, - она и вправду записывала что-то в блокнот шариковой ручкой, чем, пожалуй, озадачила Стивена.

Годар не сводил глаз с Мартина Аризонского. Тот, заметив его любопытство, поймал его взгляд и вежливо улыбнулся. Смущенье и взволнованность, прикрытые хорошо контролируемой сдержанностью, делали лицо Зеленого витязя открытым, полным искренности. Глубина его взгляда была поистине бездонной,и сокровища, которые там, несомненно, скрывались, предстояло еще обнаружить. А до той поры предстояло довольствоваться ощущением, будто витязь прост и открыт.

Речь витязя была небогата интонациями, могла на первый взгляд показаться монотонной, но внутри скромного ритмического рисунка что-то такое тикало, предвещая невиданную силу мысли. Это настораживало сослуживцев, а порой и завораживало. Упругий ветер, дрожащий, как натянутая струна, жил в этом голосе и короткими порывами, продолжающими друг друга или набегающими один на другой в русле единого порыва, доносил до каждого всегда свежую мысль. Мартин, осушив бокал, сел на свой отставленный стул, высвободившись тем самым из светового колпака. Он вновь закурил и положил вытянутую руку с мундштуком на спинку соседнего стула - совсем, как то Мартин, которого Годар видел днем.

С трудом дождавшись момента, когда деловую часть банкета стала рассеивать светская беседа, Годар подсел к Аризонскому. Тот приветливо протянул ему портсигар. Годар взял папиросу и закурил машинально.

- Не в этом ли дворе вы живете, уважаемый? - спросил он, заметно волнуясь.

- Да, в одном из домов рядом с казенным заведением. А что, случилось что-нибудь?

- Я, кажется, вас обокрал, - потрясенно произнес Годар.

Зеленый витязь смотрел на него с легким недоумением и огромным участием. В глазах его мелькнула затаенная боль, с которой Годар уже познакомился днем.

- Я у вас брился, завтракал, расхаживал по городу в вашем костюме. Я даже подслушивал ваши изречения и запоминал характерные манеры.

Дальше Годар рассказывал все сначала и по порядку, начиная со своего загадочного появления на территории Суэнского королевства, а когда дошел до знакомства с Мартином Аризонским, Зеленый витязь, зажав ладонью рот, прыснул, как мальчишка, и вытер рукавом слезы. Но когда Годар стал передавать подробности беседы с дневным Мартином, ночной Мартин призадумался и опечалился. Теперь он отмечал высказывания дневного Мартина саркастической полуулыбкой; когда же Годар упомянул про кота, Аризонский воскликнул:

- А вот кота у меня нет! Он его как то называл?

- Кажется, кота звали Нориком.

- Я так и думал! Вы имели дело с королевским шутом Нором.

- Гм... Откуда он вас знает?

- В маленькой стране все между собой знакомы - чаще шапочно. Все, или почти все.

- Мне показалось, он знает вас близко.

- Этого только не хватало. Нор уже хозяйничает в моей квартире!

Мартин, вспылив, прищурился как тот, дневной Аризонский, но, заметив огорчение на лице Годара, улыбнулся простой сердечной улыбкой, какой дневной Аризонский не владел. У того все получалось чрезмерным. Годар нисколько не сомневался, что настоящий Мартин Аризонский перед ним, и когда тот полез в карман за удостоверением, порывисто придержал его руку.

- Я верю. Утром я верну вам костюм и все остальное. Я оставил ваши вещи в квартире, которую мне нанял департамент - это в двух кварталах отсюда. Хорошо, что мошенник не сумел уговорить меня взять ваши деньги.

- Что вы, и не думайте ничего возвращать! У меня дюжина костюмов, я их все и не помню! - выпалил скороговоркой Аризонский и, осекшись, заглянул Годару в глаза с виноватой улыбкой. Он мягко пояснил: - Видите ли, в чем дело... В здешнем краю одежда. едва начав выгорать, стремительно ветшает.

Поэтому уважающие себя суэнцы имеют обширный гардероб. Гардероб у нас - самая ценная часть состояния. Знатный суэнец может жить без крова, но не позволит себе появиться в черте Скира в подпорченном костюме. Кстати, вас не извел английский воротник? Думаю, этот разбойник нарочно вас так разодел. В моем гардеробе были и повседневные костюмы.

Аризонский тихо засмеялся.

- А впрочем, какие все это глупости! Можно долго смеяться. А знаете, в детстве я мечтал о белой ленте. Я вижу, у нас с вами сходные вкусы.

Годар смутился. Пересказывая Мартину разговор с шутом, он умолчал о белой ленте. Воспользовавшись тем, что Аризонский пришел в приподнятое настроение, он осторожно заметил:

- Мне кажется, этот шутник сумел доставить нам удовольствие. Наверное, все, что ни случается - к лучшему.

- Хотелось бы на это надеяться, - сказал Мартин, немного помолчав. – А знаете что, берите-ка свой бокал и пересаживайтесь поближе. Пожалуйста, Годар. Если вы не против, выпьем за наше знакомство.

Годар с радостью принял предложение, перебрался к Аризонскому, распил с ним бутылку сухого вина, после чего вышел, стараясь не привлекать к себе внимания, в коридор, чтобы разыскать и спрятать подальше свой замызганный дорожный мешок. Заглянув в спальную комнату, он увидел на прежнем месте часы, подаренные ему Ником. Записки же на тумбочке не было. Взяв часы, он засунул их в карман и обнаружил свой мешок под койкой. Недолго думая, запихнул его в тумбочку, по пути же в гостиную решил, что вернется сюда завтра один и там уж заберет мешок на квартиру.

Годар был очень голоден. На банкетном же столе были только салаты и пирожные, а хлебные ломтики так просвечивали, что он постеснялся бы взять столько, сколько требовалось. Сейчас ему не хватило бы и трех хлебниц.

Поэтому Годар, не дойдя до залы, свернул на запах кухни.

В Казенном доме, вероятно, практиковалось самообслуживание. Он обнаружил в безлюдной кухне среди обилия полуфабрикатов еще теплый ржаной кирпичик и снял с крюка круг копченой колбасы.

Когда он вернулся к столу, Аризонский, подперев кулаком подбородок, говорил со Стивеном, которы, пригнув голову, как бычок, тянулся к нему через разделяющий их свободный

стул. Когда Годар сел рядом, Мартин, весело ему подмигнув, расположился так, чтобы не оказаться к какому нибудь из витязей спиной.

Годар хотел разломить хлеб по-походному, руками, но предумал, взял нож и сделал все неожиданно ловко.

- Угощайтесь, господа, - обратился он к Стивену и Мартину, указав на блюдо с бутербродами.

Аризонский сразу же повторил его слова громко, для всех, проворно взял бутерброд, принялся жевать, благодарно улыбнувшись Годару. Продвинув блюдо дальше, он призвал еще раз:
- Дамы и господа, угощайтесь!

Некоторые из присутствовавших пожаловали к их уголку. Несколько рук степенно потянулись к блюду. Среди них - две женщины: пухлые, стянутые атласной на вид кожей, которая, казалось, вот-вот треснет. Годар заставил себя не смотреть на лица девушек. Местные дамы не для него - это он усвоил. Особенно дамы сегодняшней ночи. Ни одна из них не заняла бы в его сердце место Ланы. Он чувствовал. что и других мужчин не тянет на ухаживания. Сегодня все было тише и приличней, на удивление птичнице Марьяне, которая наверняка подглядывала в какую-нибудь щель.

Те, кто взял бутерброды, неторопливо жевали, а за едой, как водится, помалкивали. Разговор Стивена и Мартина смялся. Девушки глядели в пламя свечи с показной мечтательностью, Стивен хмурился, а Мартин, между тем, погрузился в рассеянную задумчивость. Такой взгляд с затаившейся в глубине болью, что всплывала, выйдя из-под контроля, в минуты задумчивости, Годар видел у шута Нора. По мере того, как крепла дружеская симпатия к Мартину Аризонскому, шут рос в его глазах как знаток человеческой души. Годар был благодарен этому человеку за то, что тот приоткрыл ему душу Мартина, указал на него. Видимо, Нор пошел на нечестность, по своему любя Аризонского. Он не только заинтересовал личностью Мартина потенциального товарища, н и деликатно указал на какое-то душевное неблагополучие. Годар не мог еще уяснить, в чем его причина, но он подметил у сослуживцев какую-то натянутость, а порой и отчужденность в присутствии Мартина.

Сейчас натянутость царила во всей гостиной. Витязи и сами не знали, зачем прохаживались взад-вперед, придерживая дрг друга за локти и беседуя ни о чем.

Один из витязей - низколобый коренастый офицер с желтой лентой, которая еще больше портила его скуластое одутловатое лицо, курил в конце стола в одиночестве. Внимание его, казалось, было полностью поглощено сигаретой.

Но, когда Стивен вновь заговорил, Желтый витязь моментально пристроился к их кругу.

- Подходите, господа, поближе, - любезно пригласил Стивен – Вопрос чрезвычайно важный и касается всех.

Стулья, на которых располагались Стивен, Мартин, и Годар, окружили так тесно,что Стивен, не теряя победного тона, вынужден был попросить подошедших "согнуться вдвое, что достигается с помощью личного стула".

Намек был понят, но Джейн, которой трудно было дотянуться до ближайшего свободного стула, а делать все она любила исключительно сама, решительно отвергая помощь джентльменов - низенькая, энергичная Джейн, не похожая на девушек своих лет, выдвинула альтернативное предложение:

- А не лучше ли всем сесть за свои места и говорить в полный голос?

- Разумно, - согласился Стивен, подмигнув всем остальным. - Мы не изменники, секретов у нас нет.

Годару не понравился его выпад. Он взглянул на Мартина, надеясь найти в его взгляде поддержку. Тот весело наблюдал за перемещением в комнате и, когда все, наконец, расселись, по своим световым колпакам, тихо засмеялся. Никто бы все равно не понял, о чем он. Годару же польстило, что они с Мартином разделяют представление о нелепости всего происходящего.

Стивен, аккуратно кашлянув, повел неторопливо, кругами, словно варил манную кашу, а каша то и дело прилипала к стенкам кастрюли и ее затем приходилось снимать со скрежетом резким движением ложки:

- Как известно, перед войском Его Королевского Величества поставлены самые разнообразные государственные задачи. Среди них - охрана города от внешнего врага, что включает широкомасштабное патрулирование. Мы не просто ратники. Прежде всего мы – граждане! - сделав акцент на последнем слове, Стивен заговорил металлическим голосом: - Понятное дело, что если в городе горит дом, каждый суэнец принимает участие в ликвидации

пожара, тем более - если он витязь королевского войска. Доколе нам бороться с последствиями и обходить молчанием причины? Кто припомнит, сколько времени кочует из ящика в ящик разных ведомств Новый Архитектурный План?

- Я услышала в первый раз о плане, когда была семилетней девочкой. Родители подали заявку на строительство кирпичного дома, но казна средств не выделила. Своими силами строиться мы не смогли: среди погорельцев было много родственников, папа всем материально помогал... Это было после пожара 19... года. Многие тогда погибли, - Джейн поведала эту историю кротким сентиментальным голосом и с сочувствием взглянула на Мартина.

Усмешка в глазах Мартина погасла, он изменился в лице.

- Не хочешь ли ты сказать, дорогая Джейн, что до сих пор проживаешь в деревянном особняке? - спросил Стивен с деланным удивлением.

- И я, и мама с папой, и тетушки - все там живем, - удивилась в ответ Джейн.

- Н-да... А ведь во время последних пожаров народу в Скире погибло больше, чем во всем королевстве от налетов врага.

- Что ты хочешь этим сказать? - продолжала удивляться Джейн.

Стивен, убрав из голоса металл, сказал просто и доверительно, почти нежно:

- Если армия спасет скирян от их же собственной нерасторопности, она перестанет быть посмешищем в глазах народа. Надо сначала перекрыть способность к самовозгоранию старых улиц города - других слов я не нахожу, а уж после думать всерьез о борьбе с огнедышащими. Предлагаю поставить перед Королевским Советом вопрос о немедленной реализации Нового Архитектурного Плана.

- Но это входит в компетенцию гражданских служб, - напряженно сказал Мартин. Чувствовалось, что он медленно приближается в мыслях к какому-то выводу, и приближается с явным разочарованием: - И потом, от того, что в Скире прекратятся естественные пожары, упомянутый вскользь внешний враг не превратится в манекен для учебных атак. Кстати, неправда, что идея создания войска не пользуется популярностью в народе. Не будем путать идею с реализацией. Люди не смеются. Люди боятся. Никогда не следует забывать об этом. Это недостойно...

Мартин замолчал, и вокруг словно потухли праздничные свечи: уступив место электрической лампочке. Годар увидел, что за столом сидят мирные, опечаленные жители в военной форме и не знают, чем себя обмануть. В сущности, эти ребята хотели того же, что и прежние... Только теперь Годар сообразил, что все его знакомые суэнцы куда-то бегут. Все, кроме Мартина Аризонского.

- Что ж, бороться придется со всем сразу, - резюмировала, вздохнув, Джейн, - и с внутренними проблемами, и с внешними. Такова уж наша судьба, таков наш долг. Я понимаю, Мартин, ваше беспокойство, - последние ее слова были двусмысленны.

Мартин не удержался и покраснел. Суэнцы и в полутьме замечали изменения, происходящие с лицом соседа.

- Господа! Выпьем за здравие принцессы Адрианы. Да хранит ее Господь! - предложил Стивен нежно.

Все, привстав, протянули полупустые бокалы к отставленному бокалу Аризонского, словно принцессой был он.

Мартин, ни на кого не глядя, невозмутимо наполнил свой бокал и выпил его до дна.

Из чувства протеста Годар принялся жевать кусок колбасы, держа его в руке и откусывая огромные кусища. Все, кроме закурившего Мартина. тоже что-то пожевывали. Стивен отжевал первым и поерзывал, выжидая, когда с пищей расправится необходимое большинство.

- Ну, хорошо, враг остается врагом, а город приводить в порядок нужно. Ну, нужно ведь, господа! - сказал он наконец дребезжащим голосом. – Удастся унять пожары - одной тревогой меньше. Поэтому я считаю своим долгом быть настоятельным. Я еще раз предлагаю вспомнить о Новом Архитектурном Плане. Я понимаю, что вспоминать хочется не всем. Сегодня самый захудалый дворянин предпочитает так называемым плебейским кирпичным многоэтажкам каморку из дорогостоящей древесины. Древесина - местный мрамор, несгораемый шелк - золото. Понятно желание жить в деревянных домиках с шелковыми занавесками на окнах. Мельчаем, господа. Граф Аризонский со стыда бы сгорел. Слава Богу, хоть деревня строится с умом.

Наложив себе салату, Годар продолжал свою одинокую трапезу. Большинство сотенных командиров посматривали на Стивена со смесью надежды и неудовольствия. Суетливые их движения выдавали нестройность и торопливость мысли. Каждый мечтал о собственном слове, но

не успевал опередить Синего витязя, который несся, скрежеща металлическими нотками, по волнам своей мечты:

- Думаю, необходимо поставить перед казначейством вопрос о немедленном финансировании строительства нового жилья и сноса старых кварталов. Мы требуем не более того, что содержится в Плане...

- Но ведь мы еще не члены Королевского Совета. Согласно решению нынешнего Совета, подтвержденного указом короля, сотенные командиры автоматически назначаются на посты младших советников Его Величества после двухгодичной воинской службы. Простие, что напоминаю вещи, всем известные, - Мартин расставил что-то по своим местам негромким четким голосом, и на лицах молчавших офицеров появилось злорадство, адресованное Стивену.

- Да, - сухо согласился Стивен, взглянув отчужденно на Мартина, - Да.

"Мы понимаем вас", - слышалось в этом согласии, язвительно подчеркнутое. В зале росло напряжение.

- Войско еще ни разу не просуществовало больше недели, - промолвил Стивен как бы невзначай, небрежно барабаня пальцами по скатерти.

- Я всего лишь сказал о том, как должно быть, - заметил Мартин.

- Да-да, конечно, - невозмутимо повторил Стивен.

Некоторые украдкой взглянули на Мартина. И опять послышалось: "Мы понимаем вас", словно после сеанса телепатического перешептывания.

Стивен небрежно проговорил:

- Кстати, в одном из указов оговаривается право Его Величества назначать в Совет лиц призывного возраста без прохождения воинской службы в должности сотенных командиров. Но это, разумеется, исключение из правил. Служба в войске для молодых да умелых - единственный шанс устроить серьезную государственную карьеру.

- Двое молодых людей в Совете, получившие освобождение от воинской службы - специалисты высокой квалификации и прекрасные государственные деятели, если уж король решил привлечь их к управлению страной уже сегодня. Вот и все исключения. А что касается единственного шанса... - ветер в голосе Мартина вдруг потерялся, сбив с толку тех сослуживцев, которые распознавали происходящее и выстраивали свое поведение по некой интонации,

- Разве кто-нибудь мешает стать исключением? - Мартин признес свой вопрос ровно, бесстрастным тоном, и, так как местонахождение и направление ветра так и не определилось, до всех сразу дошел голый смысл.

- Казна располагает средствами на строительные работы в Скире? - громко и внушительно спросил Стивен, обращаясь прямо к Мартину. И, хотя он опять опередил остальных в захвате инициативы, все посмотрели с жесткой укоризной в усталых, будто торопящихся куда-то глазах, на Аризонского, и сделали это открыто.

- Не могу знать, - насмешливо ответил Мартин.

- Мне показалось, вы неплохо информированы об истинном положении дел в государстве... - бросил Стивен в сторону, как бы говоря с самим собой.

- Не более, чем вы, уважаемый, - сухо отпарировал Мартин. Но его слова вряд ли дошли до цели, потому, что продолжились без паузы сбивчивой женской речью. Низенькая Джейн давно уже стояла, никем не замечаемая, во весь свой рост и только и ждала момента, когда можно будет предложить товарищам домашний торт, который она самолично испекла и доставила теперь из кухни на огромном серебряном блюде. Видимо, Джейн справедливо рассчитала, что время молчания, положенного во время принятия пищи – ее время.

- ...Подумать только, не все хотят выезжать в новые комфортабельные квартиры, даже если их построят! Даже мои папа и мама вместе с кучей родственников твердят, что в старых домах проживают какие-то традиции. Жаль, между прочим, что в Суэнии нет музеев. Вот бы все эти чуланчики, чердачки, погребки, которые хранят следы прабабушкиных тапочек...

- Да, чуланчики, чердачки, погребки, которые выстроены из досок десятилетней давности! - прервал ее Стивен, напористо выпроваживая из присвоенной паузы. Скирские аристократы, тешащие себя патриархальными иллюзиями, позабыли о том, что древесина в Суэнии портится крайне быстро и досточку-другую в фамильном особняке приходится заменять чуть ли не ежедневно. Ну и где, скажите мне, бабушкины следы? За десять лет стены полностью обновляются - это данные статистики. За счет лесонасаждений в северных степях, которые если и дышат, то благодаря труду сотен подвижников. Между прочим, текущий ремонт влетает в копеечку и хозяевам. А нет бы, подсобить королевству, объединив часть своих денег с казенными.

- Было бы их, своих, побольше - уломали бы как-нибудь стариков и построились. Так ведь нет их, проклятущих, - Джейн кротко вздохнула, внутренне согласившись на роль главной единомышленницы Стивена.

- Значит, следует подумать о том, как бы пополнить казну, - веско заявил Стивен. Он поднялся, с шумом отодвинув стул и ловко подхватил бокал: - За деловые качества Его Величества короля Суэнии, дамы и господа! Кому, как не ему благословить нас на ратный труд. Налейте мне хорошего вина, чтобы мысли варились быстрей. У нас нет времени уповать на чудо и ждать исключений. Следует разработать проект на введение в действие Нового Архитектурного Плана.

Тут, пожалуй, Стивен перестарался. Все, почему-то обойдя взглядами возвышавшуюся его фигуру с бокалом, который он держал перед грудью, забыв наполнить, посмотрели вопросительно на Мартина. Но тот, ни на кого не глядя, сосредоточенно, хмуро курил.

- Стивен, ПО_ПУ_ГА_И,- скорбно выговорила Джейн. поглядывая с укоризной то на Стивена, то на Мартина.

- Страну не раз выручал несгораемый шелк, - сказал угрюмо Стивен. Бокал он незаметно поставил на место, словно тост и комментарии к нему не произносились, но позы трибуна не изменил, - Как известно, в Странах Неестественной Ночи в обмен на этот товар делятся не только новинками в области науки, техники, технологии и культуры, но и выплачивают валюту, за которую можно прикупать стройматериалы и новейшие строительные технологии. А что, если вывезти большую партию шелка? В организованном, целевом порядке? Если кого-то пугает перспектива разбазаривания национального богатства, уточняю: вывоз в данном случае преследует конкретную, разовую цель: реализацию НАП. Сумма от продажи должна покрыть и расходы на воспроизводство проданного материала. Тут надо еще поработать с цифрами.

- Ах, господин Стивен, вы придумали замечательную идею, но как справиться с масштабностью! Ведь Суэния таится от Большого Света, хотя, простите за каламбур, уж чего-чего, а света у нас предостаточно. Приобретая инкогнито необходимые для развития Суэнии новинки, мы, простите за откровенность, ведем себя, как воры. Шелк же вывозим как контрабанду. Большая поставка может привлечь внимание тамошних властей,- Желтый витязь, сделавший это замечание, не выдержал и расплылся улыбкой. По щекам его покатились светящиеся капельки пота, похожие на стеариновые. Витязь радовался, потому что успел высказать вслух то, о чем все, обычно, знали молча.

- Никогда не могла понять, зачем им нужен несгораемый шелк. То, что для нас необходимость, для тамошних людей - всего лишь симпатичная тряпка, - вставила Джейн.

- Надо учитывать эстетический момент, дорогая Джейн, - пояснил Стивен с ласковой развязностью. - Для людей в Странах Неяркого Солнца наш шелк - экзотический сувенир. А для смекалистых - ребус. Оговорюсь сразу: ребусом он для них и останется. Сырье для его изготовления, как известно, добывается только в Суэнии. Так что, даже разгадав технологию, тамошние спецы суэнского шелка не создадут. А мы, между прочим, так набили мозги на конспирации, что пора бы уже выпустить дым из ушей.

- Господин Стивен, на такую операцию потребуется весь штат сотрудников особого отдела департамента иностранных дел, - торжественно сообщил Желтый витязь истину из разряда общеизвестных. По этой части он составил Стивену конкуренцию, - и еще столько же сверх штата. Согласится ли Почтенный Сильвестр вместе с братьями вести такое количество суэнцев по засекреченной Дороге, где гарантия, что новички, добравшись до Большого Света, не разбегутся с нашим товаром?

- К операции можно привлечь офицеров королевского войска. Заметьте, офицеров в мундирах с шелковыми лентами. Кто посмеет обесчестить свой мундир? Следует ходатайствовать перед Почтенным Сильвестром... – настала долгожданная пауза, но теперь никто не знал, что предпринять. Выдвижение собственного плана государственной важности, который был, видимо, заранее заготовлен почти каждым из присутствующих, стало уже неуместным. Стивен захватил центр. Однако в его плане было слишком много неосторожности и несводящихся концов, чтобы у сослуживцев возобладало желание присоединиться. Правда, заманчивая неразбериха была неплохо оформлена и подана на блюде так, что можно было отрезать себе по вкусу с любого краю.

Синий витязь посмотрел на Мартина с любезной и в то же время выразительно-напряженной полуулыбкой:

- Как вы думаете, Аризонский, Почтенный Сильвестр согласится принять и выслушать нас? В самых широких кругах он только и говорит, что о вас. Люди его убеждений редко кого привечают.

Сделав длинную затяжку, Мартин неторопливо затушил папиросу и сказал безветренным голосом:

- Насколько мне известно, Почтенный Сильвестр никому в гостеприимстве не отказывает. Наверное вы, Стивен, сможете с ним побеседовать. Замечу только, что в последние недели старец приболел, и я не знаю, пойдет ли беседа на пользу его здоровью.

- Да, - сухо сказал Стивен, утвердительно мотнув головой, - Трижды - да, - он обвел присутствующих многозначительным взглядом, и присутствующие начали разглядывать Мартина как незамысловатую заводную игрушку, ключ от которой был в кармане самой игрушки.

"Мы понимаем вас, Мартин, - говорили эти шелестящие по коже взгляды, - мы очень даже вас понимаем."

- Всем все понятно? - деликатно спросил Стивен. И поторопился заверить: -Значит, решено. Ваш покорный слуга выступит ходатаем перед Почтенным Сильвестром. Удачи нам всем, дорогие мои суэнцы.

Включили проигрыватель. Закрутилась пластинка, продолжая танцевальную мелодию с места, прерванного вчерашним утром. Это было кстати для Стивена. После того, как все чинно выпили за удачу, он вышел из-за стола первым и пригласил на танец Джейн. Вскоре те офицеры, которым досталась дама, завальсировали; остальные остались сидеть, рассматривая танцующие пары с любезно-снисходительной улыбкой.

Стивен, перемещая Джейн между табуретами с подсвечниками, что загромождали пространство для танцев, то и дело подмигивал сидящим, зазывая в круг.

Подмигнул он, дружелюбно улыбнувшись, и Мартину, когда попал случайно в поле его задумчивого взгляда. Со стороны могло показаться, что Аризонский улыбнулся в ответ машинально, но Годар видел, что товарищ его искренне рад празднику, который еще только разгорался. И все же улыбка его была грустной, обращенной больше к своим мыслям.

- Жаль, что вас не было здесь вчерашней ночью - тихо сказал Годар, сев к Аризонскому вполоборота. Он попытался передать свое понимание ситуации: - Ваше место - в офицерстве войска прежнего состава.

Глаза Аризонского на миг вспыхнули. Годар увидел нестерпимую смесь горечи, благодарности и разочарования. Потом огонек вдруг резко отключили, товарищ его вяло отвел взгляд и ничего не ответил.

- Прежние витязи совершили поступок. Противозаконный, но благородный. Это лучше, чем ничего. Положительную сторону вчерашних событий отметили даже в радиообращении, - продолжал Годар свои мысли, не спуская с Аризонского вопросительного взора.

- Это Нор выступал, - сухо заметил Мартин.

- Что ж, он умный человек. На то он и первый шут королевства.

- Да, Нор умен, - согласился Мартин задумчиво. - И что мне теперь делать?- это он спросил с иронией, по- прежнему не глядя на Годара.

- Не знаю, - ответил Годар с нажимом.

Чтобы уйти от разговора, который начинал принимать неприятный, непонятный ему поворот, Годар решил присоединиться к танцующим, но вместо него встал Мартин и пригласил, галантно поклонившись, только что освободившуюся девушку. Та, вспыхнув, поспешно согласилась. Пухлое ее личико то розовело, то становилось бордовым, хотя Мартин танцевал молча. Девушка все делала медлительно, сбивчиво, двигалась, словно наощупь и прикрывала иногда глаза. Когда Мартин заметил это, он стряхнул свои мысли, бережно привлек девушку поближе и, наклонившись к уху, что-то шепнул, улыбнувшись мягко и доверительно. Девушка издала жеманный смешок, на всякий случай зарделась, а уж после рассмеялась от всей души и в продолжение всего танца оставалась раскованной и веселой.

Аризонский тоже повеселел. Он говорил с девушкой и едва успевал подавать реплики в ответ на какие-то фразы, доносящиеся от других танцующих пар.

Светская беседа, вспыхнув посреди танца, захватила всех и вела за собой наравне с музыкой.

Годар в танцах не участвовал. Он видел, глядя через весь стол в район пятачка, лабиринт со светящимися коридорами. Сквозной ряд световых колпаков, образованных при помощи устроенной со знанием дела подсветки, бросал на пятачок дополнительный многослойный свет.

Похожая на тусклое электричество ночника, желтая полумгла коридоров утомляла его - издали, как устранившегося.

Годар стал мрачен.

Коридоры по-прежнему бежали друг сквозь друга, укорачиваясь или удлиняясь порой за счет перебежчиков, что не меняло границ лабиринта. Потоки человеческих душ, куда бы они ни текли, как бы ни кидались друг в друга, желая набраться сил или, того хуже, поглотить другого без остатка, неизменно стекались в единый поток либо в отдельную ветвь лабиринта. Коридоры продолжали сами себя, дотягиваясь друг до друга и расширяли, создавали лабиринт. Все освещалось ровным, скучным, мутноватым светом свечей. Догадайся кто-нибудь зажечь электрическую люстру - а она имелась в наличии, - и лабиринт был бы разрушен. Люди, живущие им в танце, почувствовали бы себя обделенными и жестоко обозлились. Может быть, они наказали бы человека, включившего электричество, как наказывают в Суэнии тех, кто поднимает в ночи шторы.

Однако, сегодня в лабиринте происходило и нечто ему, лабиринту, несвойственное, неподобающее. К середине танца Годар заметил скученность возле Мартина. Назревала пробка - невиданная штука для светящихся коридоров. Лабиринт получил в одной из своих ветвей нездоровый узел.

Вначале Аризонский, как и Годар прошлой ночью, танцевал легко, с упоением. Красота живого, текущего сквозь душу пространства влекла его. Потом он попробовал нащупать преграду, но не смог и, вместо того, чтобы отчаяться и кидаться на светящиеся стены, замедлил шаг... Шаг его был таким медленным, что, призадумавшись, Мартин почти остановился.

И в эту-то минуту кажущейся остановки Аризонский угодил в комнату без дверей и окон.

Комнатушка образовалась посреди коридора и состояла из четырех подсвечивающихся стен. Так как комнатушка была мала, она оставляла по всем сторонам от себя пространство для жизни коридора, надо было только научиться обтекать, а не струиться насквозь.

И все-таки пространство сузилось. Живое вещество менялось медленнее, чем требовалось, назревал тромб. И, понимая это, души спешили. Четыре стены светили изнутри окруженному Аризонскому. Для них он тоже был светящейся стеной, только не прозрачной. Неподатливую эту стену позарез нужно было куда-нибудь переместить, чтобы прикрыться ею в дальнейшем или попросту убрать с глаз долой. Стену невозможно было унести по кирпичикам, разобрав или разрушив. Для успешной операции был необходим ключ, повернув который, можно было заставить стену уйти, куда нужно, самой.

Поэтому души - стены комнатушки, отвлекая Аризонского любезным расположением, ощупывали тайком его карманы. Годару это было так отчетливо видно со своего места в светящемся колпаке, что он привстал от изумления и послал Аризонскому долгий выразительный взгляд. Но занятый беседой Мартин, разогретый легкой сентиментальностью мелодии, разомлевший от собственной и чужой доброжелательности, кивал каждой из четырех стен, не замечая, что комнатушка превратилась уж в сейф, вокруг которого образовалась еще одна комнатушка. Стены же новой комнатушки шарили по стенам сейфа, шарили со спины, а к спинам этих последних липли следующие... Годар видел тройной слой стен - там были все витязи и дамы. Он изумлялся, негодовал, мучился… Он готов уже был рассердиться на Мартина!

И тут случилось замешательство, вмиг все преобразившее.

Мартин заметил взгляд Годара и, не вдумываясь в его значение, махнул ему рукой, высоко подняв ее над всеми стенами. Глаза Аризонского излучали мягкий, добрый, щедрый свет, и свет этот предназначался Годару.

Стены, не успевшие проследить за значением жеста Мартина, замешкались и распались. Кто-то благоразумно выключил музыку. Годар увидел, что бывшие стены, обретшие человеческую плоть, смотрят на него, как на вора. Но взгляды были заискивающие, прицельно-доброжелательные. "Ключ!" - настоятельно просили эти взгляды.

Секунду спустя всем захотелось познакомиться с ним поближе.

Но первой сделала шаг Джейн, так как Стивен не сумел скрыть презрения и отвернулся.

Джейн и Годар присели на стулья перед черным бархатом шторы.

- Почему вы не танцевали? - спросила Джейн, склонив набок голову с родимым пятном на проделе.

Годар, довольный поворотом дела, решил поиграть в простачка.

- В танце я часто наступаю на ноги, - признался он весело, - я никогда не ставил перед собой цели учиться светским наукам. Двигаться в такт музыке и настроению - это единственное, на что я

согласен. Правда, мелодия иногда так увлекает, что сам не ожидаешь, чего натанцуешь. И начинаешь танцевать не хуже профессионального любителя. А иногда - хуже всех. Именно из-за пленительной музыки...

Он осекся, заметив, что увлекается откровенностью. Как ни старался Годар спрятать себя, играл он, как всегда, одну из граней своей личности и волей-неволей говорил искренне. Что вполне сходило за блаженную простоту, с которой можно было снимать сливки.

- Я тоже нигде не училась, - призналась Джейн с обезоруживающей прямотой, - вся детвора бегала в трехгодичную школу танцев - это так модно, что, не окончить такую школу ну просто стыдно. А я была болезненной девочкой. Я и лицей посещала лишь в периоды ремиссии проклятущей аллергии. Думаете, меня учили гувернантки? Я видела, как танцуют на домашних приемах мама с папой. И научилась сама. Перед зеркалом. Гувернантке я мучить себя не дала: я была стеснительной девочкой.

- Я тоже любил учиться перед зеркалом, - собрался было признаться Годар, но одумался и переменил тему: - Не представляю, чем можно болеть в такой солнечной стране. Уж, во всяком случае, не простудами.

- А моя аллергия и была солнечной, - грустно сообщила Джейн. – Только выйдешь утречком, и пожалуйста тебе: все лицо в волдырях. Приходилось добираться до Лицея в карете. Другие дети, не понимая, завидовали. Доктора рекомендовали нам эмигрировать в одну из ваших стран - это разрешается по состоянию здоровья. Но папа был очень привязан к Суэнии, и мы с мамой решили остаться. И не жалеем, между прочим. А вы жалеете о том, что переехали к нам?

Вопрос был вполне невинный, и Годар ответил, что приехал не насовсем.

- Но как?! - удивилась Джейн. - Вы же сотенный командир суэнского войска. Утром вы примете воинскую присягу и, если все мы будем служить хорошо, получите вместе с другими офицерами должность в королевском Совете. Это только наша, женская, судьбинушка неизвестна. Женщин в Совет пока не допускают. Но, как говорится, поживем - увидим.

- Честно говоря, я сам не пойму, как попал в войско, - признался Годар и подумал задним числом, что это вряд ли является для кого-то секретом. На всякий случай он пояснил: - В воинском Уставе, кажется, предусмотрен пункт о приеме на службу иностранцев. Я заметил, что мое имя мелькает в радионовостях так привычно, словно иностранцы призывались на службу и раньше.

- Нет, этого раньше не случалось, - заметила Джейн строго и призадумалась, - во всяком случае, на моей памяти.

- Поэтому я и сказал, что сам не знаю, как оказался в войске, - повторил Годар, злясь на самого себя.

- Да, я понимаю вас, - согласилась Джейн шепотом, и Годар похолодел. - Своеобразный человек ваш товарищ Аризонский, - добавила она непринужденно, - король любит его, как сына. Честно говоря, не пойму, как он-то попал в войско. Уж он-то мог и не служить. Может, у него с Кевином особый договор?

Сами знаете, Аризонский - человек скрытный.

Годар промолчал. Теперь он уже не мог сказать правду. А правда заключалась в том, что он познакомился с Зеленым витязем несколько часов назад – в этой вот комнате.

Джейн, видимо, удовлетворило его молчание.

- Принесите, пожалуйста, газировки, господин Годар, - очень душно, - попросила она кротко, без тени жеманства и деловитости.

Отправившись на кухню, Годар добыл бутылку лимонада, откупорил ее о край стола, нашел стакан, и, водрузив на поднос вместе с бутылкой, вернулся ко входу в залу. Подозвав одного из витязей, он попросил передать поднос госпоже Джейн. Сам же исчез и заперся в ванной.

С той стороны зеркального стекла в овале растерянно глядел на него моложавый парень с темными кругами под глазами, что доходили чуть ли не до середины лица. Подумалось, что если опять отрастить бороду, придав ей форму, или хотя бы одни усы, вид у него станет не по возрасту солидным, а, даст Бог, и надменным. Таких людей сторонятся, побаиваясь. С такими хитрят дольше, осторожней, а значит есть шанс протянуть время и выработать внутреннюю защиту. Сейчас же главное - внутренне умыться. Другого способа стереть с лица следы растерянности и недовольства Годар не знал.

Он подумал о том, что в вертепе находится по крайней мере один приятный человек - Мартин Аризонский, и эта мысль его подбодрила. Черты лица человека в зеркале стали

одновременно и резче, и мягче. Это было немного похоже на то, чего хотелось бы. Он усмехнулся. Получилось язвительно, что тоже иногда помогало.

В дверь постучали. Два раза. Очень деликатно. Словно поскреблись.

Когда Годар открыл, Серебристый витязь, через которого он передал поднос, наигранно улыбнувшись, сообщил и спросил одновременно:

- Я выпонил вашу просьбу. Госпожа Джейн беспокоится, не плохо ли вам, господин Годар, не обидела ли она вас чем-либо?

- Мне хорошо, - резко сказал Годар и, выдвинув Серебристого витязя грудью из дверного проема, вернулся в зал и занял свой стул.

Джейн, удивленно всплескивая руками, находилась в компании двух витязей-великанов.

Стивен обильно жестикулировал в кругу остальных дам.

Аризонский же, прислонившись плечом к стене, вдумчиво, с интересом слушал торопливую речь Желтого витязя, который иллюстрироал ее, чертя пальцем по воздуху в сантиметре от стены.

- Вы, как скульптор, могли бы поставить дело на профессиональную основу, - услышал Годар фразу, произнесенную Желтым витязем громче, чем следовало.

- Ну, уж какой из меня скульптор! - засмеялся Мартин. Я всего лишь окончил детскую художественную школу по классу лепки. В одном вы правы - тут нужен свежий взгляд.

Свечи сгорели на три четверти, что предвещало свободу от ночи. Потемнели и уменьшились световые колпаки. Годар засмотрелся на пламя одной накренившейся свечи. На его глазах она догорела почти до основания, и пламя, зацепившееся за остаток фитиля, стало необычно ярким, неровным. Он подумал о том, что это уже вторая бессонная ночь. Если удалиться в спальную комнату сейчас, часовой отдых ничего не даст. Стрелки уже близились к пяти. Тем более, что сна не было ни в одном глазу – их застилала пелена из завесившего комнату пламени. Все это сгорит, если не потушить свечу. Можно плеснуть в нее вина - благо, невыпитых бутылок больше, чем пустых. Но спирт только подхлестнет. Тут больше подходит лимонад. Кажется, он апельсиновый. А свежая кожура апельсина не горит - это точно.

Пламя тронуло плечо. Он равнодушно, искоса посмотрел на то, как сопротивляется огню несгораемая лента, как непроницаемо покрывает мундир, отчего пламя сдается и превращается в дым...

- Устали, Годар? - дошел до него знакомый голос.

Годар очнулся от дремоты. Рядом сидел Аризонский, положив ему на плечо ладонь. По другую руку от Мартина примостился Желтый витязь и поглядывал на Годара ласково-выжидательно.

- Не более, чем остальные, - бодро сказал Годар.

- Тогда нам нужен ваш совет.

- Вам? - спросил в упор Годар, посмотрев на молчавшего витязя.

- Познакомьтесь - это Джим, - продолжал Мартин. - Он предлагает интересную идею и готов оплатить расходы на ее воплощение. Расскажите вы, Джим.

Мартин был возбужден, как ребенок. Пока Джим собирался с мыслями, он восторженно сообщил:

- Знаете, Годар, товарищ предлагает установить в Скире статую, символизирующую судьбу Суэнии, ее предназначение. Для этого нужна подсказка, образ... Мы должны понять самих себя...

- Где предполагается установить памятник - на городском кладбище? - перебил Годар, обращаясь к Джиму.

- Ну, зачем же так плохо о нас думать, - укоризненно заметил Джим, продолжая ласково жмуриться.

- Белый витязь неправильно нас понял, - поспешил заверить Мартин, обращаясь к одному Годару, - Я, наверное, плохо объяснил. Это из-за того, что, работая в художественной школе с глиной, я часто искал именно этот образ... Мне и тогда думалось - если установить на Дворцовой площади статую, каждый невольно задумается и поймет сам себя. Если бы только я знал, о чем следует думать!.. Нужен взгляд человека со стороны. Как вы думаете, Годар, зачем мы здесь, в этом оторванном от цивилизации мире?

- Для этого надо знать историю края. А в библиотеке мне предложили лишь сборник преданий.

- Искусство родилось из мифа, - блеснул эрудицией Джим.

- Это одна из версий, - сухо заметил Годар, - как я понял, произведение должно быть далеким от реализма.

- Скульптура должна отражать метафизическую реальность, - Джим не оставлял ровного, вежливого тона, между тем, как Мартин замолчал, и разговор продолжался без его участия. - Вы можете высказать, если пожелаете, свои соображения, замечания и даже пожелания. Если ваше, равно, как и любое другое представление, оформленное в художественную идею, покажется дельным, господин Аризонский возьмет на себя труд выхлопотать разрешение

на ее реализацию. Это уже обговорено, не так ли, господин Мартин?

- Не надо обо мне беспокоиться! - взвинчено сказал Годар.

- Беспокоятся о судьбе государства, - заметил Джим иронично.

"Ах ты, черт! Лизоблюды, воры, интриганы! - подумал Годар с горькой, злой радостью от того, что все это написано у него на лице, и подлец, конечно же, вычислит себя и узнает, Ничего не поймет только жертва скирских интриг.

Жертвой он считал Мартина!

Желтый витязь Джим состоял в третьей шеренге стен, что окружали Аризонского во время танца, ощупывая карманы Зеленого рыцаря через вторые руки.

Пусть его поведение выглядит неэтичным или неэстетичным - он не станет разбираться в оттенках синонимов, а возьмет и укажет пальцем. Даже если не поймал за руку.

Годар не сразу заметил, что отвечает в своем воображаемом объяснении с Мартином на изречения шута Нора, которые запомнил накануне на террасе Аризонского. А когда заметил, перевел словесный поединок с Джимом в область иллюстрации собственных соображений о том, какой должна быть дружба:

- Думаю, следует установить не статую, а скульптурный комплекс. В таких случаях в европейских странах устраивают конкурс на лучший проект. Метафизическое небо целого народа не штурмуют в одиночку. Мастера должны не конкурировать, а дополнять друг друга. Скульптурный комплекс может состоять из работ многих мастеров, объединенных общей идеей. И, если уж разговор зашел в кругу сотенных командиров, каждый из которых разносторонне образован, возьмем лист бумаги и набросаем эскиз, но так, чтобы каждый внес в него свой штрих и ни одна черточка не противоречила бы другой.

Желтый витязь возразил вполне искренне, выпустив из внимания все свои цели, как прямые, так и попутные:

- Но ведь у каждого - свой стиль. У офицеров разные художественные способности. В итоге получится эклектическая несуразица. Это - утопия.

- Подлинное коллективное творчество исключает эклектику. Надо суметь так дополнить друг друга, чтобы собственный голос растворился в душе творения.

- Это все равно, что сорвать с нас шелковые ленты, - убежденно возразил Джим. - Это - фальшивое единство. Я не хотел бы видеть в своем городе подобные творения.

Такой Джим Годару немного понравился. Затеяв спор для ушей Мартина, Годар не предполагал, что скажет в следующую минуту. Желая обнажить желание Желтого витязя проникнуть через его, Годара, помыслы в планы Аризонского, чтобы, выявив между помыслами и планами некую химерическую связь, дергать затем за веревочки, он невольно приоткрыл сердце собеседника и увидел в нем нечто неподдельное. Любовь к Суэнии - это первое, что бросилось ему в глаза. Правда, любовь была насквозь эгоистичной.

- А знаете, я уже увидел свой штрих, - сказал Годар серьезно, без издевки. - Представьте солнечный шар, от которого тянутся к земле цепи, связанные металлическими перекладинами. Они напоминают веревочные лестницы. Только непонятно, что к чему приковано Земля ли к Солнцу, Солнце ли к Земле. Кто-то пробует встать на одну из лестниц. Пробует - и не более. Земля покрыта степью. В степи - крошечное королевство. Довольно унылый вид, если смотреть снизу вверх, как и смотрят обычно на монументы. Но если рядом имеется старинная башня, куда можно подняться по винтовой лестнице и посмотреть сверху... Если посмотреть сверху, то откроется купол из сияющего золота. То, что представлялось цепями или лестницами - швы, сваи, скрепляющие храм - Храм Солнца... Сквозь прозрачные стены видны люди, которые ходят по своей земле не ведая о том, что живут в храме. Я не знаю, хорошо ли жить в храме. Может, это кощунственно, а может - наоборот... Пусть эту мысль продолжит другой. Пусть она длится от сердца к сердцу, пока не найдет разрешения.

- Какой великолепный тост, дорогой Годар! - раздался сердечный голос Джейн. - Именно так и следует действовать - думать от сердца к сердцу, пока мысль не найдет разрешения. Кажется, это последний тост за истекшую ночь. Жаль, что мы так мало выпили и поговорили. И так и не разрезали мой торт, что очень, между прочим, обидно.

Годар, осмотревшись, увидел в почти кромешной тьме попыхивающие сигареты. Огарки свечей едва мерцали на корню, распространяя густой запах стеарина. Кто-то неторопливо пробирался к одному из двух окон, чтобы вздернуть штору с первым ударом курантов. Саднили в коже пущенные из темноты иглы взглядов.

- Я бы хотел перевернуть храм, как песочные часы, и взглянуть на него поверх Земли. Может быть, стоит сделать наш монумент вертящимся? – тихо сказал Аризонский и зажег, чтобы прикурить, зажигалку.

Увидев выплывший из темноты чеканный его профиль, Годар смутился. Он был доволен собой, своим спором с Джимом, общим впечатленьем, произведенным сымпровизированной речью; Мартин же стал неузнаваемо-печален.

По голосу Зеленого витязя чувствовалось, что он собирается с мыслями, чтобы сказать что-то важное для самого себя, отчего был сильно смущен.

- Когда я прохожу по улицам, - наконец произнес он после долгой паузы, - даже случайные прохожие смотрят на меня так, будто я им чего-то недодал, - он опять немного помолчал и мягко продолжил: - Вот и мой товарищ Годар ведет себя так, словно я ему чего-то не сделал, Я угадал, а, Годар?..

Годар почувствовал, что не знает ответа, который бы не огорчил Мартина.

Иглы стыда прокалывали кожу изнутри - все сильней, яростней. Отодвинувшись в темноте от товарища, он невнятно промолвил:

- Здесь говорили о внешнем враге. О ком шла речь, я так и не понял.

- Речь шла о драконе, - сказал Аризонский.

Глава пятая

Речь шла о драконе во всех кварталах города, среди ремесленников и вельмож, полицейских и бесцельных прохожих, за дверьми департаментов и ведомств, в королевском дворце и в самой природе. Легкий ветерок, налетевший, как обычно, внезапно из неопределенного откуда, принимался с прилежанием теребить Флаг на дворцовой площади, размахивая полотнищем словно во все концы сразу. Так метался, будто пойманная мышь, каждый лист на элегантных тонкоствольных аркадах - вечнозеленой породе деревьев, выведенной суэнцами для украшения города. Так теребилось, то скручиваясь в бечеву, то распахиваясь, разглаживаясь до последней складки, белье, вывешенное, как водится, на пару минут. Теребились пряди волос, выбитые ветром из-под разворошенных дамских причесок; метались многослойные юбки.

Этого было достаточно, чтобы взгляды жителей Скира, метнувшись с опаской к небу, устремлялись затем к долу и были полны затаенной обычно горечью в продолжении всего дня. Ибо каждый вспоминал о налетах дракона. Каждый видел его хотя бы раз в жизни. Факт этот никем не подвергался сомнению.

Мнения расходились лишь в определении цвета дракона, который порой менялся. Щебень, палки, булыжники, обломки кирпичей возлежали у подъездов особняков, но хозяева не торопились журить дворников, будто были постояльцами на этой земле, любой клочок которой мог испепелить, как обещал в разные времена, Его Величество Дракон. При этом внутри жилищ порядок поддерживался безукоризненный. Жители деревянных особняков втайне надеялись, что под родным кровом помогают и стены. Те стены, что знали предков, живших еще до Явления дракона. Этого времени никто не помнил, но все знали, что прошло лет этак пятьдесят, хотя очевидцев золотых времен не удавалось найти даже среди престарелых суэнцев.

Однако, служащие важных учреждений боролись с собственной памятью о драконе умело и тщательно, чему содействовали природные черты суэнцев: гордость, честолюбие, сдержанность. Каждое солидное учреждение – даже суровый, окрашенный в коричневое департамент внутренних дел, увязший по верхние окна в громоздкой крыше, - имело подобающую осанку и целый штат дворников и уборщиков, как имеет костюмеров и косметологов сановная дама.

И если у суэнца не доходили руки до расчистки собственного двора, то осанка государственной службы, которую он представлял по выходе из дому, расправляла ему плечи, приподнимала голову и заставляла, под страхом потери самоуважения, нести свой костюм...

Годар вскоре научился понимать, где, когда и как шла речь о драконе. Только он относился к ней как купальщик к касанию береговых волн, игнорируя представления о возможности шторма. На душе было легко и празднично, все слишком походило на хрустальный сон. Все жители

Суэнии, словно забыв установить перегородку между Ночью и Днем, смотрят сказку о драконе - одну из причудливых вариаций темы, давно набившей оскомину в обычных странах Земли.

Как-то он прямо сказал об этом Мартину.

Мартин ответил не задумываясь, твердо:

- Нет, это не досужие выдумки, не суеверные страхи, не галлюцинации душевнобольных и не интриги дворца. Я его видел. Сам. Собственными глазами, понимаешь? Видел гнусный в своей величавости полет в облаке пламени, что лизало лучи строгого Солнца. Видел когти, чешую, хвост... Это гигантский красный ящер, какого и в самом деле изображают в иллюстрациях к вашим сказкам. Но мы, суэнцы, не просто читатели. Я верю только в то, что увидел своими глазами. А его я увидел. Вот только не все верят в пристанище дракона на земле. Предполагается, что он обитает на берегу Безымянного озера, а оттуда еще никто в одиночку не возвращался. Поэтому многие думают, будто дракон является с небес, как кара господня, и отчаялись бороться. Бытует мнение, что если Бог посылает на Землю дьявола, то не станешь же сражаться с Богом. Что до меня, то я не верю ни в бога, ни в дьявола. Мне легче расставлять вещи по своим местам. Я не питаю иллюзий, не тешу себя надеждой на небо, а, значит, мои руки не скованы страхом перед Роком. Я верю в человека, способного одолеть дракона. В конце концов, дракон был не всегда. Разве не может быть искоренено зло, появившееся позже суэнца? Я бы не сказал, что верующие суэнцы, а их большинство, - так уж религиозны. Дань христианству - скорее традиция, чем вера. Большинство поселенцев были протестантами. Они и возвели первый храм. Так что в Сына человеческго я не верю. Слава Богу, государство к религрозности не обязывает.

Отметив упоминание Господа в последнем высказывании Мартина, Годар поинтересовался с добродушной иронией, не надеясь на серьезный ответ:

- Хорошо, пусть не было Сына. Но в Отца-то ты веришь?

Мартин неожиданно задумался и, подняв лицо к солнцу, долго стоял так, раскладывая свои мысли по полочкам.

В намерения Годара вовсе не входило сбивать его с толку, особенно при помощи риторических уловок. Поэтому он поспешил опередить ответ новым вопросом - более актуальным для обоих:

- А какой от него вред, от дракона? Ну, то, что он пожары устраивает, я уже уяснил.

- Дракон охотится за суэнскими девушками. Многие годы он регулярно совершал налеты на села, воруя крестьянок. Полицейские и вооруженные охотничьими ружьями сельчане могли лишь панически и, в конечном итоге, бесславно палить в клубы огня и дыма - чудовище не брало огнестрельное оружие: прихватив двух - трех девушек и спалив для острастки пару дворов, дракон исчезал, чтобы вскоре появиться в другом селении. Впрочем, никто никогда не знает, где и когда он появится. Но то, что появится – сомнению не подлежит. Мерзавец сам заботится о том, чтобы сомнения не зарождались.

Периодически он бороздит небо Скира, поднявшрсь к самому солнцу, словно невинный бумажный змей. Или, наоборот, проносился огненным облаком над головами скирян, опаляя и заставляя шевелиться волосы. При этом он порой игриво испепеляет с десяток небольших домов, но так, чтобы хозяева остались целы. Нюх у него, что ли, на пустующие дома. Может быть, поэтому жители Скира домоседы. Пока что дракон не погубил в черте города ни одного горожанина. Но в самое последнее время вкусы его стали изысканней. Дракон стал охотиться за дочерьми владельцев поместий, если заставал их, опять-таки, за чертой столицы королевства. А полгода назад он, вроде бы заговорив в одном из селений человеческим голосом, объявил о намерении полакомиться плотью принцессы.

- Дракон, говорящий человеческим голосом? Может, это придумали сельчане, чтобы в Скире поторапливались с организацией серьезного отпора?

- Суэнцы слишком уверовали в предопределение. В первые годы сельчане срывались с насиженных мест и обустраивали еще не освоенные земли, наивно надеясь ускользнуть от преследований обидчика. Или отправляли дочерей в Скир. Но со временем они даже перестали хвататься за бесполезные ружья, что делали раньше инстинктивно - из страха или гордости. Мало кто смеет признаться в этом себе самому, но с кровью, пролитой суэнскими девушками, стали мириться, как с жертвенной. На похищения посматривали сквозь пальцы, сводя их после очередного насилия для крестного знамения. К созданию же войска приступили совсем недавно, когда на карту были поставлены честь и жизнь принцессы. За последние два месяца дракон бороздил небо над Скиром семь раз! При этом он захватывал самых родовитых девушек города, к несчастью, оказавшихся в это время в экипажах, следующих по степным дорогам в отцовские

поместья. Крестьянок дракон больше не трогал, словно подчеркивал, что очередь - за принцессой... Вот мы и сколачиваем полгода войско. Нам не с кем было воевать три столетия - со дня основания Суэнского королевства. Опыт, как и желание брать в руки оружие, у скирян отсутствует. Но мое поколение знало с детства - быть войне. И готовило шелковые ленты, слушая речи короля Кевина I, в которых он без устали делился ворохом планов по созданию собственной армии.

Речь Мартина, весь его облик были убедительны, и Годар на время убеждался.

В искренности Аризонского он не сомневался ни секунды, но порядком устал от россказней других суэнцев. Небылицами заезжего витязя потчевали со смаком. Подробности проколов Годара всплывали неожиданно.

- Яблоневый сад - в моем дворе, на месте Казенного Дома?! – удивлялся Аризонский, прозревая так же медленно, как и Годар. - Ах!.. Гм... Посуди сам: откуда взяться яблоням в краю нескончаемого лета? Садоводческие хозяйства и плантации вечнозеленых культур расположены за городом, где есть оросительные сети и квалифицированные работники. Один из таких потенциальных работников - ваш покорный слуга, молодой специалист-мелиоратор.

Все-таки Годар был как-то задействован в хрустальном сне, в той сказке, которую смотрел, веря и не веря, широко раскрытыми глазами. Он принес вместе со всеми присягу в присутствии старшего советника короля по военным вопросам, через посредничество которого Кевин I командовал своим войском.

Он принял участие в Офицерском шахматном турнире. Он приходил каждое утро в казармы, где парни его лет - ратники белой сотни – нетерпеливо заглядывали в лицо командира, ожидая хоть каких-нибудь распоряжений. Белая сотня должна была принять под охрану один из районов в северной части Скира.

Одну из двух обязательных партий в турнире Годар проиграл, другую – сыграл вничью, спасшись от проигрыша патом. Но члены Шахматной комиссии пожали ему руку с искренним интересом и дали понять, что у него весьма обнадеживающие показатели. Победителем турнира стал Фиолетовый витязь, которого Годар на офицерском банкете не запомнил. Главные соперники-Мартин и Стивен,- которым прочили победу, получили по одному очку. И готовили теперь свои сотни к охране районов, отдаленных от дворцовой площади.

Многие именитые горожане, с которыми Годар общался по долгу службы, почтительно величали его рыцарем - это стало своего рода прозвищем. Иначе обстояло дело в отношениях с сотенными командирами. Все, кроме Мартина, хаживали в одиночку по приемным, где заседала дворцовая бюрократия, дающая доступ к дворцовой аристократии. Когда они с Мартином встречали кого-либо из офицеров в широких, как проспект, коридорах, обмен приветствиями проходил в суховатой, вежливо-саркастической манере. Однажды встретили ссутулившегося, насупленного Стивена. Он прошел, не поздоровавшись, мимо с безучастным видом нашкодившего кота.

Сам Годар шествовал по дворцовым кабинетам, как почетный гость, ибо рядом был Аризонский - свой человек в кругах придворной аристократии. Мартин ни разу не назвал его рыцарем, но взгляд его блестел от гордости за обретенного друга, он обращался с ним с такой бережливостью, словно нашел в нем брата. Вечерами Годар зачитывался "Записками" графа Ника Аризонского и не замечал, что за ужин оставила хозяйка на его столике, что за душный, низкий потолок навис над койкой в крошечном его жилище.

Днем он с азартом пересказывал прочитанное Мартину. Тот выслушивал не перебивая, одобрительно кивал. Иногда он, пряча улыбку, выказывал удивление по поводу интерпретации Годаром какой-нибудь фразы, да так, словно слышал фразу впервые, а не знал ее наизусть, что выяснялось впоследствии.

Мартин часто хвалил Годара за глубокомыслие - он никогда не скупился на похвалу пытливому уму и, кажется, искренне считал, что некоторые места "Записок" Годар понимает глубже, чем он - потомок великого суэнца. Но когда Годар поделился однажды радужными впечатлениями от книжицы суэнских преданий, Мартин, перестав улыбаться, настоятельно посоветовал:

- Пожалуйста, Годар, не засоряй себе голову лубочной литературой. Большинство историй, что тиражируются в Скире изустно или печатно, всего лишь безвкусные стилизации под то, что малоизвестно.

Охотно и терпеливо разъясняя жизнь современной Суэнии, Мартин часто упоминал о прошлом, но никогда о нем не рассказывал. Годар же не торопился с расспросами. Он чувствовал

свою долю вины за горечь, которую вкусил Аризонский на офицерском банкете. Когда Мартин переставал улыбаться и погружался, прищурившись, в свои мысли, забыв о его присутствии, Годар настораживался. Непроизвольно съежившись внутри, он почему-то думал, что, когда тот заговорит в следующую минуту, ветер, пребывающий в узде его голоса, может сорваться и ударить его, Годара, в грудь. Но такого никогда не случалось. Все ветры Зеленого витязя неизменно оставались для него легкими и попутными. И все-таки Годар опасался смерча. Мысли Мартина, которые он ощущал в такие минуты всей кожей как движение тока, порой принимали характер такого яростного неприятия чуждого образа жизни, что чужака, который оказывался в поле его мысленного зрения, спасала от испепеляющего презрения разве что собственная нечуткость. Мартин и в самом деле никогда не указывал пальцем, но мог невольно сразить мыслью. И Годар старался ничем не огорчать Мартина - и просто так старался, и затем, чтобы тот в ответ не огорчил его больше, чем хотел.

Нередко Годару вспоминался ницшеанский Заратустра. Почему - он не отдавал себе отчета, не мог разобрать, действительно ли Аризонский носил в себе нечто ницшеанское или это он, Годар, заключил в нем своего крошечного Заратустру.

Однажды он сказал отвлеченно и безотносительно:

- Друг для меня - это полубог, которому я изо всех сил мешаю стать человеком.

- Каким образом? - живо откликнулся Аризонский.

- Ну... Загоняю пинками на пьедестал, если ему вздумается спуститься на ступеньку ниже.

- Своеобразно. А я стараюсь никого не обременить.

Конечно же, Годар отчасти бравировал. Специально - образом действия – он никому не мешал ходить по своим ступенькам, как специально – образом действия - не вторгался в чужие мироощущения Аризонский. Но мысли, мысли!.. Чем скорее расформируется нынешний состав войска, думал Годар, тем лучше будет для Мартина и всего королевства. Человек масштаба Аризонского должен стать исключением в команде армейских карьеристов, что разрушит команду, либо зачеркнуть для себя путь к гражданской карьере через воинскую службу, подав в отставку. Если бы Мартин спросил прямо, что он думает о его будущем, то Годар бы ответил, внутренне съежившись из опасения расслышать мысленный комментарий, что желает другу неудачи на военном поприще. Но Мартин не спрашивал, и Годар имел отсрочку.

Все это не мешало ему наслаждаться блаженством хрустального сна и не верить, по большому счету, во что-то большее.

Пожалуй, жители Скира тоже находили явь неожиданной и опасались проснуться. По радио передавали сводки самых добрых новостей, преподносимых на ладони классической музыки Европы. Полицейские, в услугах которых особо не нуждались и раньше, словно вымерли, уступив проспект и примыкающие к дворцовой площади улицы служащим королевского войска.

Рядовые уже носили нашивки на погонах, но двигались скованно и осторожно, словно на плечах пригрелись листья, которые могло сдуть ветром. Офицеры же старались бывать на людях реже. Гражданское население осторожничало и того больше. Служащие в штатском, проходя рядом с военными по одной улице, сбивались на робкий, крадущийся шаг: не спугнуть бы, не спровоцировать на поступки, недостойные чести мундира!

Первый десяток дней новорожденного войска - все еще праздного, так как планы по его непрерывному формированию постоянно уточнялись - установил в Скире хрупкое, как бы хрустальное равновесие. Радиоэфир стали посещать суэнские танцевальные мелодии, но так робко, словно боялись изгнать из дому самих себя.

В этот день Мартин поведал о загадочной жизни принцессы Адрианы.

Начал он издалека, с трудом преодолевая волнение. Годар догадался о чувствах друга еще во время банкета, но не ожидал, что тот умеет быть столь отвлеченно-многословным.

- Не приходило ли тебе на ум, дорогой мой Белый витязь, что цвет твоей ленты, которого и в природе-то, оказывается, нет в чистом виде, все-таки самый естественный? Чистый лист бумаги - самое совершенное творение. Ограниченный человек питает неприязнь к буквам, цифрам, нотам, линиям и другим цветам - все это, как ему чувствуется, порочит белизну. Неприязнь к многообразию, которое он воспринимает как замусоренность пространства, такой человек объясняет в меру своего интеллекта. Но в основе, на мой взгляд, лежит чувство выерности белому, изначальному. Одинаково лишними могут показаться банальный статистический расчет и гениальная музыкальная фраза... Для людей же глубоких, а главное - решительных, умеющих смотреть правде в глаза, многообразие не отменяет, а оттеняет Изначальное. Красиваяпоэтическая строка или математическая формула - способ подчеркнуть белизну. Но как часто мы медлим над

чистым листом бумаги, прокручивая и правя варианты в уме! Чем тоньше мы, тем дольше мы медлим. В идеале мы должны заговорить голосом листа, и, чем дальше мы от идеала, тем мучительнее даются нам пробы голоса. Может быть, поэтому мне хочется расставить на библиотечных полках, где пылятся сборники суэнского лубочного мифотворчества, пачки с нетронутой бумагой. Реализацию этого намерения я бы назвал вершиной интеллигентской скромности. Да будет костер белым, а на кусочке пламени пусть пишут другие и о другом. Пусть пишут, пока я медлю сказать о своем. Кто знает, быть может, я медлю нарочно, уступая дорогу... Но с тех пор, как на чистый лист бумаги посягнул дракон, все изменилось. В немыслимо короткие сроки витязи должны исписать горы черновиков, не щадя ни одного клочка. ХОТЯ МЕДЛИТ ДАЖЕ ДРАКОН. Даже дракон пробует голос с опаской перед той изначальностью, что воплотилась в принцессе Адриане. Сколько уж отправилось в корзину глупых черновиков королевского войска, а сколько черновых витязей кануло в Лету! Никто еще не увидел Адриану незаслуженно. Лишь я, недостойный, имел это счастье.

Когда-то граф Аризонский короновал на престол своего лучшего друга Джона Лексона. С тех пор род Аризонских и династия Лексонов идут по жизни душа в душу. Короли Суэнии, следуя традиции, заложенной первым из Лексонов, запрещают тиражировать свои портреты. Для суэнских стен испокон веку привычнее изображение Аризонского - единственное, и тоже, к сожалению, лубочное. Скажу без ложной скромности: род Аризонских почитается в Суэнии едва ли не больше, чем королевская династия. Когда я осиротел, король не раз называл меня во всеуслышание сыном, хотя я никогда не жил во дворце - это тоже традиция: Аризонские независимы. И однажды в конфиденциальной беседе король пригласил меня на ночную прогулку с дочерью. О том, где я провел ту чудесную ночь, знают только по смутным слухам, так как указом короля Кевина I, сочиненным в час рождения принцессы - жуткий час кончины королевы Анны, всем, кому бы то ни было, кроме отца, прислуги, учителя и врача, запрещалось лицезреть Адриану до замужества. Многие объясняли появление Указа нервным потрясением: Кевин безумно любил скончавшуюся супругу. Но когда я увидел шестнадцатилетнюю Адриану, то понял, что король предъявил подданным лист чистой бумаги. Перед моим мысленным взором промелькнули ненаписанные тома истории Суэнии. Прошлое, будущее, настоящее стало, как и прежде, Мигом. Сотни молодых людей, лелеющих мечту получить престол и завоевать сердце принцессы Адрианы, готовили себя к подвигу Великого Начала. И медлили, медлили произнести признание. Черновые слова умирали невысказанными, дабы не лечь на лист вкривь. Я не знаю, как описать тебе ту ночь, какие подобрать к ней слова, как не спугнуть... Когда же, как не в безлюдную солнечную ночь, в пору царящего по эту сторону ставней безмолвия, король Кевин мог беззаботно проехать по городу в карете, не опасаясь, что к белоснежному ее платьицу, к нежной не по здешнему коже и чему-то такому, чего не опишешь никакими словами, пристанет соринка ненадежного взгляда?.. В памяти девушки жили только приятные воспоминания, речь ее состояла из слов добрых и вежливых; иное отец и учитель сделали недоступным. Доктор уберег ее кожу от беды суэнских девушек, хотя и сам не знал, в чем причина успеха. Слух принцессы услаждала классическая музыка Старого света. Науки преподавались в меру ее познаний о мире. Познания же были похожи на ночные путешествия в карете по кругу Дворцовой Площади. Ничтожное неверное движение могло погубить это создание - чудесное и одновременно несчастное.

Когда привыкаешь к однообразию, начинаешь открывать в нем самые разные и неожиданные стороны. Замкнутый мирок становится неисчерпаемым кладезем. Но это понятно лишь ей - одинокой девочке, которая делает шаг на подножку кареты непосредственно со ступеньки отцовского дворца. Все рассчитано так, чтобы не ступить случайно на землю. Вот и в ту ночь, захлебнувшись на мгновение раскаленным воздухом (она ценила это мгновенье, но лишь мгновенье - не больше!), когда улица, страшно и озорно хохоча в лицо неузнаваемым полуночным солнцем, опускалась, словно штора, между дворцом и каретой, она приготовилась привычно-быстро отринуть штору, чтобы миновать Мгновение Открытой Улицы. Но к Мгновению Открытой Улицы неожиданно прибавилось второе, третье, четвертое мгновение... В течение нескольких секунд король представлял меня Адриане как названного сына. Она не сумела даже ответить на поклон. Она задыхалась, перепачканная неопрятной новизной. Я успел заметить в расширившихся ее зрачках злосчастное свое отражение и попробовал оценить его - ее взглядом: я был явившимся с улицы мужчиной в белом английском костюме, от которого разило потом, потому, что он порядком взопрел от благочестивого трепета и, вдобавок, не умел справляться с растерянностью, как подобает джентльмену. Я был несносен.

Не помню, как я оказался во второй карете, вместе с врачом и прислугой. Не запомнил и короткого путешествия. Когда я сошел на землю, принцесса уже пребывала в своих покоях. И все-таки я был счастлив. Не знаю даже, как назвать свое чувство - любовью или жалостью...

Годар долго молчал, подбирая слова поделикатней. Чувствовалось, что Мартину важно, как назовет его чувство он.

- Да есть ли душа у принцессы?! - Годар не сдержал возмущения и попал в точку.

- Души пока нет, - спокойно согласился Аризонский, - душа - это творение двоих. В одиночестве - это черновик. В изоляции - чистый лист бумаги. За право вершить на нем общую судьбу король потребовал голову дракона. И речь, если отбросить высокие словеса, идет не о том, какой станет Адриана в руках принца-победителя, а о жизни. Ее необходимо спасти... Послушай,

Годар, ты поедешь со мной биться с драконом?

- Конечно. Я же принес присягу. Как только будет отдан приказ, каждый из вас может положиться на меня.

- Ты не понял. Я хочу отправиться на битву вдвоем с тобой. С благословения короля, но не по приказу. Войско тут ни при чем.

- Да. Конечно. Я пойду с тобой, - деловито отчеканил Годар, сдерживая изо всех сил порыв неуместной, как ему показалось, радости. - Ты всегда можешь располагать моими возможностями. Могу выдать доверенность.

Мартин же не стал сдерживаться: стиснул ему руку влажной ладонью, широко улыбнулся и сказал с облегчением:

- Значит, я обрел боевого товарища. Послушай, двумя этажами выше - таинственные апартаменты принцессы. Дерзай, быть может, тебе суждено взойти на престол Суэнии.

Последнее он произнес шепотом, с некоторой долей лукавства и исчез так же быстро и неожиданно, как получил согласие на свое головокружительное предложение.

Годар остался на проспекте дворцового коридора один.

Продолжая жить в хрустальной сказке, он принимал любые предложения. Добрые герои этой сказки служили порукой за правильность его решений. Вот и сейчас, подойдя к стрельчатому окну и глядя с высоты птичьего полета - высоты, на уровне которой король обосновал свои рабочие кабинеты, - он ощутил чувство приятной, гордой ответственности за маленькие фигурки в мундирах на плацу - такие разрозненные в своем стремлении маршировать в ногу. Одна фигурка, споткнувшись, упала. Другая, протянув ей крошечную, с мизрнец, руку, помогла подняться. У Годара закружилась голова. Руки его задрожали. Волнение передалось сердцу от ладоней, между которыми словно что-то проскользнуло - незамеченное от прозрачности, похожее на порыв сорвавшегося вниз воздуха.

Он судорожно свел руки за спину и сцепил пальцы. В сущности, он завидовал умению Давласа распоряжаться своей жизнью. Память о Лане вспыхнула смутным, полупрозрачным пятном, в котором он не разглядел очертаний.

Прежняя неоформившаяся радость вкупе с болью лишь слегка царапнула ладони - не душу! А ведь он пытался прикрыться ею от заоблачных перспектив, которые обрисовал ему Мартин...

И без того небрежный в отношении к повседневным обязанностям по формированию войска, Аризонский в последующие дни и вовсе охладел к службе. Несколько раз он являлся на утреннее построение с опозданием, а на упреки сотенных отвечал рассеянной полуулыбкой. Главнокомандующий – Его Величество король Кевин I - пока не удостоил войско чести лицезреть своюперсону. Следовательно, жаловаться на недисциплинированность сотенных можно было разве что подслеповатому советнику по военным вопросам. Да и не пристало офицерам жаловаться друг на друга, во всяком случае, открыто.

Ставший вдруг веселым до беспечности, Мартин то и дело куда-то исчезал, и Годар бродил по дворцовой площади в одиночестве, всерьез беспокоясь о том, как бы вороватое государство не отняло у Аризонского душу, ибо государство, по его убеждению, не могло не посягать на единичное. Годар с нетерпением ожидал расформирования войска, ведь офицерский состав никуда не годился.

Настал день, когда сотенные, собравшись в кружок после утреннего смотра, попросили их с Мартином задержаться.

Устами Стивена было сухо объявлено, что на завтрашний день командному составу войска назначена аудиенция у короля. Речь идет о ходатайстве, об офицерском проекте программы по реализации Нового Архитектурного Плана. От господина Мартина и,соответственно, господина Годара требуется только присутствие. Офицерство надеется, что господа-приятели воздержатся от

комментариев в кабинете Его Величества. Несчастные всерьез полагали, будто они с Мартином подключены к дележке сферы влияний...

...Высота птичьего полета держала приемный кабинет короля на крыльях, по меньшей мере, орлиных. Массивная дверь с бронзовой ручкой, приоткрывшись, обнажила просторные розовые стены, не загроможденные мебелью, без портретов. Первым туда проскользнул после приглашения секретаря Стивен.

Все остальные нарочно отстали, особенно сильно отстал Годар, решив почему-то войти последним.

Однако Мартин, шедший перед ним, вдруг остановился в дверном проеме, шагнул назад и прикрыл дверь перед собственным носом.

Оба остались в коридоре.

- В чем дело? - удивился Годар, напоровшись на его спину.

- Подожди немного в коридоре, ладно? - попросил Мартин хмуро и снова взялся за резную ручку.

- Ничего не понимаю, зачем?

Если это некий зигзаг конем в сложном мире дворцовых игр, то для такого гроссмейстера, как Аризонский, ход довольно небрежен. "Хитрит он со мной, что ли?" - подумал Годар и, отступив от двери, холодно произнес:

- Собственно, если мое присутствие необязательно или неуместно, я могу подождать и в коридоре. Почему бы, собственно, и нет, я и так злоупотребил твоим вниманием. Кто знает, какие у тебя из-за меня неприятности.

Мартин коротко взглянув на него, толкнул дверь плечом.

- Пошли, - произнес он одними губами.

Раздумывать было некогда. Проходя в кабинет короля, Годар почувствовал, как на левую лопатку ободряюще легла ладонь Аризонского.

Сначала он увидел лимонное дерево, растущее из глиняного горшка посреди простоватой просторной комнаты. Тоскливое настроение в кабинете можно было распознать уже по беглому взгляду на это неуместное, броское в пустоте деревце. Единственный намек на уют мог бы дать пристроившийся в глиняном горшке кот мышиной окраски, если бы Годар не узнал в нем Норика.

Взглянув туда, куда обращали свои взоры стоявшие навытяжку офицеры, - на возвышенность в правом крыле кабинета, где за старинным письменным столом сидел осанистый человек в короне и мантии, Годар опешил, ибо узнал в короле Нора.

Ничто в его облике не напоминало более Мартина Аризонского - разве что врожденная аристократичность внешности, которой и тот, и другой были наделены щедрее, чем другие суэнцы. Теперь это был король, величественно расположивший туловище атлета в огненно-красной мантии на фоне черного лакированного стула высотою с трон. Двигая только кистью, он быстро, размашисто писал белым гусиным пером. Динамичность его почерка в сочетании с неподвижностью фигуры, надменно приподнятая бровь и прочие эффекты нагнетали ощущение присутствия расчетливой сокрушительной Силы.

Холодно взглянув в сторону офицеров, Нор-король указал небрежным жестом на кресла, стоявшие полукругом на почтительном расстоянии от королевского стола. При этом Нор не оторвался от записей. Скрип пера оставался единственным звуком в этом гнетушем кабинете еще по меньшей мере минут десять после того, как они тихонько расселись.

Лица витязей были обездвижены, взгляды ничего не выражали.

Еще немного, и Годар чистосердечно принял бы Нора за короля Суэнии. Но усмешка театрального зрителя на лице Мартина, которго он обнаружил с опозданием, не позволила обмануться.

- Я слушаю вас, господа офицеры, - Нор ловко сорвал паузу в тот момент, когда оцепенение ослабло, и мысли, надо полагать, не суляшие ничего хорошего, стали понемногу проявляться на лицах обескураженных просителей.

Годар заметил уголком глаза, что шут отложил перо и поочередно обводит присутствующих сузившимися глазами, отчего взгляд его вызвал в воображении образ лезвия бритвы.

Никто не шевельнулся, так как все были вновь повергнуты в оцепенение.

Все, кроме Годара, который получал от комедии удовольствие и, разумеется, Аризонского.

Зеленый витязь непринужденно, с достоинством обозревал даль за стрельчатым окном, очень высоким и узким. Годар не сомневался, что он мысленно затягивался в это время папиросой через свой неизменный мундштук.

- Вот не ожидал, что моих витязей еще не покинула студенческая застенчивость, - Нор мог быть безнаказанно-саркастичен. Королевское кресло, корона и мантия гарантировали ему неуязвимость в течение выделенного для аудиенции времени, - а между тем, Советники доложили, что бумага, которую вы намерены со мной обсудить, составлена довольно бойко. Полагаю, авторы с удовольствием введут меня в курс дела. Суть, разумеется, мне известна, но хотелось бы услышать детальное, я бы даже сказал, разветвленное изложение, и, притом, авторское. Ну-с, может, кто-нибудь начнет, или мои командиры предпочитают отвечать строем?

Зависла пауза, похожая на тяжелый черный занавес, который неумолимо подтягивался к молодым лодям в креслах, чтобы смести их со сцены.

Его Величество Нор снисходительно улыбался уголками губ. Никто не желал выступать в роли комедианта, но это было еще глупее, так как в положение жалких и безропотных актеров были поставлены все соавторы ходатайства и увязали в этом положении все глубже. Главный зачинщик Стивен был наконец вынужден вскочить со своего места.

- Позвольте представиться, Ваше Величество, - Стивен Ментон, командир Синей сотни, - отрекомендовался он так, как и полагалось по уставу, но повышенным, взвинченным голосом. Он злобно уставился псевдокоролю прямо в глаза, полагая с честью осадить зарвавшегося плебея.

Нор изобразил на лице деловитую озабоченность. Иронии как не бывало. Перед участниками и зрителями спектакля восседал мудрый государственный деятель, который повел беседу кружным, скользким путем. Сначала он деликатно поинтересовался происхождением Синего витязя и попросил немного рассказать о себе с такой неотразимой любезностью, что Стивен не мог увернуться от вежливого и исчерпывающего ответа. Видимо, он надеялся переиграть Нора в аристократичности манер. Но далее Нор перешел к деловой части и задал несколько поразительно точных вопросов, касающихся финансовой стороны представленного проекта. Вопросы показали присутствующим, что королевский шут обладает отнодь не шуточной компетентностью, и Стивен, принужденный к изложению собственных предложений, которые преподнес, как коллективные, был вынужден продемонстрировать еще и тайники собственного профессионализма. Его попытки соскользнуть на снисходительно-популярное изложение, предназначенное для дилетанта-плебея, Нор молниеносно пресекал глубиной профессиональных замечаний.

Синий витязь, дабы не потерять остатки аристократического достоинства, так и не сумел отказаться от роли. К концу аудиенции он осунулся и ссутулился, речь его стала бесцветной, машинальной. Когда он переставал слышать вопросы, Нор выжидательно молчал, не изменяя, однако, глубокомысленного, в меру надменного выражения лица, которое было обращено к Стивену с вниманием, похожим на роковое внимание толпы. Не глядя Нор протянул руку к стопке книг на столе, снял верхнюю - это были "Записки" графа Ника Аризонского - буквы на обложке выводились суэнскими полиграфистами крупно, позолотой. Он деловито раскрыл книгу на середине и принялся невозмутимо вписывать между строк отдельные фразы Стивена.

Заметив это, Синий витязь смертельно побледнел и замолчал окончательно.

- Уже все? - спросил Нор с легким удивлением, не отрываясь от записей. Он больше не глядел на ходатая.

- Да, Ваше Величество! - нервно сказал Стивен и, подавшись вперед корпусом, завел руки за спину. Щека его дернулась. Видимо, он приходил к решению сцепиться с обидчиком врукопашную, ибо сообразил, что терять осталось не так уж и много.

Однако Нор с шумом захлопнул книгу и поднялся.

- Благодарю вас. Господа офицеры, я подумаю над вашими предложениями, - промолвил он сухо и встал вполоборота, поправляя мантию. - Желаю успехов на ратном поприще.

Сотенные командиры повскакивали, гремя креслами, и бросились в двери, как мальчишки.

- Господин Мартин! Господин Годар! - крикнул вдруг Нор громовым голосом. - Задержитесь, пожалуйста, вас ожидает король.

Витязи, названные по имени, и так задерживались.

Однако, последней фразой Нор демонстративно отделил зрителей от комедиантов.

Годар почувствовал неловкость. Сколько ни желал он размежеваться с сотенными, взяв себе в союзники Мартина, а когда час пробил, в душу закралось ощущение нечистоты. Возмездие, устроенное Нором, было справедливым, но к горлу вдруг подступила тошнота, как будто он задавил нечаянно котенка, как это случилось однажды в детстве за рулем мопеда.

Он не смел повернуться лицом к двери, в которую высыпали гурьбой сослуживцы. Тем более, что вниманием завладела розовая стена за спинкой королевского стула. То, что

представлялось стеной, фоном, дрогнуло и взлетело вверх, обнажив настоящую стену: белокаменную, и в ней низкую дверь, куда не медля направился Аризонский, дав ему на ходу знак следовать за собой.

Годар не успевал обдумать каждый новый поворот. Неожиданности в Скире плодились и властно вели за собой быстрее, чем он мог разобраться со своими ощущениями. В душе скопилась груда неосвоенных впечатлений.

Внутреннее смятение, глубинное недоверие к происходящему пускали ростки втайне от него самого и были тем скрытым фоном, на котором разворачивалась самая большая и красивая сказка его жизни.

Теперь он не знал, как составить мнение о настоящем короле и был ли король, которого он увидел за шахматной доской в уголке захламленной комнаты, настоящим.

Судя по тому, как сердечно приветствовал его Мартин, назвав "Вашим Величеством" и по тому, как Его Величество по-отечески обнял Зеленого витязя, выходя из-за столика, где играл сам с собой, король все-таки был настоящий. И все же мнение о нем не складывалось. Книжный эталон не подходил, а тот, что имелся, наверное, в душе каждого суэнца, был ему неизвестен, представлялся ускользающим, изменчивым.

Мотки проволоки, столярные и слесарные инструменты, разобранный радиоприемник, куски минералов, древесная стружка, стопки газет, стаканы, колбы, горшки с кактусами, рулоны шелка, жестяные банки с малярными красками и кистями в них, тюбики акварели вкупе с кисточками - все это громоздилось вперемешку на нескольких узких свежевыкрашенных столах и лавочках. Два шкафа были набиты книгами и потертыми тетрадями разной давности. Книг и тетрадей было больше всего остального. Неровные стопки видны были даже на полу и на том угловом столике, где сидел, ссутулившись над шахматной доской, когда они вошли, щуплый господин в спортивном костюме и промасленном, прожженном кислотами фартуке. Проседь в его густых вьющихся волосах напоминала проволоку в замысловато перекрученном мотке.

Цвет лица у короля был пепельно-серым, как и веселые подвижные глаза, которые очень подошли бы к лицу молодого брюнета, каким, надо полагать, и был король прежде.

- Кевин, - представился он, протянув руку Годару после того, как выпустил из объятий Мартина.

Как тут быть с уставом и этикетом? Годар машинально подал королю руку как новому знакомому и назвал свое имя.

- Рад наконец вас видеть, - сказал король, заискивая. - Наш друг Мартин только и говорит, что о вас. Наш друг и члены Шахматной комиссии. Турнир выявил у вас задатки талантливого полководца.

- Простите, Ваше Величество, но я не победитель. Одну партию я проиграл, а другую с трудом довел до пата. Суэнские власти то и дело заблуждаются на мой счет. Мое назначение в войско - ошибка. Она дала мне преимущества и много счастливых минут. Если теперь меня отлучат от выполнения воинского долга, я стану самым несчастным человеком в стране. Но, Ваше Величество, произошла ошибка - я не могу скрывать это от вас.

- О, мой друг, члены Шахматной комиссии не могут заблуждаться. Вы довели обе партии до голого короля. Анализ показал, что, даже осознавая неминуемое поражение, вы не допускаете и мысли, чтобы сдаться без боя. Вы сражаетесь до последнего хода, дорогой Годар. Это очень ценное качество здесь, в Суэнии. Ведь по воле судьбы молодые витязи стали взвешенными в делах и неумеренными в развлечениях. Вы же сдержанны на досуге и безрассудны в бою.

- Но, Ваше Величество, я никогда не воевал.

- Не будем церемонными, мой друг. Называйте меня по имени, как принято у добрых друзей. Вы очень доблестный и, к тому же, очень искренний молодой человек. Вижу теперь и сам то, что знал со слов Мартина, а уж ему в искренности и проницательности нет равных в этой стране. Присаживайтесь, друзья. Ты, Аризонский, садись напротив. Доиграй, если не возражаешь, партию за черных. Впрочем, у нас важный разговор, а два серьезных дела не делаются одновременно... Боже, как я рассудителен, как я стар! – король пожурил сам себя и взглянул вопросительно на Мартина.

- Ну что вы, Ваше Величество, дай Бог нам отыскать в уставших до времени душах хоть половину вашей бодрости, - это сказал Мартин, и король немедленно расхохотался, закинув руки за голову и артистично устремив взор к потолку, да так, словно прилег на песок у моря, подставив лицо солнцу.

Электрическая люстра в конфиденциальном кабинете короля, бывшим одновременно мастерской, складом, убежищем, библиотекой, пивной, научной лабораторией, сияла и при дневном свете. Казалось, король и в самом деле умеет принимать загар под люстрой. Или учится этому делу, тайно экспериментируя.

- Не хочешь ли ты сказать, что Кевин легкомыслен? - спросил король шутливым тоном, но в голосе его Годару почудилась боязнь.

Суетливо выпрямив осанку, король придвинулся к краю стола, положив на него кончики пальцев. Руки его были белые, тонкокостные. Пальцы длинные, изящные, трогательно прилегавшие один к одному, как дети, созданные для нервной скрипки. Юношеские руки. Да, в короле Суэнии определенно было что-то от юнца.

- Ваше Величество, мы же с вами договаривались - в моих словах нет второго плана. Если возникнет необходимость в критичном высказывании, я допущу его без околичностей, как сейчас, - в голосе Мартина зазвучала детская обида.

Следующую мысль он изложил, посмотрев в глаза Годару:

- Безрассудство безрассудству рознь, не правда ли, Ваше Величество? Белый витязь может подумать, что мы воздаем хвалу слепой, неумной храбрости.

Теперь настал черед обидеться Годару.

- Государь, я вовсе не приписывал себе доблести. Не могу знать твердо, какой именно род храбрости к лицу офицеру Суэнии, но на безумца я похож еще меньше, чем на труса. Я странник, но не безрассудный романтик, господин Кевин. Я надеюсь, что враг так же реален, как король Суэнии.

Трудно сказать, на кого он так обозлился: на Мартина, допустившего подковыристое высказывание, или на себя самого за то, что углубился в неведомое так бездумно. Вот сидит, неудачно щелкая зажигалкой, потемневший лицом витязь. Вот припудренный пылью чудаковатый король в фартуке пролетария, - он зарделся и одновременно воспрянул духом, как девица, получившая первый нескромный комплимент, - этот пленник придворного этикета, выпрашивающий у иностранца фамильярности. Вот шахматная доска, за которой король играет в сражения. А за стеной гениальный, предприимчивый шут, возможно, сбивает спесь с министров... Доведенная до лоска чистота и чудовищный беспорядок связаны в этой стране так же, как седые и черные волосы в спутавшейся нечесаной шевелюре Кевина. Ясности нет ни в чем.

Разве не этого искал неприкаянный странник? Что же хочет он для себя прояснить, отчего раздражен? Асимметрия от хлама в убежище короля бесит его. А ведь прежде Годар мечтал о таких королях!

- Я рад, дорогой витязь, что ты отделил себя от суэнских юношей, - патетично произнес король, вперив ему в лицо увлажнившиеся глаза. Они словно вспыхнули синим пламенем с пеплом, после чего зрачок растекся смолою почти до краев радужки. Сверкнула на мгновение тонкая улыбка.

Король, ставший черноглазым от пожарища в душе, заговорил со странной болью, замешанной на беспросветной веселости:

- Помнишь, как сказал поэт:"Юноша бледный со взором горящим..." Проклятые книги, проклятая музыка, проклятые науки и необузданное солнце Суэнии повернули нас спиной к самим себе. Человек обиделся на животное и бежит от него к другому животному, думая, что спешит к себе в гости. В Краю Вечного Полдня болезнетворные микроорганизмы размножаются быстрее, единичные случаи заболевания разрастаются в эпидемию так скоро, что на ликвидацию мерзости в зародыше просто не хватает времени. Произвол - цена за скорость. Правда, солнце Суэнии щедро врачует то, что невольно провоцирует - физические недуги. Иммунитет суэнца так силен, что эпидемии мы предполагаем, так сказать, чисто теоретически. Но в остальном Произвол и Причудливость – верховные правители. Будущее - наш враг. Культура и цивилизация - костыли, сделавшие животное двулапым и подломившие веру в собственную скорость. О, как больно ветер гладит кожу, оставшуюся без шерсти! Как нестерпимо прикосновение малой травинки! Первые суэнцы ограничили доступ плодов просвещения из Стран Неестественной Ночи и тем самым прикрыли по-хозяйски дверь. В оставшуюся щель просачивался строжайший минимум. Информация о научных открытиях, товары и книги - особенно художественные – тщательно отбирались. Но передозировка все-таки наступила. Горе нашим барышням - кожа их роговеет, а души черствеют! Горе витязям - они уже стали бледными юношами! Взоры юнцов, зажженные тоской по идеалу, полны еще блеска. Но разве легче оттого, что они освинеют чуть позже своих подружек? Тех подружек, которых начали потихоньку презирать за потерю эстетичности. Ха!

Изнеженные юноши теряют не только головы, но и способность к воспроизводству. Они бегут в неведомые страны за прекрасными принцессами - теми самыми, что явились к нам призраками из романтических книжек вашего прошлого. Бегут, отказываясь служить Адриане - принцессе Вечности. Они догадываются, что недостойны Ее. И отворачиваются от своих подружек потому, что чувствуют, что будущее - враг их. Будущее предстанет в виде свиного рыла, которое окажется тем несносней, чем тоньше были их пальцы - пальцы музыкантов.

Король сжал кулаки. Годар невольно скользнул взглядом по этим маленьким, нежным рукам, отражающим по-юношески бессильную ярость. Заметив это, Кевин нервно разжал пальцы и положил на шахматную доску развернутую ладонь. Ладонь была грубой и темной, со множеством глубоких линий, в которых въелись тушь и древесная пыль. Это был лишь верхний, видимый слой. Рядом с доской, откуда упало несколько фигур, лежал рубанок и дощечка с завитками стружек.

- Причудливости и произволу может положить конец только единичный гармоничный акт. Лишь единичное становится в этой стране массовым – это последнее мое открытие, господа. Я долго комбинировал и буквально ворожил над составами войска и пришел к банальному выводу: лучшее общество - двое, мои витязи. Сын мой Годар, ты цельный и сильный, ты странствовал вне этого мира. Убей дракона и возьми мою дочь. Правь Мигом. Ты такой же, как Мартин, в которого я верю больше, чем в Бога. Ты поддержишь его там, где он не смог бы поддержать себя сам. Престол и руку принцессы получит тот из вас, кто нанесет врагу последний, смертельный удар. Думаю, вы одинаково отважны, и первенство в общей победе - дело случая. Борьба за первенство не разведет вас в разные стороны, как это случается с моими офицерами.

"Горе мне, какие надежды на меня возлагают! - думал растроганный Годар. - Я знаю, что нужно отказаться, но мой отказ убьет их. Я заигрался в доблестного рыцаря и связал их верой в себя. Горе мне и этой стране, и клянусь, я умру, если подведу их! Умру в тот же миг..."

- Я не подведу вас, Ваше Величество! - эти слова словно произнес за него кто-то другой - мудрый, сильный, надежный.

Этот огромный другой человек раздулся, как парус под напором трепетно-теплого веселого ветра, которым одарил его Мартин, широко улыбнувшись.

- В этом бледном юноше я не сомневаюсь! - король хлопнул Белого витязя по плечу, после чего пафос его сник. Кевин преобразился, став вдруг педантично серьезным. - Будь вы поэтами, что способны только разозлить дракона, я бы немедля применил силу, чтобы удержать вас от битвы. Некоторые юнцы, не испросив королевского благословения, а, главное, не оценив своих возможностей, отправляются на поиски дракона тайком. Похвальное стремление к добру в условиях Произвола возвращается к нам в виде мести рассвирепевшего чудовища. Если предчувствие не обманывает меня, цена за поражение таких богатырей, как Белый и Зеленый витязи – жизнь принцессы... Впрочем, я бываю мнителен. Я всего лишь жалкий старик. Войско мое не образумит витязей-поэтов. Если нынешние юноши не образумятся ко времени, когда отойдут в иной мир прочие старикашки, бразды правления перейдут к Ее Величеству Аномалии. А ведь в войско проходит цвет нашей молодежи! Остальные - неумны, да простит меня Бог. Или бесчестны, как господа, что побывали сегодня в соседнем кабинете.

Кевин пригорюнился. Аризонский же принялся деликатно уводить его от мыслей о собственной старости. Видимо, Кевин еще не решил, к какой возрастной группе себя отнести.

Достали потрепанную карту. По ней король показал Годару путь к Безымянному озеру, вблизи которого и обитал, как предполагали, таинственный дракон. В юности принц Кевин подошел к озеру с наспех сколоченным отрядом добровольцев. На пустынном берегу витязи обнаружили следы давнишних битв: копья, мечи, кости, человеческие и лошадиные черепа, тряпичную ветошь... Отряд простоял на поле сорок суток, но дракон не обнаружил себя и не вышел на битву. Когда же витязи попытались обойти озеро с тем, чтобы пробраться на противоположный берег - путь преградила огненная стена. Ничто не горело в этом диковинном огне: ни трава, ни кусты, ни одиночные деревья. Стена пожирала лишь людей, попытавшихся пройти ее насквозь. Еще тогда будущий король заподозрил, что дракон н трус. Он не может противостоять во плоти отряду. Дракон выходит на битву с одиночками, решил тогда Кевин, и повернул отряд назад. Он мог бы, конечно, вызвать чудовище на единоборство, но счел, что слепое безрассудство не к лицу последнему отпрыску королевского рода. Вернувшись в Скир, Кевин принял от отца корону и посвятил спасенную жизнь служению на благо отечества. Во все время своего правления он пресекал под разными предлогами попытки организовать новый поход

ополченцев. Регулярное королевское войско, по его сегодняшней мысли, - не более, чем школа гражданского мужества и становления. Победителей дракона пестуют не в казармах.

Королю доставляло удовольствие рассказывать о днях свей молодости, в том числе и о тех, что провел он с товарищами, пируя на привалах по пути из бесславного своего похода.

По ходу рассказа он цитировал Шекспира.

Вспомнив покойную супругу, король всплакнул и погрузился в мрачную задумчивость.

Из безмолвия его вывел слуга, внесший торжественно клетку, обмотанную черным шелком.

Шелк представлял собой широкую ленту вроде тех, что носили сотенные командиры - только этой ленте, казалось, не будет конца. Водрузив клетку на стол и удалив слугу, король принялся оживленно "разбинтовывать" прутья.

Лента, ниспав ему на колени и на пол отжившей плоской змеей, развязала

зыки волнистым попугайчикам числом не менее четырех десятков. Сжатые до того в тесные шеренги на двух жердочках, они бились теперь с гомоном о прутья. Годар услышал немыслимую комбинацию обрывков фраз:

- Он же фискал... - полезно для души... Какого черта... В конце концов... дракон не тронет принца, а всем нашрм дурам адское пламя полезно для души... Газеты, свежие газеты!.. Посмотри, Джон, у тебя шнурок развязался... Неужели Комиссия не отметит моего сына?.. Отмойте суэнское золото... оно шелк... Проклятый Сильвестр когда-нибудь да сдохнет... Господа, помолимся за счастье Суэнии... Блеск... Дочь Кевина... а не так уж!.. Дочь Кевина... а не так уж!..

- Как будто ты видел ее, дурак! - расхохотался король.

- Дурак... как только... сноб... - любезно откликнулись из клетки тремя голосами - женскими и мужским.

В этой веренице Годар узнал голос Стивена. Попугай сказал с присущими этому голосу циничными нотками в патетичной обертке: "В конце концов... дракон не тронет принца, а всем нашим дурам адское пламя полезно для души... Дочь Кевина... а не так уж!»

- Достоверные источники, - победоносно кивнул король на клетку и, вкрадчиво глянув Годару в глаза, ласково погладил его ленту, - самые преданные и беспристрастные информанты. Так называемая Почта Попугаев при Птичьем Дворе - мой скромный вклад в усовершенствование разведслужбы. Мы записываем это на пленку, а после распознаем голоса и выходим на их носителей; сопоставляя и учитывая высказывания, выявляем тем самым динамику общественного мнения. Кроме того, мы работаем с Персональными Источниками. Ну-ка, где моя Марьянушка?

В то время, как другие попугаи метались с гомоном по клетке подобно мальчишкам-газетчикам, одна птичка, желтенькая, понурая и худосочная, с недостающим пером в хвосте, все еще не покинула своей жердочки. Кевин не без труда выманил ее в крысоловку, которую вынул из кучи железок под столом. Общую клетку он накрыл подвернувшейся под руку мокрой тряпкой.

Дождавшись тишины, птичка взмолилась:

- ...Сотенный командир Годар - агент шута Нора! Не позвольте распутнику разрушить через свою агентуру оплот надежды на спасение Отечества – войско Вашего Величества. Государь, допросите попугая Норика - в сплетни, которые разносит этот пройдоха, вплетено и ваше доброе имя, а не то я подстрелю эту тварь собственными руками...

- Надеюсь... - Годар привстал от неловкости и возмущения. Краска стыда за других подступала так некстати. Король мог усмотреть в ней косвенное подтверждение вины.

Но Кевин зарделся и сам, ибо расслышал бой курантов. Забросав обе клетки тряпками, он вышел на середину комнаты и скованно пробормотал, уставившись в немытые ладони:

- Да... Это несерьезно... Не обращайте внимания, господа, я всего лишь хотел вас развлечь... Кажется, я опять опоздал к обеду, Адриана беспокоится... Иногда приходит в голову нелепая мысль - а не послать ли вместо себя Нора на семейную трапезу? Он прилично одет.

Тень задумчивости легла на постаревшее лицо. Короля не надо было знать, чтобы разглядеть за созерцательной позой потерянную нить мысли, белое многоточие, после которого могло последовать любое продолжение.

Властная, бешеная мысль Мартина расползлась по образовавшейся бреши жуткой кляксой.

- Но... Ваше Величество!.. - взгляд Аризонского говорил сам за себя.

Бегущие в панике львы, столкнувшись с твоим взглядом, впадают в оцепенение и пятятся на исходные позиции.

Словно напоровшись на суровую стену, король, вздрогнув, собрался с мыслями и вернулся в Кевина.

Он был недоволен тем, как его вернули.

- Я должен покинуть вас, господа! - сообщил это вернувшийся король сухим, официальным тоном, - Надеюсь, операция пройдет без осложнений. Офицерам королевского войска будет объявлено, что я поручил вам разведать обстановку на подступах к Зоне дракона. Для всех остальных задание не уточняется. Некоторое время мы сможем поддерживать стабильность в городе, не меняя нынешнего состава войска. Но только некоторое время: ведь для того, чтобы лопнул пузырь, не обязательно дуть на него, не так ли? Желаю удачи.

Когда Кевин оставил их, так и не подав руки, не обнажив взгляда, Годару почудилось, как Мартин неуверенно сказал:

- Тебе не кажется, что король заслуживает уважения хотя бы за то, что он - отец Адрианы?

- Да, - машинально согласился Годар.

Взгляд его на понурую желтую птичку в крысоловке с наброшенной поверх тряпкой.

- Значит, ты согласен с решением короля? - спросил Мартин с затаенным восторгом.

- Конечно. Я же тебе говорил: все вы можете положиться на меня.

- Пошли же скорее ко мне - обсудим детали!

Проходя через официальный кабинет короля, Годар задержался возле лимонного дерева, где возился с лейкой и лопаткой шут Нор - уже без мантии и короны, по-домашнему расслабленный, будничный. Сизый попугайчик на его плече, расправив крылья, галантно отставил лапку с крошечным агатовым перстнем.

- Благодарю вас, - смущенно сказал Годар, протянув Нору руку. Он, собственно, не знал толком, за что благодарит шута.

- А, это вы, - Нор, не заметив его жеста, сердечно взглянул на него взглядом старого, умудренного друга. Печаль плескалась в этих глазах, как могучее бездонное море, щадящее свои берега. - Не отворачивайтесь от Мартина, будьте великодушны с ним, - попросил он далеким изменившимся голосом, идущим словно через толщу вод и не нарушающим при этом глади.

- Почему я должен от него отвернуться?

- Не отворачивайтесь, даже если он принесет вас в жертву.

- Не понимаю, о чем речь, - возразил Годар нетерпеливо, сухо.

Он поспешно догнал Аризонского.

Тот, не заметив его отсутствия, размышлял вслух:

- Я ведь вот что подумал: не много ли я взвалил на твои плечи? Может, ты хотел бы вернуться домой? Это сложно, но я, если надо, устрою. Иностранцы присягают на особых условиях. Этот пункт в Уставе лишен ясности, думаю, можно найти зацепку и расторгнуть обязательства. Тем более, что ты - первый иностранец на воинской службе. Я втянул тебя в опасную историю, сознаешь ли ты это?..

Вконец ошалевший Годар, слушая все это, усмехнулся в мыслях.

Он-то знал, где его дом.

Часть вторая

Зона Дракона

Глава первая

Кресло считалось шедевром старинного гарнитура. Мстительно забравшись в него с ногами, Дон Жуан апатично глядел в висящий напротив натюрморт.

Крикливая ваза на плоском квадрате с четырьмя ножками, медвежья шкура, бахрома на сползшем на пол покрывале соседнего кресла и множество прочих мелочей, поделивших пространство комнаты, лезли, подобно тараканам, в его боковое зрение.

Донна Анна все не показывалась. Чувство к ней убывало по мере того, как натюрморт на стене становился реалистичней. Значит, пришло время менять возлюбленную. Или... В который уж раз вставала перед Дон Жуаном мучительная дилемма: менять ли одну возлюбленную на другую или возвести прежнюю, все еще любимую, в степень обожаемой?

Для того же, чтобы возвести возлюбленную в степень обожаемой, надо поставить самих себя в условия смертельной опасности, когда борьба и сладостно-счастливое напряжение вдвоем, будоража кровь, связывает жизнь тончайшими, глубокими узами. Только тогда и узнаешь цену жизни, считал он, когда не ставишь ее ни в грош.

Это был чудовищный план. Девять раз вел он свою даму по самому острию над бездной. Две женщины оставили его в начале пути и вернулись в громоздкую виллу с натюрмортом. Четверо, сделав пару заходов, отказались от следующего. А три последние, войдя во вкус, обогнали и тоже оставили его, уйдя далеко вперед. Веками поэты и читатели, симпатизируя ему, все-таки осуждали - хоть частицей сердца - за ветреность и непостоянство. А ведь он умел быть верным до гроба. Просто возлюбленные оставляли его то по эту, то по другую сторону, так и не вкусив до конца нежности. А что касается ветра - в развороченной душе Дон Жуана ветра было достаточно.

Расставшись с креслом, Дон Жуан замедленно приоткрыл дверь в спальню. Донна Анна уже сидела на заправленной постели, завернувшись после душа в махровое полотенце. Она тревожно-вопросительно посмотрела в лицо мужа, надеясь поймать его блуждающий взгляд.

- Видишь ли, Анна, - сказал Дон Жуан торжественно и тихо, - я - альпинист. Ты знала это заранее. Я должен идти в горы.

- Так скоро... - протянула Анна упавшим голосом.

- Да. Но ты пойдешь со мной.

Донна Анна продолжала скрупулезно выуживать взгляд мужа, но к выражению ее лица пристала неопределенная улыбка, которой она попыталась испытать Жуана на серьезность.

- Но ведь я не скалолазка. А если я разобьюсь?

Вопрос заставил Дон Жуана съежиться (внутренне, разумеется). Но он совладал с собой и заявил громче:

- Я буду страховать тебя. Ты же знаешь, что все мои восхождения завершались удачно.

- Так же, как и похождения?

- Анна, ты пойдешь со мной в горы?

Донна Анна была достаточно умна для того, чтобы не тратить время на раздумья.

- Мы пойдем на трехпиковую гору?

- Нет, я уже когда-то бывал там, а штурмовать одно и то же скучно. Думаю, двух часов на сборы нам хватит. Я уже почти приготовил все необходимое.

- Как, так скоро?

- Да, моя дорогая.

Дон Жуан быстро вышел. Он боялся, что промедление поколеблет его решимость, и тогда придется идти в кабак и, залив горечь потери, вновь бродить по свету в поисках новизны, способной утомить его всего за медовый месяц, равный свежести натюрморта.

Вскоре они уже стояли у подножия скалы, скорее широкой, чем высокой, похожей на одинокого сурового серого слона с единственным бивнем. Кончик бивня и был той вершиной, которую предполагалось одолеть.

Дон Жуан незаметно глянул искоса на любознательные черные глаза, резко выступающие на мраморно-белом лице, еще сохранившем следы затянувшегося отдыха. Он подумал, что мог бы еще некоторое время любить ее здесь, внизу, не взваливая на ее хрупкие плечи своего горного неба - капризного, своевольного.

Настроив незаметно фотоаппарат, он сделал неожиданный снимок. Хотел запечатлеть двойственный взгляд: любознательный снаружи, а внутри, под радужной оболочкой, такая укоризна и тревога, что Боже мой, как не умереть уже сейчас, не простив себе преступного счастья, за которым крадется беда! Или же, как не посмеяться, рассматривая фото постфактум с любимой, в случае удачи, рассчитывать на которую было безумно?

Донна Анна была самой прекрасной женщиной из всех, кого он знал, а скала, на которую требовалось совершить восхождение, считалась одной из самых опасных в округе. Путь сулил немало неожиданностей.

Супруги обвязались веревкой и пошли по пологому на первых порах склону.

Начало дня сложилось пасмурно. Но уже через час небо залила почти слитая с голубизной позолота невидимого прохладного солнца. Это приободрило женщину. Волнистые волосы стали похожи на поверхность моря с ярко-рыжим отливом. Оставляя изжелта-бурый цвет, несся минеральный родник. Донна Анна подставила под искрящуюся струю сложенные лодочкой ладони и стремительно поднесла к губам.

Дон Жуан сделал еще один неожиданный снимок. Анна, заметив, повернулась к нему, потянулась всем телом, прощающе улыбаясь. Жуан щелкнул еще раз. Он почувствовал, что это очень удачный снимок, который будет долго вдохновлять их на вилле в случае удачи: так он продлевал жизнь внизу, чтобы не идти в горы сразу же после спуска.

- Жуан, у меня кружится голова, внизу так мелко!

Анна жгла ему взглядом спину, а он, поминутно оглядываясь, импровизировал, поглаживая веревку:

- Не надо смотреть вниз. Смотри на вершину. Мы связаны одной веревкой – ты и я. Хочешь - пройди вперед. Ты можешь взойти на вершину первой. Ты можешь пойти выше вершины - одна, по воздуху, бросив меня на высшей точке опоры. Я не очень обижусь. Не оглядываться назад - это главное. Когда-нибудь, возможно, ты будешь вести меня по склонам, а я найду долгожданное счастье в вечной погоне за тобой. Но теперь... Теперь ты должна следовать строго по моим следам.

Из-под ботинка Дон Жуана откололся плоский острый камешек. Скользнув по ноге Донны Анны, он причинил ей боль даже сквозь брезентовые брюки.

- Ах, Жуан, мне нужен лист подорожника!

Он улыбнулся этим забавным трогательным словам, и Анна, прочитав его мысли, рассмеялась.

Дон Жуан пришел в восторг от того взаимопонимания, которое еще только налаживалось между ними. Спустившись к жене, он нежно прильнул щекой к ноге в свободных брюках. Никогда не любил он горы и женщин так сильно.

Тропа, которую они прокладывали, неумолимо набирала крутизну и скоро встала на одном участке стеной. Оставшуюся часть дня они молча отвоевывали сантиметры у отвеса в тридцать метров. Но Дон Жуан хорошо знал, что усталость, капризы, слезы - впереди. Ведь это был только первый день восхождения.

Багряные вершины соседних гор напомнили о закате.

- Не ты ли создал эти горы, извергая кровь из сердец своих возлюбленных? - ввернула между прочих шуток Донна Анна.

Они уже организовали ночлег на уступе и лежали рядом, плечом к плечу, снова счастливые, притихшие...

- Горы не так уж насыщены красным, - сказал серьезно Дон Жуан. - Посмотри, как порозовели склоны. Розовый цвет - цвет здоровой инфантильности. Им пропитаны и облака, параллельно которым слепо бежит наш слон. Не пройдет и недели, как мы оседлаем его бивень.

Решимость их скрепил долгий поцелуй.

Плыли по небу в соитии, находя опору только друг в друге, забывшиеся надменные коршуны.

А потом между лежащими на уступе людьми встрял сон. Густой и въедливый, он распался на две неравные части и покрыл их, двуликий, каждого по-своему.

Дон Жуан шел в самое небо по упругому воздуху и вел за собой на веревке Донну Анну. Он высматривал в вышине зоркие глаза Марии из Магдалы.

А Анне снилась вилла. Широкая двуспальная кровать с верблюжьим одеялом и подушкой из лебяжьего пуха. В подушке утопал большой черный камень с розоватым отливом. "Откуда здесь камень? - подумала она. Его нужно столкнуть с кровати".

Анна налегла на него, но не смогла сдвинуть с места.

Тогда она перевалилась через камень и слетела, как перышко, на пол, который был наяву бездной...

Анна не вскрикнула, будто нарочно, чтобы не прервать последнего восхождения мужа, который даже не почувствовал перекатившегося через него тела.

Веревка, которой они были связаны днем, подпирала, свернувшись змеей, его невероятно тяжелую голову.

Дон Жуан шел.

Донна Анна летела...

...Огненные стены мчались вверх. Горящие балки неслись, оставляя за собой клубы дыма, в метре над его телом. Он падал спиной - непоправимо, насовсем. " - Нет! Нет! Нет!" - заколотил он криком в стены. Вспыхнуло перед лицом дикое, сумасшедшее солнце. Он упал на него грудью - упал вдруг ввысь, перевернулся на спину, рванулся и... открыл глаза.

Он лежал под открытым небом, на плаще. Колосья пшеницы обступали его, как истуканы, за упавшими стояками палатки-тента, с которых была сдернута ткань, и столб неусыпного солнца стоял на макушке. Все в природе из-за отсутствия ветра было обездвиженно. Стрекот кузнечиков делал воздух кричащим, воспаленным. Рука нашарила шляпу и накрыла ею голову машинально.

Сердце тоже успокоилось само собой. В последнюю очередь стройность приобрели мысли. Годар осознал, что сидит, широко раскинув ноги, среди пшеничного поля и пробует отдышаться.

Навязчивый сон этот приходил к нему нечасто, но Годар стыдился его. Он не любил своего маленького Дон Жуана, который с завидным постоянством плел ему в уши оду и ту же историю, не опуская удручающих подробностей и мужественно отклоняя попытки сновидца затушевать истинные мотивы поступков. Дон Жуан прямодушно сообщал, предлагая с хитроумной усмешкой запротоколировать его слова и возбудить уголовное дело, что в горы он шел не ради гор и даже не ради женщин. Что вершины манили его не вершинами. Что он хотел всего лишь забыться красивым сном. Можно увидеть яркую жизнь на дне рюмки, а можно - в глазах любимой, когда ведешь ее по краю пропасти. В конце концов, насильно он никого в горы не тащил. Что поделаешь, если только там мы - люди... "- Люди?! - ужасался Годар. Да ты же там преступник!"... "- Зато романтичный, - ухмылялся Дон Жуан. – Разве плохо, что коршуны спариваются в воздухе? Ты только представь - опора лишь только друг в друге".

Иногда Годар задумывался, и сон благополучно завершался сценой супружеского счастья коршунов.

Но чаще Донна Анна погибала.

История восхождения Дон Жуана и Донны Анны имела два варианта концовки. Второй - злополучный - вызывал у него, однако, несмотря на неприязнь к личности скалолаза, чувство протеста. "- Сам-то ты!.." - бросил однажды Дон Жуан, отвечая на чересчур назойливые упреки.

Да. Сам-то Годар не знал, куда поведет принцессу Адриану, стань он принцем.

Разве что - туда же.

Суэнское королевство, стань он его правителем, вывернется, изловчится, - на то оно и государство, чего не скажешь о бесхитростной принцессе.

Годар желал отказаться от руки принцессы даже сильнее, чем от короны.

Вдруг и то, и другое в самом деле выпадет ему, не имеющему никакой цели?

Все цели его жизни были попутными, без залетов в перспективу.

Лицо Донны Анны, к примеру, было всегда одним и тем же: неблизким, ничьим. Годар никогда не видел и не стремился увидеть его наяву - как-никак, это была не его Прекрасная Дама. Но в облике литературной героини смутно чувствовался образ другой женщины - одной из покинутых им. А еще в чертах Донны Анны виделся образ его нового увлечения, и это отравляло надежду заранее. А снился сей сон Годару как раз в разгар очередной влюбленности. Или накануне. Как сейчас.

В нынешнем сне Дон Жуан прильнул щекой к ноге мужественной Донны Анны, а Годар увидел на мгновенье Лану и, одновременно, со спины, Адриану - девочку из белого дыма, бредущую стороной в свое привычное далеко.

Порой он, додумывая сон, представлял Дон Жуана в затерянной в горах общине монахов-отшельников. Сидя плечом к плечу со своими созерцательными товарищами вокруг мистического костра, Дон Жуан наслаждался процессом вызревания мудрости. Отблески скупого пламени освещали родные лица, тепло равномерно циркулировало от плеча к плечу... И вдруг мистический костер тух, задутый нежданным ветром. Ну, кто там пошел за спичками, ведь только теперь и стало по-настоящему светло?!

Неуемный скалолаз представал в новой роли настолько прозаично-неприглядным, что Годар начинал злиться на себя за то, что совсем уж опустил своего героя. Конечно же, найдись на белом свете хоть одна мало-мальски достойная конечная цель, тот бы полез ее ради на какую угодно вершину - со всей страстностью азартной натуры, еще не познавшей собственной глубины. Но как найти свое поприще, если нет-нет, да и всплывет заковыристый вопрос: "Люди собираются для того, чтобы дело делать или делают дело для того, чтобы собираться?"

Вернулся Мартин с полными флягами - выбритый, застегнутый на все пуговицы, при сабле. Косой росчерк шелковой ленты на его кителе навеял воспоминание о слепых летних дождях, после которых каждая травинка делается сочной, пахнет, как в детстве, и думать обо всех хочется только по-доброму.

Годару представилось, что он больше не ругает незадачливого Дон Жуана и даже прикрывает его спиной от осуждающих взглядов посторонних...

Мартин привнес воспоминания об отчем доме и защитил тем самым Суэнское солнце от упреков непривычного иностранца.

- С добрым утром!.. Что-то мне не спалось на свежем воздухе. От нечего делать приготовил завтрак и набрел на озерце - всего в двухстах метрах отсюда. Представляешь, а мы его и не заметили. Наверное, вчера мы уснули еще на конях, надо было устроить ночлег пораньше. И знаешь, вода в озерце - как родниковая. Я даже искупался. А фляги наполнил из ручья поодаль. Я,

наверное, тебя разбудил? Прислони флягу к какому-нибудь обнаженному месту - станет прохладней. Только не ко лбу - застудишь голову.

- Я лучше искупаюсь.

- Ага. Озеро возле коней - я привязал их на берегу. Они обязаны уменьшить его, как минимум, вдвое.

- А палатку ты снял, чтобы мне стало теплее?

- Ну, что ты, я стараюсь ничем не обеспокоить своего спутника. Мне показалось, что ты даже с боку на бок не перевернулся, когда я предусматривал твое пробуждение.

Второй день пути начинался, как и первый, с фиксированного распределения сил, когда Мартин, взвалив на своего коня мешок с общим провиантом и упакованную двухместную палатку, дал тем самым понять, что возьмет на себя, как человек, приспособленный к пеклу, большую часть нагрузки.

Годар задумал, что опротестует это решение чуть позже, когда докажет, что и он - человек бывалый. Пока же он довольствовался тем, что выдерживает скорость передвижения, которую тот задал.

Вопреки закону, они покинули Скир хоть и ближе к утру, но в ночь, то есть тогда, когда ставни любопытных обывателей были плотно сомкнуты, и сделали за весь день только два коротких привала, чтобы напиться и пожевать сухофруктов. Серые кони - степняки, выведенные специально для верховой езды по Стране Полуденного Солнца, стоически переносили и медленный шаг, и отчаянный галоп. Поить их следовало нечасто и не не обильно, для чего вполне хватало привального времени у придорожных водоемов.

Сменив киверы на широкополые форменные шляпы и надев плащ-накидки, пристегнув к седлам щит, меч и копье, витязи королевского войска были полностью экипированы для действий в полевых условиях. Верховный Главнокомандующий уполномочил офицеров через советника по военным вопросам "быть в форме" до последнего вздоха врага. В форме - как в фигуральном, так и в буквальном смысле. И витязи, следуя негласному приказу, дивили работающих в поле крестьян, а также горожан в каретах, что изредка встречались на проселочной дороге. Дабы обмундирование отвечало стилизации под старинные образцы, вместо практичных плащ-палаток в амуницию вошла... двухместная тентообразная палатка. Синие же - под мундир - плащи, старший и младший советники по военному делу рекомендовали использовать исключительно в качестве накидок.

К полудню они отклонились от следов колес. Мартин вычислил по карте, что по бездорожью путь короче. Кроме того, на безлюдье их некому будет принимать за ряженых. Аризонский выразил надежду, что волки-одиночки, рыскающие вдали от населенных пунктов, сохранят почтительное расстояние от ратников королевского войска.

Если первую ночь они провели в деревне, то нынешний ночлег организовали прямо в степи, раскинув палатку посреди пшеничного поля, расположенного в окрестностях одного из поместий. Волки не решались заходить в посевы, где вечно были живы запахи псов, охранявших днем покой работников.

Перед тем, как уснуть, витязи прослушали часть радионовостей из Скира: приняли к сведению информацию о том, что не далее, как сегодня, королевские ратники расселись по коням и приступят со дня на день к охране объектов и - выключили транзистор.

Миниатюрный вентилятор на солнечных батарейках добросовестно, производительно гонял воздух в палатке и Годар уснул, что называется, без задних ног.

Прилегающие к Зоне Дракона восточные степи славились худосочием и в целом более других напоминали европейские. Здесь не было лесонасаждений и садоводческих хозяйств. Растительность была неброской, хотя солнце на всем протяжении края оставалось одинаково въедливым. Надо было еще привыкнуть к тому, что Край Вечного Полдня одновременно степной и озерный. Огибая холм по запекшейся коркой земле, в трещинах которой могли уцелеть лишь скирские муравьи-мутанты, рассеянный путник неожиданно оказывался по пояс в воде.

Ручьи, речушки, мелкие озерца спасали край от вырождения в пустыню. Этому активно способствовали системы орошения. Под всеми угодьями имелись целые царства подземных коммуникаций. Мелиорация в Суэнии почиталась на уровне высокого искусства. Мартин, будучи инженером-мелиоратором, указывал чуть ли не по наитию, как казалось очарованному Годару, места, откуда можно было извлечь воду даже в самых засушливых уголках восточной степи.

Университет Скира имел только два факультета: медицинский и инженерный. Всем остальным дисциплинам учили там же, в микродозах. На сегодняшний день общее высшее образование в Суэнии представляло собой хаос вытяжек из мировой науки и культуры. Зато

природа, если пообвыкнуть, была наглядной гармонией. На ее лоне сбывались, удесятерялись радости и усиливались печали. Тайное здесь становилось явным. Скир показался отсюда Годару песчаным городом. Сам же себе Белый витязь представился самонадеянным, безответственным подростком. Но не опечалился, ибо почти постоянно пребывал в эйфории.

"Еще ничего не началось..." - это ощущение неотступно преследовало его с ранней юности; однажды он возвел гнетущее ожидание жизни в принцип – и эмоция сменилась на противоположную: хорошо, что еще ничего не началось.

Значит, он сумел устраниться от суетной гонки за наживой и не напакостил миру.

Это давало ощущение чистой совести и постоянную тоску по делу, к которому можно приложить своеобразные мысли и сильные чувства – последние истощались, распространяясь в пустой свободе лабиринта. Силы томили, жгли его изнутри, изливаясь в противоречивые сны. Короткие, поверхностные, смурные приключения приносили вместо радости удовлетворение от того, что путь к цели, которой нет, несколько продлился.

Пшеничное поле в стороне, куда указал Мартин, плавно перешло в низину, замкнутую далеким холмистым кряжем. Почти утонувшие в бурьяне кони, казалось, тянули за собой в упряжке аккуратное круглое озерце. Посреди озерца лежал песчаный остров диаметром десять в метром. Миниатюрный розоватый утес, похожий на бивень слона, казалось, силился вырасти на глазах Годара.

- Мартин! - крикнул Годар в страхе. Он узнал в утесе вершину из вчерашнего сна.

Зеленый витязь подбежал с флягами, позабыв, вероятно, выпустить их впопыхах из рук.

Когда Годар скупо пояснил, что видел во сне точно такую же вершину, Аризонский нашел разумное объяснение:

- Вечером мы, выбирая место для ночлега, проезжали эту местность. Ты был рассеян из-за усталости и многого не заметил. Но зрительная память механически фиксирует все, вот тебе и приснились кое-какие детали.

- Но я видел этот сон много раз. Видел еще до приезда в Суэнию.

- Раньше ты видел немного другое, а теперь невольно отождествил прежние сновидения с нынешним. Зря я снял палатку. Хотел сделать твое пробуждение радостным, а сделал его кошмарным. Надо бы нам не расставаться с головными уборами. Когда искупаешься - позавтракаем. Я открою консервы.

- Не хочется мне лезть в это озеро.

- Тогда - двинемся, а завтрак организуем чуть позже. Всадникам привычней отдыхать на конях.

Слова Мартина, его ненавязчивая заботливость вернули Годару душевное равновесие. Но теперь он, не теряя воодушевленного спокойствия, буднично констатировал про себя, что ослепительный сон про суэнского дракона и рыцаря Годара, отправившегося на битву с чудовищем, оказался былью, - такой же осязаемой, как пик вершины из его снов, что материализовался отныне в суэнской степи.

Снарядив коней и закрепив шляпы при помощи завязок, они прошли верхом полукилометровую каменистую возвышенность, вышли на равнину и пустились вскачь. Вообще-то это было лишним - пускать без надобности в галоп лошадей с поклажей, даже если это кони-степняки. Но можно же иногда устроить себе ветер, когда его так не хватает. Хотя, по большому счету, дело было вовсе не в погоде. Просто чуткий степняк Мартина сам настроился на ритм сердца хозяина, ритм, который тот сдерживал из необходимости сохранить себя "в форме" до исполнения задания. И Мартин понял и послушался своего коня.

С гиком кинулся следом Годар, нагнав его. Годар и на коне старался держаться рядом с Мартином. В незнакомых необозримых просторах, залитых важным, напыщенным светом, друг как бы отбрасывал прозрачную прохладную тень. При лучистой этой тени Годар чувствовал себя, как дома. Не тьмы страшился он и не света. В сущности, свет в суэнской степи был только рядом с Мартином - все остальное обнимал зной.

Далекий кряж из темно-лиловых холмов длился бесконечной параллельной линией.

Растревоженный встречный воздух сбил шляпу Зеленого витязя за голову; синий плащ взвился. На темно-лиловом фоне кряжа светлые его волосы казались неутомимыми, равномерно колышущимися лучами солнца. Отрезки, из которых складывалось это могучее колыхание, казалось, имели конец, но не знали начала и, возобновляясь вновь и вновь, давали забвение конца.

Отстав на два метра, Годар частично выпал из необходимого ему излучения. Он слышал четкий, полнозвучный топот впереди, внутри которого рос, подобно грозовой туче, другой ритм -

не столь ясный, но такой же проникновенный, трепетно-тревожный; тут же назревала следующая звуковая волна - в ней проглядывались капли обжигающей росы... Чуя всем сердцем нераскрытые эти волны и пропуская их сквозь себя, Годар невольно посылал импульсы собственному коню, а тот принимался импровизировать на тему, заданную степняком Мартина.

Одиночные цельные аккорды темы, из которых слагалось полнозвучие, оставляющее в воздухе след свежести, распадались в этой импровизации на множество звуков-тонов, полутонов. Каждый аккорд, живущий до того только внутренним светом, раскрывался и начинал светить наружу, во все концы - свечением то пульсирующим, то ровным, но неизменно благородным, проникновенным. Правда, теперь звуки располагались нестройно. Будучи сами по себе сгустками энергии, они не выстраивали солнечного луча... Многие, теряясь, погибали. Зато звуки меняли направление: могли плыть, опускаясь и поднимаясь по воздуху туда, куда нельзя было попасть прямым лучом. Чем-то это напоминало полет парашютов одуванчиков. Ими, как звездами, было уже усеяно все небо. И почему-то становилось тревожно.

В тревоге Годар огрел плетью коня, чтобы поравняться с Мартином, но просчитался и вырвался вперед. Оглянувшись, он добродушно улыбнулся и увидел ответную доверчивую улыбку. Некоторое время он мчался впереди, лбом на кряж, который, заворачивая дугой, образовывал еще одну темно-лиловую линию, несущуюся навстречу, в глаза. Хоть бы один солнечный блик сделал ее прерывистой! Здесь, впереди, было тоскливо одному. Годару подумалось, что и Мартину, должно быть, нелегко одному. Ему захотелось, чтобы тот нагнал его. Можно было притормозить самому, но Годар, еще раз оглянувшись, пригласил Зеленого витязя к состязанию - указал на бугор в пятистах метрах. Аризонский кивнул в знак согласия.

Темно-лиловая цепь холмов стала чертой, к которой несся Годар, позабыв про бугор. На мгновение ему пригрезилось, что он - Мартин... В руке словно материализовалась рукоять меча. Он разрубит цепь, а солнечный ураган, движимый силой безукоризненно-точной мысли, разметет ее остатки. Тело живого врага, застывшего на берегу Безымянного озера, станет единственной подлинной преградой, дающей отраду бойцу...

Мгновение сменилось. Конь Мартина шел вместе с его конем бок о бок. Годар понемногу учился постигать меру точности. То пришпоривая коня, то, как ему казалось, незаметно притормаживая, он вырывался вперед, а потом вдруг оказывался позади, предоставив Мартину черед для реванша. И вдруг заметил, что тот поступает с ним так же... К финишному бугру они, подзадоривая и подтягивая друг друга, прибыли вровень.

За завтраком Мартин, расстегнув ворот кителя, чего раньше с ним никогда не случалось, сокрушенно обронил:

- Ох, Годар, не знаю, достоин ли я драться за жизнь Адрианы.

Оба были оживлены и растроганы великодушием, которое так красиво раскрыли друг в друге.

Годару страстно захотелось сказать, что он с радостью уступает такому золотому товарищу руку принцессы, что идет на битву с драконом просто так, за компанию; захотелось рассказать о своих слабостях, поведать сон про недостойного Дон Жуана. Однако, он вовремя спохватился. Дать понять витязю, что ему уступают руку принцессы, обещанную в награду за воинскую доблесть -значит, косвенно усомниться в его доблести. Да и поймет ли Зеленый витязь это бесцельное "просто так", не отвернется ли от него?

Вспомнилось, как просил их о победе король, какие надежды возлагал на заезжего витязя... Нет, он объяснится с Мартином потом, когда докажет доблесть и бескорыстие на деле.

- А какие у нас шансы? - спросил он сдержанно.- Интересно, какими были наши предшественники - витязи, что пробирались к Безымянному озеру до нас?

- Никто не знает, сколько их было. Многие уходят, никого не поставив в известность. Те же, кого благословляет король, тоже становятся безымянными: не вернувшиеся недостойны памяти. Но список имен есть - тайный список в материалах Секретного военного архива. Данные погибших воинов изучает спецкомиссия. Это ничего не дает. Но при дворе поговаривают, будто подмечена одна закономерность: каждый очередной витязь, прошедший регистрацию, в чем-то слабее предыдущего. Думаю, это - верный вывод. Когда королевство хиреет, все мы слабеем вместе с ним. Так что могу тебя обрадовать - шансов у нас с тобой меньше, чем у остальных. Ответственность же больше, чем на всех предшественниках, взятых вместе. Если мы не сразим дракона, он уничтожит принцессу. Может, такая ответственность к лучшему. А еще меня обнадеживает, что ты, Годар, хороший товарищ и очень независим...

- Да что ты!..

- Да-да, ты очень отстранен от оценки окружающими своих поступков и можешь подготавливать их без оглядки - здраво и рассудительно. Я хотел бы быть похожим на тебя. - Лента Зеленого витязя, выбившись из-под поврежденного погона, сползла с плеча, но он не торопился заняться починкой мундира - сидел, откинувшись на утонувшие по локоть в бурьяне руки и смотрел во все глаза на привставшего Годара. - Это то, что я хотел сказать тебе сегодня.

Годар с трудом перевел дыхание.

- Знаешь, - сказал он дрогнувшим голосом, - я тебя не подведу.

- Знаю. Подай, пожалуйста, мешок с продуктами.

- Ну, уж нет. Моя очередь тащить поклажу. В конце концов, не я везу, а конь.

На следующий день Мартин, хмурясь от неловкости, спросил у него, что тот думает об убеждении короля в том, будто беды Суэнии начались еще с той неопределенной поры, когда человек перестал довольствоваться природными инстинктами.

- Мне кажется, король имел в виду пагубное влияние цивилизации. В Европе это уже проходили, - ответил Годар снисходительно. Я истолковал его слова так. Не знаю, правильно ли, - добавил он, спохватившись.

Мартин, подумав, неуверенно сказал:

- А я думаю, что человек давно перестал быть животным и судить о нем по прошедшему этапу эволюции - неправомерно, - чувствовалось, что неуверен он был не в правильности своих умозаключений или необходимости искренности, а в возможности собеседника понять. - Мало того, обычный человек, обыватель - это тоже прошлое. Человек должен стать Человеком с большой буквы. Условие, необходимое для этого - чистая совесть.

Старо, как мир. Годар, пришедший из Европы конца XX века, был знаком из истории с попытками человека стать Богочеловеком, Сверхчеловеком, Человеком, Ничем (или Всем), растворившись в природе, нирване, пьяном угаре, ницшеанстве, коммунизме, странничестве... В Суэнии, которая догоняла их прошлое, появление доморощенного мыслителя в духе Канта, Ницше и М. Горького вполне укладывалось в мировую тенденцию. Мартиново "Человек - это звучит гордо" старо, как мир. Афоризм-сентенция. Душа Мартина глубже его отвлеченной мысли.

И вдруг эта душа бесстрашно, беззащитно распахнувшись, вложила ему ту же самую мысль прямо в сердце:

- Я не смогу жить с нечистой совестью. Ты знаешь, даже если я уничтожу врага, который хотел растерзать меня или моих близких, - я не смогу после этого жить, не смогу простить себе убийства. Даже если это будет дракон.

Мартин был бледен и напряженно ждал его реакции.

- Не беда. Я убью его вместо тебя, - попробовал пошутить Годар.

Лучше бы он этого не говорил! Лицо Мартина стало почти одного цвета с его лентой.

Годар никогда не видел друга в таком гневе.

- Ты все неправильно понял! Ты утрируешь мои мысли!

- Я просто шучу. Будучи порядочным господином, ты не можешь с чистой совестью убить человека - так ведь? Но ведь дракон - не человек.

- Не уговаривай меня, как ребенка! Разумеется, я убью его, если смогу. Слово "дракон" я употребил фигурально.

- Вот не хотел тебя обидеть, Мартин...

- Ладно. Извини. Я погорячился, - отрывисто заключил Аризонский.

Трудно представить, как не хотел в ту минуту Годар обидеть Зеленого витязя! Он видел перед собой другого Мартина - не того, что мог невольно сбить с толку ветром взыскательной мысли. Этот другой Мартин выложил ему на ладонь такое неприкрытое сердце, что захотелось немедленно, сию же секунду, подуть на него, чтобы спасти от горячки полуденной степи, а оно чуть было не покрылось от его порыва ледком и не умерло. Бережно затаив дыхание, Годар во весь день неловко шутил на разные невинные темы, показывая всем видом, что умеет балагурить невпопад, а сам незаметно следил за выражением лица друга, взвешивал каждую его реплику. Не замкнулся ли Мартин, лишив его благодати искренности?..

Но Мартин не только не замкнулся, - он делился с Годаром каждым движением души. Благодарно, растроганно разглядывая движения крыльев этой удивительной птицы - души Зеленого витязя - Годар и сам не заметил, как поместил ее в свою грудь, и теперь чутко, блаженно прислушивался к порывам собственного сердца, как будущая мать прислушивается к шевелению плода.

Только об одном молил Бога Годар: хоть бы не вспугнула эту солнечную птицу темнота его сердца, хоть бы не познала она ее глубины.

Годар слушал, как пил... Мартин говорил, как дышал.

Что не мешало им иногда спорить.

В диспутах, которые они устраивали, Годар старался облечь аргументы в самые мягкие, обтекаемые формулировки, а если назревал крупный спор, затушевывал свое мнение. Он слышал в своем сердце каждое движение души друга, связанное с тем или иным убеждением, и... не мог бороться с сердцем. Контраргументы высыхали на губах, как молоко.

Следуя за мыслью Мартина, Годар делал иногда умозаключения, с которыми не делился.

Особенно это касалось некоторых сторон жизни Суэнского королевства.

На четвертый день, во время очередного привала, Мартин сказал, что считает ороговение женской кожи защитной реакцией, вызванной засевшим в крови страхом перед драконом и... неистребимым человеческим достоинством! Лучше обезобразить себя, чем отдаться чудовищу. Вина за мутацию лежит на мужчинах - они не сумели защитить своих дам и справедливо теряют их уважение.

- Мне кажется, каждый суэнец объясняет непонятное в меру своего остроумия, - мягко заметил Годар, - это результат разобщенности с другими странами Земли. Почему бы не обратиться за помощью, ведь там уже найдены ответы на многие вопросы?

- А живого дракона они видели?

- Не думаю.

- Я - видел.

Годар пришел к выводу, что суэнцы пренебрегают историей как наукой. Они не запомнили своего прошлого потому, что не захотели запомнить. Придавая значение лишь символическому смыслу преданий, образованные скиряне гордятся своей Родиной в противопоставлении ее неизвестного, но, без сомнения, созидательного прошлого скудости настоящего.

- Какое нам дело до того, кем была супруга графа Ника Аризонского – феей или степной кочевницей, - продолжил Мартин, словно отвечая на его размышления, - то, что мы сейчас с тобой делаем - говорит о прошлом само за себя. Давлас, сбежавший предводитель скирских недорослей – народилось среди нашей молодежи такое пузырящееся облачко - искал помощи на стороне. И стал предателем.

- Ты рассуждаешь, как состарившийся король.- воскликнул Годар. - А я-то думал, что это Стивен и Ко - предатели. Раз не нарушили закона открыто, раз прикрыли зубы деляг масками радетелей за Отечество - значит, воцарились в общественном мнении как добропорядочные граждане?!

- Я тебе скажу больше - они мерзавцы. Дельцы, помимо всего прочего, ищут доступ к контрабанде, а она водится на дороге из страны. Но попутно они способны сделать для Суэнии кое-что полезное. Например, сдвинуть с мертвой точки строительство, накопить, работая на себя, знания, необходимые государственным деятелям.

- Чтобы свинячить стране уже с высоких государственных постов?

- Из их дел можно выудить хоть какую-то пользу, тогда как митрофанушки исключительно мечтают.

- Им, и только им суждено вывести государство из кризиса! И тебе, конечно, вместе с ними.

- Пока что они додумались до бегства. А я не с ними.

- С кем же ты, неужели со Стивеном?

- В том то и дело, Годар, что я ни с кем.

Очередная откровенность вырвалась из уст Зеленого витязя, как вздох.

И один и тот же вопрос кольнул обоих: "Почему?.."

Невысказанный, он прожужжал, как шмель, оставив в воздухе колючий, сухой след.

Склонившись над высохшим кустом, Мартин машинально перебирал скрюченные ветки. Годар попробовал восстановить внутренним взором истоки ускользнувшего вопроса и укололся об обрывок следа. От этого след в воздухе стал алым, отягощенным.

Мучаясь от духоты, Годар медленно наливался кровью. Вскипела мутной накипью обида за Ника, Давласа, ночного Дон Жуана и тут же угасла, самое себя озадачившая встречной обидой за Мартина. За словами Зеленого витязя стояла какая-то большая, недоступная ему правда и такая же большая неправда.

- Твои товарищи по прежнему составу войска - чистосердечные, добрые мальчики, - нарушил молчание Мартин. Он медлил, силясь подобрать слова помягче: - Я понимаю: ты болеешь за них душой. Но... прости, мне с ними скучно.

Он твердо, спокойно посмотрел Годару в глаза, но в глубине его взгляда затаилось нечто ломкое.

- Почему ты называешь их мальчиками? - спросил Годар с похожим спокойствием.

_ Они поступают с Родиной по-детски жестоко и вряд ли понимают это.

- Это - способ сберечь души.

- Может быть. Но "сохранившие душу, потеряют ее".

Каждую фразу Мартин произносил через долгую паузу, в течение которой Годар имел возможность подумать.

- Поехали, что ли? - заключил Аризонский диалог с натянутой бодростью, а когда они сели на коней и пошли рядом рысью, с легкой укоризной напомнил то, о чем говорил не раз:

- Понимаешь, Годар, я бросил вызов дракону и никогда не отменю его. Я всегда буду верен Адриане.

- В этом ты, безусловно, прав, - заметил Годар серьезно, - тебе незачем оправдывться.

Слово "оправдываться", видимо, уязвило Мартина. И, прежде, чем Годар услышал новость, к которой Зеленый витязь исподволь подводил его, прошло несколько минут томительного молчания.

Новость озадачила и втайне обрадовала его ощущением надежной преграды за спиной.

- Из Суэнии убежать невозможно. Дорога в Страны Неестественной Ночи засекречена со времен основания государства. Никто, даже король, не может покинуть страну без решения Общины Посвященных. Уезжают только больные, которым противопоказан здешний климат - по личной просьбе и с приложением медицинского ходатайства. Их снабжают поддельными документами и провозят в ваш мир в зашторенных каретах. Их и случайных, залетных иностранцев. От последних требуется только желание. Но обратная дорога и тем, и другим заказана. Забрести сюда случайно дважды практически невозможно. Королевство подстраховывается от незваных гостей, которых могли бы привести на хвосте вернувшиеся эмигранты. Вылазки за плодами цивилизации осуществляют спецслужбы, сотрудников которых тоже провозят в закрытых каретах. Что не мешает многим из них приторговывать контрабандой. Но путь известен только проводникам из Общины Посвященных. Поэтому беглецы бегут в никуда.

- Выходит, Давлас знал...

- Если Давласа и его спутницу не приютили сердобольные крестьяне, тела их достались степным волкам. Или стервятникам, если смерть наступила от голода.

- Ах, вот почему в Суэнии не требуется больших тюрем...

- Сам король, избрав судьбу беглеца, оказался бы в положении Давласа.

- Но зачем королевство так ограничило себя? Что гласят предания?

- Предания не гласят ничего, я тебе уже говорил об этом. Крупицы истины воссоздают притчи. Недалеко отсюда - Холмогорье Общины Посвященных. Если не возражаешь, мы можем навестить Верховного Посвященного. Почтенный старец Сильвестр любит говорить притчами. Он сильно сдал после обострения грудной жабы. Весть о витязях, спешащих на битву с драконом, поддержит его.Думаю, мы не нарушим приказа, если посвятим в курс дела Верховного Посвященного. Не подумай, пожалуйста, будто Община подменяет или контролирует королевскую власть. Просто в ней живут Хранители Дороги. Это тоже государственная структура, только посторонившаяся, что ли... ввиду деликатности миссии. Не назовешь же ее по-казенному - департаментом.

Натянуто обменявшись остротами в духе черного юмора, они взяли курс на самую широкую часть неровной ленты кряжа.

Первый отрезок пути проходил по каменистой долине вдоль речушки, и кони, обходя насыпи щебня, заготовленного жителями ближнего села, порой неуклюже соскальзывали копытами в заросшие бурьяном ямки.

Годар видел Мартина со спины. Ему уже необязательно было ехать с Зеленым витязем бок о бок, чтобы почувствовать в груди кристально чистое свежее озерце, окрашенное податливым новорожденным солнцем. Каждый остался при своем мнении. Но тень, вызванная их спором, пройдя косой линией по сожалению, стала еще солнечней - в ней Годар спасался от зноя и грелся, пропитываясь токами степи.

Токи шли в виде стрекота кузнечиков, журчания речушки, голосов незнакомых птиц. Крепкие облака оседали на кряж, словно желая подтянуть к себе землю. Выскочила из осоки еще одна речушка и понеслась, извилистая, впереди, сопровождая сестру вдоль тропы, которую прокладывали всадники. Ничего не стоило перейти обе речушки вброд.

Скользя взглядом по плоским бурым камням, что лежали, подобно черепахам, на участках с порослью молодой травы, Годар подумал о том, о чем парадоксальным образом забыл, не переставая помнить - о гибели Давласа и Ланы. Это известие было как бы крупицей металла в пущенной из лука стреле. Конца же полета стрелы Годар не видел: была только угасающая точка впереди, к которой нужно было гнать коня вскачь, и тогда точка расплывалась вновь. Нельзя было позволить исчезнуть ничему из того, что он видел впереди - ни единому пригорку, штриху в виде одинокого дерева или темно-лиловому контуру вершины на кряжистом облаке.

Некоторые слова из задушевных разговоров с Мартином, которые вспоминались Годару с улыбкой, раздвигали степь и делали его быстрым неутомимым преследователем. "Знаю", "верю", "буду", "очень", "всегда", "никогда" походили на звездный галоп.

Слова типа "всегда" и "никогда", сталкиваясь в этом славном движении, становились неразрывны.

Глава вторая

Когда Холмогорье Общины Посвященных перестало покачиваться в мареве и полыхавшие до того контуры вершин обрели четкость графического рисунка, конь Годара произвольно сбавил темп, повинуясь настроению всадника, который и сам не знал, отчего затуманился.

Собственно, холм, застывший всего в трехстах метрах, подобно коренастому, осанистому храму, только без ворот и окон, был один. Остальные возвышенности, сутулясь, карабкались по нему друг за дружкой. На их спинах и лепились глинобитные жилища - по одному на каждой.

Местами холмогорье покрывала растительность, но большая часть земли была голой. Чем ближе становились эти обширные участки, тем явственней виделось, что многие из них перепаханы, но комья земли сползают по склонам в неуклюжие насыпи, и пашни остаются пустынными.

Заметив неуверенность коня, Годар пришпорил его с некоторой горячностью, и, поравнявшись с Мартином, спросил, сам не зная, почему:

- Ты, случайно, не подшучиваешь надо мной, как другие суэнцы? Мне было бы тяжело, если бы ты выдумал какую-либо историю и пересказал мне ее, как подлинную - в шутку или руководствуясь добрыми намерениями. Я бы не смог больше верить тебе.

- Ну, что ты, с тобой я беседую, как с собственной душой. Я не хочу такое потерять, - в преддверии встречи с Верховным Посвященным Мартин был по сыновнему мягок, умиротворен. Расслабленное его лицо разгладилось, как у ребенка, словно он убрал с него паутинку взрослых морщин и складок - отблески пылавших до того в мареве вершин - языков Холмогорья горели на его щеках нежным румянцем: кровь робко торопилась навстречу цели. Таким он был не в состоянии заметить перемены в настроении Годара.

Проступили тропинки между пашнями, и вынырнула, как всегда неожиданно, извилистая речушка. Несколько мужчин старше шестидесяти в белых подпоясанных рубахах из суровой ткани, возились у воды с лошадьми. На благоговейное приветствие Мартина и вопросы о здоровье и местонахождении Почтенного Сильвестра ответили сдержанно, не отвлекаясь от работы. Это ничуть не смутило ликованья Зеленого витязя, которое прорывалось наружу через блеск глаз, через ряд необязательных действий. Он соскочил с коня, обнажил голову, блещущую всеми оттенками лучей суэнского солнца и шагал по несущейся вверх тропинке резвой, легкой походкой. Руку с уздечкой он завел за спину, свободной же рукой поддерживал равновесие, водя ею по воздуху.

Решив, что так полагается по этикету Общины, Годар тоже слез с коня и снял шляпу, хотя ему вовсе не хотелось тащить из почтительности за собою лошадь по склону, подставив голову под светило, словно сбрасывающее темные тесные обручи. Да и получалось у него весьма неловко: Годар оступался, наскакивал спиной на коня и так запыхался, что потерял Зеленого витязя из виду. Тогда он, отбросив условности, нагнал его на коне.

Мартин поджидал его у подножия холмика, где располагалось жилище Верховного Посвященного. Холмик этот ничем не отличался от других возвышенностей. Разве что рядом с фундаментом, куда был посажен в свое время аккуратный кирпичный домик - не глинобитный, в

отличие от остальных - находилась еще и беседка, окруженная поразительно свежими, крепкими плодовыми деревьями высотою с человеческий рост. К домику вела от подножия вытесанная в земле лестница. Когда они, привязав внизу коней, преодолели последнюю ступеньку, Почтенный Сильвестр тоже показался Годару вытесанным в земле.

Он возник перед взором неожиданно: сидящий во дворе на табурете старец - прямой, с очень длинными руками, лежащими вдоль колен. Скуластое лицо в обрамлении непокрытых седых волос, ниспадающих редкими прядями на плечи и узловатые, холмистые кисти рук, казались наиболее удачными фрагментами глиняного изваяния. Был он, как и другие посвященные, одет в белую рубаху, только в длинную, просторную, неподпоясанную, в широкие штаны; ступни утопали в больших тапочках, и не понять было, сколько еще веса осталось под этим одеянием.

Он сразу встал им навстречу. Мартин, не говоря ни слова, порывисто обнял его, после чего представил Годара и, уже по пути в дом, сообщил вкратце о том, куда они направляются, - так, как можно сообщить важную для себя весть отцу - без ложной скромности, с налетом бравады.

Почтенный Сильвестр слушал молча. Он был выше ростом их обоих и может быть поэтому казался крепким. Пока товарищ беседовал с Посвященным, вдаваясь в подробности о своей военной карьере и о повседневной жизни Скира, Годар представлял бархан, на который медленно, размеренно и неотвратимо сыплется сверху песок: день за днем, песчинка за песчинкой. Зыбучая верхушка тонет в песчинках, начиная терять их. Годар видел в окно соседний холмик, где обитал в своем жилище один из Хранителей. Этот холмик не гнулся, в отличие от других, к склону. Однако зрелище это наводило ужас, так как холмик словно падал навзничь, застыв на мгновение в сокрушительном падении, чтобы прокрутить в памяти всю свою жизнь, а на груди его утопало в зыбучем песке жилище посвященного.

Предчувствие опасности, непонятно откуда и кому угрожающей, выражалось обычно у Годара в смутных образах-ассоциациях.

Спина Почтенного Сильвестра прикрыла обзор за окном. Старец, и без того показавшийся Годару неприветливым и отстраненным, заговорил у окна, стоя к гостям спиной:

- Я хотел бы остановить тебя, Аризонский. И тебя, и твоего друга-чужестранца. Кевин, видно, совсем лишился рассудка, если отпустил тебя на верную гибель. Но если уж смотреть правде в глаза, пришел и мой черед потерять голову. Я расскажу вам на дорогу притчу. В нее я посвятил одного жизнелюбивого витязя, побывавшего в Общине полгода назад и не назвавшего имени. Он был замотан в красный плащ и имел при себе лишь кинжал. Обаятельный, но самонадеянный юноша говорил, что питается одними кореньями, а дерется - мозговыми извилинами. Это был единственный витязь, решивший прийти ко мне перед битвой по зову сердца. Все остальные прокладывают свой путь через Холмогорье скорее из учтивости, да и благословение властей Скира накладывает негласные обязательства. Я знаю - Аризонские никогда не руководствовались только обязательствами. Авось, моя притча найдет место в арсенале твоего оружия, Мартин, и вам повезет больше, чем тому юноше.

Негромкий голос Почтенного звучал без пафоса. Голос нельзя было назвать шелестящим, так как шелест предполагает трение сухих листьев на земле или на дереве. Этот же одинокий лист пребывал в воздухе. Только белая одежда старца скрашивала суровую полутьму комнаты, интерьер которой составляли столы - письменный и обеденный, кушетка и шкаф с книгами да папками с деловыми бумагами. Кухня находилась в углу, за полотняной перегородкой. Стены и пол жилища были непокрашены.

Все это вместе повергло Годара в уныние. Сердце его откликнулось на пафос ситуации тем, чем смогло - грустной экзальтацией. Пожалуй, впервые за время пребывания в Суэнии, Годару стало холодно. Возникло желание подержаться за руку Мартина, который ничего такого не чувствовал, то ли затем, чтобы обрести равновесие, то ли ему понадобилось удержать Аризонского от непонятно какой беды. Восхищаясь Зеленым витязем, искренне считая его сильнее себя, Годар находил нужным втайне опекать его.

Друг его ждал повествования старца с лицом открытым, обнадеженным, не скрывая благоговения. Однако он не пожирал глазами спину дорогого ему человека, хотя, чувствовалось, так соскучился по нему, что готов был созерцать его, не отрываясь, сутки напролет.

Годару же казалось, что старец стоит спиной и медлит с рассказом потому, что ждет, пока он, неискушенный чужестранец, укрепит свое сердце.

Однако, когда Верховный Посвященный приступил к изложению притчи, Годар отключился от своих тревог незаметно.

Образы, к которым прибегал Посвященный, уносили его в детство, а оттуда неслись навстречу нерастраченные, подзабытые чувства.

Образы были словно вычитаны из одной его тетради.

В притче говорилось о Собаке. Все на свете - Собака, гласила самая главная мудрость. Почти все на свете. И первый путешественник, шедший по пустынной дороге поступью хозяина, тоже был Собакой. В душе его, как и во всем почти свете, пребывали Собаки - Белая и Черная.

Белая собака была старшей и сильной сестрой.

Черная робко жалась к ней, стараясь не привлекать к себе внимания и не требуя ничего, кроме права на маленькие радости от близости к своей мудрой сестре.

Путешественник искал двойников своих Собак, чтобы все они смогли служить друг другу, ибо считал, что каждая Собака должна иметь двойника, как должен иметь двойника он сам.

И нашел он землю, на которой почувствовал близость к своему ненайденному двойнику. И прикипел к ней душой. И пригласил друга, который шел за ним. И увидел там женщину, которую полюбил.

Его вера, его дело, его женщина, его друг, которого короновал он на владение своей землей, стали его Собаками. Это означало, что великий путешественник запер Дорогу, а ключ подкинул в карман далекому потомку через посредничество Хранителей.

Нет ничего дороже Собаки и священной пустынной дороги. Но Дорога – не Собака.

У хранителя не может быть Собаки - кроме тех двух, что составляют душу его: Белой и Черной. Но Хранитель остается Хранителем, пока не становится Собакой - Дороге... Тогда мудрец превращается в старца; старец ветшает; юноша льнет к младенцам, а Дорога - к реке, повернутой вспять.

И появляется Дракон.

Почти все на свете - Собака: Белая или Черная. Но дракон - не Собака.

У Белой и Черной Собаки есть хозяин. У дракона хозяина нет. Этим они и различаются.

Есть Черная Собака и есть дракон.

Не перепутайте, не оскорбите Черную Собаку, назвав ее драконом, и не преследуйте, как презренного врага.

Помните: Собак не забивают до смерти.

Не спускайте с нее глаз, несите за нее ответственность и даже лелейте ее, ибо нет ничего страшнее падшей Черной Собаки.

Падшая Черная Собака - дракон.

Почтенный Сильвестр закончил свое скупое повествование лицом к юношам, неторопливо возвращаясь к столу нетвердой походкой. Взгляд его не задержался на поднявшихся витязях. Мартин немного посторонился, и Посвященный прошествовал, как летящий по горизонтали одинокий лист, в другой конец жилища, где достал с книжной полки Псалтырь.

- Псалмы, по моему убеждению, достойны внимания прежде всего тем, что пышут благодарностью к Создателю. Я не буду обращаться к Господу с мольбой о помощи, я просто поблагодарю его за вас сегодняшним вечером. Прошу добрых юношей переночевать в моем доме; я не обременю их присутствием. Эту ночь мне необходимо провести за пределами жилища.

Мартин, побледнев, промолвил:

- У вас золотое сердце, Почтенный. Мы осмеливаемся обратиться к вам только с одной просьбой - не осудите нас за то, что мы с товарищем тронемся в путь прямо сейчас. Эту ночь мы условились провести в поле у развилки. Вы знаете это место, Почтенный - до него пятнадцать километров. Важно успеть до ночи.

- Что ж, тогда - успеха.

Витязи приложились к груди старца. Он стоял, как свеча, с непрницаемым лицом, взгляд его был далек и спокоен, только губы вздрагивали - тонкие, поджатые. При объятии он скрещивал на мгновение у них на спинах сухие, легкие, как солома, руки - таким жестом Хранители благословляли путников.

- А ведь я надеялся воспитать тебя Хранителем. Ты мог бы стать самым молодым Посвященным в Общине, - тихо обронил Сильвестр так, словно констатировал будничный факт.

- Если успех приложится ко мне, Почтенный, я подумаю над этим предложением, - вежливо сказал Мартин.

- Успех - тоже Собака, дорогой мой. Он не отпустит тебя в Общину.

- А долг - тоже Собака, Почтенный?

- Белая Собака всегда права. Наверное, она не зря уводит тебя от нас.

Может, моя притча, как и я сам, тоже стала Собакой большой Дороге.

- Не казните себя, Почтенный. В конце концов, смерть - тоже Собака.

Когда они уже были на конях, Годар, усмотревший в этом диалоге какую-то угрозу для себя, сухо спросил, пытливо вглядываясь в профиль Мартина:

- Ты и в самом деле хотел бы стать Хранителем?

Мартин повернулся в анфас, и Годар увидел взгляд грустный, но попрежнему открытый, из чего сделал заключение, что Зеленый витязь не таит от него своих планов, и сразу расслабился, освободился вконец от тревоги – тревоги легкой, ненаполненной, но досадной, похожей на объятия старца, какими они ему представлялись.

- Я обнадежил Почтенного из вежливости и из милосердия, - сказал Мартин с едва заметной иронией, адресованной Годару, - на самом деле мне нет места в Общине Посвященных. Там - даже больше, чем где-либо еще.

Однако он не выдержал тут иронии и снова загрустил.

Годар же был удовлетворен. Холмогорье осталось за спиной, и он только и думал о том, чтобы отогнать его подальше от себя и от Мартина. Он был тронут участием Почтенного Сильвестра в судьбе друга, но расположения к Хранителям и их Обители не чувствовал настолько, что опасался, как бы настороженность не переросла в антипатию, что было бы несправедливым и внутренне нечестным, - в том числе и по отношению к Мартину. Годар скакал впереди по местности незнакомой, с канавами и щелями под покровом бурьяна, понуждая товарища тем самым догонять его и вырываться вперед - тот считал себя обязанным быть впереди, потому, что лучше чувствовал землю. Конь Мартина умел огибать опасности родных верст.

То и дело обгоняя Зеленого витязя, Годар задавал темп, с которым они двигались к вожделенному привалу. Подзадоривая Аризонского и даже надавливая на него, Годар не скрывал второй своей цели. Первая же цель, а именно: ускакать навсегда от Холмогорья Посвященных - оставалась для

Мартина тайной, и Годар испытывал неловкость от того, что делает из этого тайну. Зато вторая цель - привал на поле перед вступлением в Зону дракона, - манила их с одинаковой силой. Правда, сила эта складывалась у каждого из разных составляющих.

Они прибыли к заветному пункту раньше, чем намеревались - за два часа до момента, когда по законам Суэнского королевства в стране наступала ночь. Или зашторенный день. В полевых условиях последний становился палаточным, - витязи не ложились позже установленного срока. Ничто не мешало нарушить закон: вокруг не было ни души, но именно здесь, вдали от Скира, нарушение вызвало бы чувство оторванности и одиночества.

Сегодня удалось выкроить два часа отдыха за ужином и разговорами, что, пожалуй, было еще одной - неосознанной - целью Годара.

Они остановились на громадном поле колосящейся пшеницы, выросшем, что называется, под носом у трехкилометрового пустыря, с которого и начиналась Зона дракона - территория, на которой дракон сжигал человека при попытке обустроиться. Пашни, пастбища, проселочные дороги оставались за ее чертой, но гордо, неотступно напоминали о себе, гиперкомпенсируя страх, особой пышностью и изобилием. Угодья граничащей с Зоной деревни, одной из самых крупных и густозаселенных в королевстве, вовсе не хранили следов запустения.

Первым делом они установили палатку на скошенной площадке, которую обнаружили в глубине поля, просмотрели еще раз карту, проверили оружие и поклажу, распределили и разложили по личным мешкам продовольствие – по выходе из жилой зоны пополнять запасы было неоткуда. И только потом, расстелив клеенку, принялись уминать двойную порцию тушенки с сухарями.

Мартин выложил флягу с вином, которую до сих пор утаивал.

Шел редкий слепой дождь. Капли, задерживаясь на шелковых лентах, делали их и мягче, и ярче. Облако, с которого срывались такие капли, не спешило переместиться на другой участок неба. Витязи неторопливо подливали вино в кружки и произносили самые красивые и теплые тосты, какие только возможны на свете. Больше всего они хвалили Белую собаку - такую большую, какую только могли себе представить.

Годар сладко жмурился на этом бескрайнем, всеобъемлющем солнце. Из всех тревог,что выветрились из его сердца за два этих часа, осталась и крепла только одна: как сделать так, чтобы пальма первенства, а, значит, и рука принцессы Адрианы, в случае, если они расправятся с чудовищем, досталась его несравненному другу?

Можно было схитрить, предоставив Мартину возможность нанести дракону решающий, смертельный удар. Но это означало, что Годар должен был в какой-то момент уклониться от боя, оставив друга на поле смертельной схватки одного. Следовательно, план не подходил.

Захмелевший Мартин, прикрыв глаза, с неторопливой жадностью втягивал в грудь оживший во время дождя аромат степи. Он полулежал, облокотившись, на расстеленном плаще. Край его ленты загнулся. Годар с трудом удерживался от возникшего под наплывом сердечности желания поправить ее собственными руками, как ребенку. Таким простым и по-домашнему легким, доверительным был в эту минуту его друг, что ничего, казалось, не стоит разрешить сомнение просто, без обиняков, объявив, что, как бы ни сложились обстоятельства, Годар не будет претендовать на сердце принцессы.

Однако вместо этого Годар поделился с Зеленым витязем сокровенным воспоминанием:

- А знаешь, в детстве у меня была большая дружба с собакой. Был такой щеночек по кличке Бабария. Но я его забыл. Потом написал про это рассказ.

- Как, ты пишешь рассказы? Ты мне ничего об этом не говорил, - легкая обида проскользнула в глуховатом голосе Мартина. Сквозь глуповатую улыбку, сквозь хмель.

- Да, я балуюсь сочинительством. Очень редко. Когда останавливаюсь. Пока я странствую, мне это не нужно, неинтересно.

- А я все делаю на ходу, в пути. И сейчас тоже ломаю голову над только что сочиненной задачей: кто завтра повезет мешок со свернутой палаткой? После того, как мы ненадолго разминемся у развилки за пустырем, каждый может неожиданно столкнуться с драконом и в схватку придется вступить в одиночку. Думаю, лишний груз может ослабить маневренность коня.

- Оставим палатку здесь.

- Ну... Дракон может встретиться и не сразу. Может, мы его, не приведи Бог, вообще не найдем, даже если ощупаем каждую тропу в Зоне. Случилось же такое в юности с Кевином.

- Тогда давай тянуть лямку, как прежде, по очереди. А для того, чтобы соблюсти паритет в первый день Зоны, кинем жребий. Или вот что: устроим состязание. Тот, кто пригнет руку другого к земле, и возьмет палатку завтра. Ну, не дуйся. Я пошутил насчет паритета. Просто мне хочется размяться перед сном.

Годар сам выбрал бугорок и разровнял его верхушку. Витязи, рассевшись, поставили руки локоть к локтю, скрепив борьбу рукопожатьем, которое не разрывается до конца состязания.

Подземная часть оросительной системы неслышно распределяла по невидимым трубам кристально чистые ледяные воды, черпая их из залегшего в недрах озера. Мартин, когда они вошли в поле, отметил, какой у них мир под ногами, и Годар всеми порами почувствовал рванувшуюся из-под ног свежесть... Теперь, когда зной снова пронизал его до костей, Годару стало казаться, что трубы, несущие девственные воды, вспухли, как вены на его руках и вот-вот лопнут. Он, стиснув зубы, напряг все тело, каждый мускул, но не мог долго оставаться по-звериному скованным. Суэнское солнце было неравным соперником. Годар не мог состязаться одновременно и с солнцем, и с Мартином. Рука его неотвратимо клонилась к земле. Это было досадно, ибо не с Мартином боролся он в своих мыслях, а с природой. Поражение обнажало глубину его уязвимости перед полуденной степью.

И вдруг скала, которая давила на его руку, размякла, он по инерции преодолел в две секунды сопротивление жижи и рука Зеленого витязя оказалась прижатой к бугру.

- Ну, и силен ты! - радостно воскликнул раскрасневшийся Мартин и заметил вскользь: - Было очень жарко, я первым не выдержал.

Годар понял, чего он не выдержал, но ничем не выдал тихой, молчаливой благодарности за подвох. В качестве искупления за мнимую победу его ожидала поутру долгожданная награда - мешок с палаткой!..

Позже он, прокручивая снова и снова в памяти тот вечер, неизменно вспоминал эту прекрасную мелочь - уступку Мартина. И сокрушался все больше…

Спал Годар той ночью крепко, без снов. Чтобы пробуждение было легким, солнцу было достаточно слегка притронуться к его лбу и немного постоять так - рядом. А может быть, солнцу пришлось побыть рядом дольше обычного, терпеливо дожидаясь, пока рука спящего витязя потянется за шляпой.

Открыв глаза, Годар решил почему-то, что солнце находится ниже, чем обычно. Как и в утро первого ночлега в степи, он лежал на плаще под открытым небом, в окружении колосьев пшеницы за сваленными стояками палатки-тента, с которых была сорвана ткань.

Вещи его находились тут же, возле приведенного с водопоя коня. Мартина же, его коня, его поклажи не было.

Поднявшись, Годар увидел фигуру Зеленого витязя на пустыре - в Зоне дракона. Всадник двигался далеко впереди, рысью.

У Годара пересохло во рту. Он отвернулся от завтрака, который нашел на клеенке, наспех оделся, сложил кое-как палатку и принялся седлать и снаряжать коня. Неуклюжий мешок с палаткой долго не крепился к седлу. Он с досадой саданул коня кулаком по крупу, понукая того резвее отгонять оводов и слепней, что роились над одеревеневшими, неуклюжими его руками.

Он еще раз глянул на пустырь, где колыхалась в мареве спина всадника, перечеркнутая ядовито-зеленой лентой, - тот сбросил на седло плащ-накидку, обнажив мундир...

И тут словно кто-то покрутил у его виска пальцем.

То, чему обескураженный

Годар потом мучительно искал объяснения, можно было уложить в двух предложениях: "Статуя полубога нежданно-негадано исчезла. Обломки пьедестала погребли человека, в сердцах его сокрушившего". Все остальное, происшедшее в этот день, следовало отсюда.

Первым, что он почувствовал, была боль: острая, жестокая боль от пинка ногой, которым в свое время Нор, игравший роль Мартина Аризонского у того во дворе, угостил своего кота. "Не отворачивайтесь, даже если он принесет вас в жертву," - громыхнул выразительный голос шута.

Быстро заволакивали сознание, набегая одна на другую, темные, неясные прежде образы. Каждая упущенная мелочь выскакивала из-за угла и, едва не сбив его с ног, приобретала от неожиданности свое подлинное значение. Почти все эти мелочи скучились в воспоминании о первом дне знакомства с Мартином Аризонским, когда его образ представлял королевский шут Нор. Теперь-то Годар убедился окончательно, что Нор сыграл Мартина не потехи ради, что симпатизируя Аризонскому, тот ненавязчиво, зримо указал ему кое-какие минусы натуры будущего товарища. Видимо, Нор надеялся на помощь Годара. Кто, как ни Нор, приоткрыл ему достоинства Мартина, увлек им, окрылил его мечтами. И он же, Нор, как подлинный реалист, обнажил ему Черную собаку Мартина.

Годар догадался об этом слишком поздно: терпимостью можно было отвечать на грядущее предательство, готовящееся исподволь, едва ли осознанно. Но на свершившийся факт он мог ответить только жестким, ошеломляющим пинком в эту сволочь - зарвавшуюся Черную собаку Мартина, им же, Годаром, раскормленную.

В том, что Мартин предал его, Годар не сомневался: выйдя в путь раньше, Зеленый витязь получил шанс схватиться с драконом первым и претендовать, в случае удачи, на все причитающиеся почести. Сомнение, как ему казалось, было только в том, насколько осознанно он так поступил.

Одна за другой три вспышки испепелили остатки свойственной ему логичности.

Как ни любезен был с ним Мартин в исполнении Нора, Годару припомнилась секундная неловкость, замешательство, которое он испытал в доме Аризонского и даже пожелал покинуть его, потому что почудилось: тот хочет остаться один, искренность - лишь налет, обложка в случном своде правил аристократического тона. Ох, уж этот лживый аристократизм, который так презирал Годар в представителях любой олигархии - всегда, всегда презирал!

И только раз отступил от своих правил, узрев в аристократе человека.

Поделом ему!..

Вторая вспышка оказалась перекрученной вытяжкой из слов кичливого аристократа насчет всегда открытой для графа вакансии в королевском войске. Третьей же вспышкой вновь была та самая боль от пинка, которым наградили любимого кота, отбросили его в сторону после того, как услышали клич - долгожданное сообщение о расформировании прежнего состава войска.

Сегодняшнее утро тоже было, как клич. Приготовив, из заведенной, как часы, вежливости, завтрак сослуживцу, аристократ, в лучшем случае, забыл о нем, поторопившись вступить в Зоне дракона. Он бежал, как остервенелый пес, к цели, которую Годар давно решил уступить ему... Но теперь Годар сам заставит предателя свернуть с дороги.

С неба словно лился солнечный ливень. Насмешливое низкое солнце колошматило лучистыми нитями непокрытую голову. Прямые, непрерывно текущие по воздуху линии были повсюду: вещество, их образующее, сгущалось. Там, на пустыре, линии выстроились в стену, и

едва заметная фигурка всадника растворялась в ней, как горсть соли в воде. Еще немного, и останется только дымчатый след в золотистой клетке-стене. И густое, непроходимое марево со всех четырех сторон.

Таким неудобным, фальшивым показался Годару мундир с кокетливым белым шелком, что он некоторое время напрягал память, чтобы вспомнить, каким образом оказался в этом потешном наряде. И припомнил аудиенцию у короля, организованную Аризонским, их визиты к придворной знати, общее их с Мартином пренебрежение к корыстолюбивым сослуживцам... Ведь приоткрыл же этот аристократ страннику свет там, где тот видел одну тьму, ведь была же дружба. Но при первом же кличе на пути к аристократическим высотам и целям, безродный товарищ по оружию был разжалован в оруженосцы.

Годар застыл в густеющем мареве, не в силах взобраться на коня, словно находился во сне. Он выглядывал спину Зеленого витязя и вздрагивал от тоски и бессильной ярости. Догнать Мартина, бросить все это ему в лицо или просто ударить. Или же, пустив коня с места в карьер, молча обскакать его, скрыться за развилкой первым. А там уж искать врага в одиночку, навсегда вырвав из сердца память о бывшем друге. После же, в случае победы, покинуть Суэнию, подав прошение на имя Верховного Хранителя. Все эти этапы дальнейшего пути - без Мартина, ибо их дороги навсегда разошлись - проносились перед его мысленным взором, как большие тяжелые птицы, которые неохотно поднимались с земли и опускались на нее с шумом через каждые двадцать метров.

Когда среди этих птиц появился сизый попугай с агатовым перстнем, Годар ничуть не удивился. Он уже был равнодушен к любой опасности, любой неожиданности. Фантастику и реальность окружала одинаковая золотистая мишура. Глянув вверх, он увидел низкий солнечный круг. Обугленный темный обруч, отделившись от круга, повис у него на шее, стиснул, соскользнув по шее, грудь.

Потом на грудь сбросили второй обруч, третий.

Сердце, несущееся куда-то до этой секунды в ритме галопа, вдруг запнулось и притихло.

Годар больше не ощущал его биения, он только знал, что с сердцем все в порядке.

Спокойно, трезво подумал о том, что сделает привал сразу же за развилкой. Если пойти по левой тропе, там, в самом начале, должен быть, если верить карте, родник. У него можно будет и позавтракать.

Сизый попугай Нора, растопырив крылья, балансировал на потревоженном пшеничном колосе. Личный попугай шута...

Господи, да это же средство связи!

Годар может поговорить с единственный человеком, который способен помочь ему разобраться с фактами. Только сам Нор может разъяснить, на сколько правильно Годар истолковал его роль. Все, решительно все укладывалось в логическую цепочку, из звеньев которой построил Годар свое истолкование. Туда могло уложится и более того, что он успел инкриминировать Зеленому витязю: стремление завладеть престолом и в упоении творить историю, словно лепку из белой глины, как заблагорассудится, по собственному разумлению, давить его, Годара, идеалы... Все эти предположения стояли на подходе.

И все-таки рядом с логической цепочкой пролегла еще какая-то линия; невидимая, будто окутанная утренней дымкой, вся сжавшаяся, молчащая. И это упорное молчание настораживало его. Та линия была как бы пуста, Годар был не в состоянии припомнить ни одного звена из ее скрытой логики, но чувствовал, когда отслеживал ее мысленным взором, теплый, размашистый ветер, доносивший запах гари и воспоминание о тающих в огненных языках маках, какие видел однажды на объятом пожаром лугу. Мало помалу утренняя завеса почернела от гари, и все линия состояла теперь из объятых пламенем маков,- безмолвно исчезающих, источающих алые капельки.

Он протягивал и одергивал руку, не в силах вынести стойкости огня.

Потом его ладонь встретилась с ладонью Мартина.

Такая мутная ненависть - да, почти ненависть! – захлестнула Годара, что пожар вмиг погас. Остатки обгорелых цветов всплыли вместе с угольками на поверхности грязной, стоячей воды. Рука Годара и рука Мартина стояли локоть к локтю на давешнем бугорке, и один витязь силился пересилить другого.

Тот, который силился, был Годаром. Другой любезно позволял ему это.

Годар чувствовал твердость, надежность и уступчивость этой руки. А видел безмолвно тающие маки... И ощущал тепло на ладони, переходящее в лихорадочный жар. И в конце концов

порывисто, благодарно пожимал руку Зеленого витязя. Но сразу же вслед за этим его снова накрывала ледяная волна ненависти. И все повторялось сначала, по кругу.

То, что такой круг существовал, давало ничтожную толику надежды. Что случилось с проклятым витязем, почему он так поступил? - не догнать ли его, не спросить ли?

Нет, не сможет теперь Годар ему поверить. Он никогда не умел заставить себя поверить единожды солгавшему, единожды отвергнувшемуся. Все на свете было непрочным и когда-нибудь разваливалось, все было словно из песка: государства, товарищеские компании, семьи, временные любовные союзы, но дружба в жизни скитальца была той единственной опорой и прочностью, которая никогда не умирала неестественной смертью. Имя у этой единственной смерти было одно - забвение. Любовников разлучали измена, крадущаяся вслед за охлаждением или пожизненное прозябание у огарков былых чувств; друзей - только расставание. Надежда на друга была единственным, что сбывалось в жизни Годара.

И вот, первый предавший на его пути подорвал его доверие к дружбе, а значит, и жизни вообще, убив к ней вкус. Ибо любая опора, единожды надломившаяся на его глазах, теряла для него надежность навсегда. Излом, случившийся единожды, Годар имел привычку возводить в закономерность.

Самая чистая, самая преданная его дружба была поругана. Ах, если бы он мог скакать по пустырю, видя впереди сузившимися глазами спину далекого всадника и не помнить, что тот выехал раньше нарочно! Был бы он, Годар, безмятежен и самодостаточен! Еще немного, и он бы придумал сотню причин, чтобы оправдать Мартина и столько же - чтобы проучить его.

Разрываясь от двойственных желаний, мучаясь от головной боли - забыв о разрушительной работе солнца, он не надел еще шляпы - Годар обратился к попугаю Нора.

Так мог бы он обратиться к облаку, речке, колосу, ветру в поле. И все-таки, даже пребывая в лихорадочном полубезумстве, когда его окатывали попеременно то волна ненависти, то волна трепетного раскаяния за ненависть, он полностью отдавал себе отчет, что заговорил через посредничество безмозглой птахи с живым человеком, третьим лицом, избрав его советником в войне, которую объявил Черной собаке Мартина.

- Что делать мне, мой друг и соратник так ослеплен желанием убить дракона, что предает сам себя,- Годар предусмотрительно не назвал имен, на случай, если сизого попугая с агатовым перстнем перехватит другой адресат.- Да, витязь, который способен оставить в походе друга - предатель в первую очередь по отношению к себе.

Сам того не сознавая, Годар высказал в этих обтекаемых формулировках всю соль своей главной обиды на Мартина. В глубине души он почитал того не только как друга, но и как учителя, которого теперь лишился.

И далее, свободный от налета других обид, Годар поделился сомнением, которое оформил для себя словесно в момент речи:

- Но не знаю я в точности, правда ли то, что я говорю. Что-то внутри не хочет принять этой правды. Мне не понять, чей это голос подсказывает мне противоположные решения: голос истины или голос моей податливости и привязанности к товарищу. Я не в силах разобраться с двумя этими голосами один, ты знаешь его дольше, чем я. Скажи, как он поступает, когда ослеплен целью? Я спрашиваю не затем, чтобы казнить его за это. Я борюсь за его Белую собаку.

Как ни был Годар потрясен и измучен, он, однако, заметил спустя мгновение после своей кристально-честной исповеди, что выдал сразу две тайны, упомянув о боевом походе и о Белой собаке - персонаже притчи не для всех, в которую посвятил их Почтенный Сильвестр. Это повергло его в смущение, затем - в уныние, а после - в еще больший гнев на Мартина.

Махая обеими руками, он прогнал сизого попугая, отметив про себя, что тот полетел в сторону Скира и вскочил в седло. Неизвестно, когда вернется эта почтовая птаха - через день, два, три,- и вернется ли вообще. Он все равно будет ждать ее или найдет способ встретиться с самим Нором. Но не сидеть же ему сложа руки день, два, три - целую вечность! Нельзя позволить Мартину уйти просто так, не доведя до его сведения весть о его предательстве, не указав на него пальцем.

Степь двинулась на Годара. Пустынная земля мягко стелилась под копыта; она таила в недрах гулкую пустоту ходов заброшенной оросительной системы. Гром конского топота заглушил крик коршуна, упавшего на добычу в поле, которое осталось за спиной. Еще за спиной загалдели грачи, кинувшиеся в рассыпную и вверх после падения коршуна; приподнялся ветер и потряс колосья.

Все это явилось, не замеченное унесшимся всадником и пропало позади, ибо не прошло и пяти минут, как тающая точка, которую он преследовал, обрела контуры другого всадника.

Годар вновь увидел косой зеленый штрих.

Зеленый витязь Мартин Аризонский приближался к нему спиной: по-прежнему идущий рысью, статный, молодцеватый. Шляпа приподнята под нужным углом, у пояса равномерно покачивается сабля.

Годар, примчавшийся с непокрытой головой и без сабли (и то, и другое болталось у седла), вспылил еще больше от упорядоченности и того хорошо контролируемого спокойствия, которое так нравилось ему прежде в товарище. Безжалостно ввинчивая шпоры в бока фыркающей лошади, он промчался мимо Аризонского, не взглянув на него, довел разрыв между ними метров до пятнадцати, после чего принялся плавно разворачиваться по дуге. И вновь на него двинулась степь - та, что была только что за спиной - край пшеничного поля, бредущее вдали стадо коров, пенистая небесная синь в паутине облаков, а ближе всего - грудь огромного всадника в кителе с зеленой лентой, такого огромного и собранного, что Годару стало не по себе, когда он взглянул украдкой на его жутко-безмятежное лицо.

Он опять промчался мимо этого чужого человека, не кивнув ему, нарочно огибая его после своего широкого разворота, полукругом. Не прошло и десяти минут, как был он снова в поле, где провели они ночь. И Мартин не окликнул его.

Сизый попугай, которого он не так давно отправил с поручением в Скир, вновь раскачивался, к удивлению любого другого человека, на колосе у края пустыря.

Но Годар был слишком погружен в переживания, чтобы обратить внимание на время. Скатившись с коня и машинально оттолкнув его, Белый витязь упал на одно колено и исступленно шепнул, ударив кулаком о землю:

- Ну же, что сказал Нор?! Он уже сказал что-нибудь?..

Надтреснутые, неразборчивые голоса понесли привычную нелепицу. Местами она становилась по-девичьи писклявой, местами - басила или гнусавила; кое-где возникло подобие танцевальной музыки,- все это двигалось с катастрофической быстротой и прервалось отчетливыми фразами, произнесенные баритоном Нора:

"- Когда Мартин ослеплен целью, он способен повернуться спиной даже к королю. Не судите его строго, не оставляйте его одного, даже если он принесет вас в жертву".

Годар с омерзением замахнулся на сизого информатора и вновь прогнал его обратно в Скир.

Получив подтверждение своим предположением от самого Мартина - ведь тот так и не окликнул его - он, в общем-то, уже не нуждался в посторонних советах.

Неприятно задело его и то, что Нор назвал человека, о котором они говорили, по имени. Это уже была третья оплошность со стороны Годара, третья тайна, в которую он рисковал отныне посвятить любого, кто прибегнет к услугам сизого попугая и, вольно или невольно выудит из нелепицы детали их с Нором разговора.

Годар впопыхах отметил, как ему казалось, весьма трезво, что теряет что-то очень важное, но не заметил ни в чем неестественности. Он уже был на коне и торопился догнать Зеленого витязя до развилки, чтобы еще раз презрительно обогнуть его, а после, зайдя на третий круг, ступить за развилку первым.

Сумей он предвидеть сегодняшний день, то стал бы Мартину еще в Скире не лучшим другом, а лучшим врагом и научил бы его благородству в качестве врага. Похоже, этот удачливый аристократ умеет уважать только сильных мира сего, а последние - враги и себя самим, своей человеческой сути. Теперь, когда он был абсолютно уверен, что Мартин стал совсем чужим, боль потери достала его окончательно. Чем ближе становилась спина бывшего друга, тем медленней скакал конь Годара, словно даже у него, у скакуна, подгибались колени.

А между тем опять невесть откуда взялся сизый попугай и, пролетев над головой Годара, принялся кружить, бормоча, над Аризонским. Годар представил с жестокой наглядностью, как, выделившись из нелепицы, мелькают, словно крылья одного мотылька, их с Нором голоса. Опять увидел он грязную, черную воду с медленно плывущими лепестками маков - еще живыми безмолвно истекающими алым криком. Он шарил в мути, надеясь спасти, вырвать с корнями со дна еще целые цветы, затопленные после пожара. Обе руки его были по локти в мокрых, саднящих лепестках. Кожа нестерпимо горела, покрывшись узорными пятнами. Он прятал их за спину и не хотел видеть. Потом их с Мартином руки опять встали локоть к локтю, и один витязь силился пересилить другого. Годар держал в своей руке твердую, открытую ладонь Мартина и думал, что безжалостно стиснет ее до хруста, но вместо этого неожиданно пожал ее - порывисто, благодарно.

О, Господи, не лучше ли остановить эту безумную погоню и оставить Мартина в его ослепленности?!

Какая горькая миссия - нестись ему навстречу и разочаровывать в нем самом!

Или - в ком?

Господи, вот опять завернула дугой дорога и фигура всадника стремительно движется навстречу -слева, ближе, чем в прошлый раз, потому что Годар сузил круг. Скользнув отрешенным взглядом по лицу Зеленого витязя, он заметил, что тот присматривается к нему в маске прежней приветливости, которая понемногу сползает, образует прорехи, сквозь которые проглядывает какая-то борьба. Внутри Годара все сжалось, спружинилось, когда он увидел это лицо. В висках беспорядочно затикали испорченные часы. Плохо понимая, что делает, повинуясь непреклонности спонтанного решения и желания в последний раз увидеть Мартина рядом, он срезал круг и помчался прямо на всадника.

Легкий толчок, заставивший двух коней сбиться и отшатнуться один от другого - было единственным, что он вспомнил, когда Зеленый витязь вновь оказался за спиной. Еще запомнился запах гари и то, как ворочались под побелевшей кожей камни, из которых состояло теперь лицо Годара. Когда же Годар, не позволяя себе растерять мужества, почти сразу же развернулся и спина Мартина полетела на него, словно стекло, обрушившееся с верхних этажей,- на сей раз, чтобы навсегда исчезнуть с его глаз, ибо Белый витязь Годар направлялся к развилке; когда песчинки, попавшие во встречный воздушный поток, размашисто, разом ударили его по щекам, возвращая чувствительность, конь под Зеленым витязем, взвившись на дыбы, внезапно свернул налево и исчез, не оставив даже облачка пыли.

Годар сполз с коня, как по стенке и нервно, счастливо рассмеялся... "Не он! Все-таки не он! Пусть плох я, но только бы ни он..."- боже, каким откровением показалось ему эта мысль, каким благом стала для него в ту минуту!

Так, сидя на земле, он отстегнул, расслабленно закинув руку назад и вверх, шляпу от седла и нахлобучил ее на самый лоб, на глаза, в которые струился свет, перемешанный с потом.

Завеса, сокрывшая линию, пролегавшую рядом с выстроенной им логической цепочкой поступков Мартина, пала

Он увидел - в самом конце этой линии - две руки, стоявшие на бугорке локоть к локтю и одна рука, которую хотелось держать в ладони, как прекрасную птицу, деликатно отодвинулась в сторону, открыв вид на дорогу, где скользил в золотистой дымке по воздуху орел - умерший в воздухе орел,- и скалы расступились, и камни, метившие в его тело с земли, стирались в песок, и не было времени. Был только полет, движение гор, порывы души, читаемые на языке крыльев.

Ослепительно-белая Собака встала перед мысленным взором Годара, такая отзывчивая и благородная, что невозможно было понять, как он смог выпустить ее из внимания - великую Собаку Мартина, которую вроде знал и видел в упор. За нее можно было простить Зеленому витязю даже то, что Годар сумел о нем подумать. Да какое он имел право не простить ему чего-либо после того, как Аризонский приоткрыл ему вид на дорогу из лабиринта?..

Но не за что было прощать Годару Мартина.

Он видел теперь, что ослеп утром как раз от того, что любил в своем сослуживце больше других его достоинств - от способности на великую, неподкупную дружбу. Годар знал теперь, что Мартин, сняв утром палатку, выехал один потому, что не сомневался в том, что друг, пробудившись вскоре от прикосновения солнца, догонит его, как это случалось раньше, во время их шутливых состязаний. Годар ослеп от такого великого солнца и - не узнал его.

Сейчас же - немедленно! – он разыщет Мартина и все ему объяснит. Все вышло так глупо, до смешного глупо и разъяснялось просто. Господи, как, оказывается, нужен ему этот человек, как необходима ему вера в него, как он успел его полюбить!

Годар медленно поднялся. Радость его становилась от секунды к секунде все чернее, противней. Не хотелось видеть руки - он отвел их за спину. Из стороны, в которую ускакал Мартин, словно тянулись лучи, похожие на стропы упавшего парашюта. Виднелось на дальнем склоне очертание церкви в окружении деревенских домов. Только сейчас обнаружил Годар, какая в его груди окровавленная пустота - от потерял птицу, которую доверил ему Мартин.

Раненая птица, тяжело вздымая крылами, улетела и спряталась. Он страшно тосковал по ней и обречен был искать повсюду.

Но имел ли он право на поиски? Годар поднес к глазам ладони: они были словно в лепестках маков - кровь цветов сочилась под рукава.

Ему показалось на мгновение, что он нашел большую белую птицу, взял ее бережно обеими руками и пытается прижать к груди, а она прощально отстраняет его ослабевшими крылами, которые шире, чем его плечи. И птица и Годар истекают кровью, и он не знает, что делать, не знает, как остановить кровопотери.

Потом образовалась стена ветра - целый строй прозрачных ратников, дружно выстреливших в его грудь залпом воздуха. Птицы в этот момент уже не было - он не мог принуждать ее умереть в его груди. Только непоколебимая стена встречного ветра высушивала кровь, что сочилась из груди капля за каплей, без остановки. Прозрачные ратники не хотели пускать его туда, куда ускакал Мартин - может быть, Зеленый витязь был их командиром, а может - заложником. Нет, он не сможет жить, если птица умирает, он должен разыскать Мартина даже против его воли и как-то объясниться с ним. Если Зеленый витязь поймет, почему Годар так поступил, может, обоим им не будет так больно. Мартин волен поступить с ним, как угодно. Но сначала необходимо разыскать его.

Годар с трудом взобрался в седло и вошел в стену ветра, как входят в пламя костра самоубийцы - равнодушно, невзирая на телесные муки. Он был неприятен сам себе, едва ли не омерзителен, и хотел бы, чтобы жуткие языки огня сожрали его до костей. Это не было желанием смерти - наружный огонь нужен был ему как лекарство от внутренней боли.

Однако ветер не препятствовал Годару, как ему того хотелось. Ничто не опалило его снаружи, не вынудило сражаться с физическими препятствиями. Даже жара не наносила ущерба - и он остался сам с собой, один на один с ужасными мыслями.

Годар мчался в деревню, где надеялся разыскать Мартина, как в убежище, думая, что может забыться в присутствии людей.

И все-таки все средства, к которым он желал прибегнуть, чтобы заглушить мучения, были всего лишь средствами,- он держал их под контролем. Вглядываясь в окрестности, насколько хватало взора, Годар стал рабом одной цели - увидеть Мартина, поговорить с ним. Неутоленное это желание разъедало его изнутри похлеще любого огня.

Напрасно пытался он прикрыть полами плаща меч и копье. Как ни странно выглядело появление на деревенской площади вооруженного до зубов всадника в мундире витязя королевского войска, любопытству, которое он заметил налицах редких сельчан, удивление явно не сопутствовало. Все здесь было таким же, как в деревне, где провели они первую ночь похода: простенький храм, окруженный высокими глинобитными стенами, торговые лавки под навесом, магазины, пустующие под навесом лотки, пара серьезных учреждений и множество улочек, бегущих от центра в заслоненную приземистыми деревьями глубь. Среди кирпичных домов, расположенных в начале улочек, попадались глинобитные, а деревянных не было вовсе.

В этот будничный, тихий, безлюдный в рабочие часы мир Годар мог бы явиться как вестник надежды, а явился как зрелище, как вестник - паяц. Он почувствовал, что его каким-то образом узнали и хотят о чем-то спросить.

Однако у него не было ни времени, ни желания разбираться с ощущениями - как собственными, так и чужими. Заметив газетный киоск, он спросил продавца о главном:

- Скажите, не проезжал ли здесь витязь королевского войска?

Продавец пытливо посмотрел не в глаза , а на его ленту-снизу вверх, и криво усмехнулся.

- Никак нет, господин Годар.

Не желая сознаваться, что узнан, Годар нетерпеливо задал следующий вопрос - наводящий:

- А не мог ли он остановиться в деревне, не доехав до площади?

Сделав притворно-серьезное лицо, продавец доверительно сообщил с почтительной иронией - так, как сообщают деловые, взрослые люди заигравшимся детям:

- Если речь идет о командире Зеленой сотни Мартине Аризонском, то я слышал - он стал приспешником дракона.

- Да откуда вы это берете?! - закричал Годар, и конь его инстинктивно подался ближе к киоску, потому что всадник испытывал жгучее желание ударить сплетника.

- Не переживайте так, господин Годар. Поберегите нервы - небрежно бросил продавец, по-прежнему не глядя в лицо: - Вы сейчас повысили голос на кого-то. Я не понял - на меня или на себя?

Остальное Годар выслушал молча и опять не удивился скорости, с которой разлетаются по Суэнии вести.

Он узнал, что шут Нор, проник тайником в радиостудию и передал сообщение о том, что командир Зеленой сотни Мартин Аризонский, посланный командованием вместе с Белым витязем

Годаром на битву с драконом, втайне лелеял замысел о сговоре с врагом. Но второй витязь разоблачил его планы и передал в Скир сообщение через средство связи, о котором Нор и Белый витязь условились ранее. Потом Нор зачитал пасквиль под заголовком "Как стать драконом". (Слушая его пересказ в интерпретации продавца газет, Годар содрогнулся. В пасквиле от первого до сегодняшнего дня описывался путь офицера Аризонского, как если бы о нем поведала птичница Моръена со слов королевских попугаев - целой сотни попугаев!) А еще через минуту паяц был изгнан из радиостудии полицией и настоящими корреспондентами. Последние призвали население не придавать значения проделке господина, потерявшего грань между шуткой и наветом. В заключение была дана короткая справка о том, что все витязи королевского войска достойны чести мундира, а если двое из них отсутствуют на данный момент в Скире, то лишь потому, что выполняют личное поручение короля - вовсе не то, о каком говорил шут.

Это был конец.

Тысячи радиоприемников возвестили о конце.

Десятки тысяч сплетников создали столько же дубликатов.

Где бы ни находился сейчас Мартин Аризонский, каждый суэнец нашептывал его имя.

Больше Годар не мог жить. Конь вынес его, оглушенного, на одну из безлюдных улочек.

Что это с листьями на деревьях в человеческий рост? Какими они стали большими, четкими - виделась каждая прожилинка; на одном листе застыл жук. Медленно, с грохотом ползли по стволу муравьи, перехваченные корнями подземные трубы глухо скрежетали, в отдалении лязгали лопаты. И отовсюду лез в глаза и ноздри воздух, пропитанный луком.

Годар, закрыв лицо скомканной шляпой, оглушил сам себя стоном.

Пока Мартин слышал, видел и чувствовал все это, каждая секунда жизни убивала его, Годара.

Пока конь нес его околицей к церкви, за ограду которой он хотел пробраться незамеченным с задних ворот, большая белая птица, к которой он приближался окровавленной грудью, отлетая, презрительно отталкивала его крыльями, пачкаясь в его крови, как в нитях черной паутины.

Он не вошел в храм. Мартин не вошел бы в него потому, что отказывал в уважении миру, где полагаются на неисповедимые пути. Годар же не вошел потому, что не хотел попасть на глаза пастору. Кроме того, ему было безразлично, входить или нет: он не знал, есть ли Бог. Территория церкви была необходима ему как укромное место в деревне. Опустившись на скамейку у задней стены, он схватился за место на ремне, где должен был быть пистолет. Но и пистолет, и сабля с портупеей болтались у седла лошади, которую он оставил за оградой.

Пока он дойдет до ограды, импульс погаснет и он не решится совершить такое безрассудство. Взамен отмененного решения Годар нашел себе другое утешение: его испепелит огнедышащий змий - да так, чтобы и костей не осталось. А если дракона убьет он, то уйдет в безлюдную степь, где отдаст себя на растерзание волкам. Годар жаждал умереть среди шума: лязга зубов, треска пламени, рокота жестокой крови - такого же жуткого шума, что стоялу него в ушах. Странно, что выходя из Скира на поиски дракона, он совсем не думал о смерти, словно пребывал в стране, где о ней не имели представления.

Теперь даже смерть дракона не могла смыть тень, которую он бросил на имя Аризонского. И это в стране, где большинство страшится и не понимает значения тени. Убить дракона и умереть - единственное, что может сделать он для друга.

"О, как это много!" - дошло до сознания уже спустя минуту. Безрассудные его мысли, вытекая одна из другой, постепенно сводили, как это часто с ним случалось, безрассудство на нет. При условии, если все это не прерывалось пиком нового безрассудства, которое он совершал импульсивно, устав от раздумий. "Смогу ли я справиться с драконом в одиночку?" - подумал Годар, корчась на скамейке от сокрушений и опять оглушил сам себя стоном.

Когда он сгорит в огненном дыхании змия, дракон отыграется на возлюбленной

Мартина - это было ясно, как суэнский день.

И это была мышеловка.

Она с грохотом захлопнулась, хотя сил Годару еще хватало с лихвой.

Получалось, что ему дан единственный выбор: умереть в безлюдной степи, покрыв себя позором беглеца. Это означало, что Мартин никогда не узнает, почему он так поступил.

Нет, только не это,- сейчас важнее всего не оставить Зеленого витязя один на один с разочарованием в друге. Во что бы то ни стало он разыщет его - все остальное решится потом. Возможно, те силы в Скире, что подтолкнули его, Годара, к западне, как раз и добиваются, чтобы витязи никогда не встретились.

"Господи, помоги этому человеку, даже если он не приемлет Тебя!" - воскликнул Годар в душе. Просить у Бога помощи еще и себе казалось ему недостойным. Однако такая просьба подразумевалась, хотя Годар ни за что не хотел сказать о ней. Выпрямившись, словно был снова в седле, он начал мысленный монолог, обращенный к Царю небесному, а глаза всматривались сквозь стекающее с полей шляпы проливное золото в лицо Мартина - неясное, колышущееся в изжелта-красном мареве. "Ну почему ты не оглянулся, почему оставил меня в моем заблуждении? Как ты не понял, какому подверг меня искушению?" - вырвалось у Годара среди горячих слов раскаяния, которые он говорил, облегчая себе душу.

Он не запомнил, ел ли в тот день и поил ли коня. До самого вечера Годар продолжал поиски, а потом вернулся на поле перед пустырем, надеясь, что сюда же придет и Мартин.

Ночью он лежал, укрывшись с головой плащом, без палатки, кляня себя за то, что она досталась не Мартину. Он был в полном обмундировании и прислушивался сквозь завывание волков к каждому шороху, чтобы услышать шаги, если Мартин придет среди ночи.

К вечеру следующего дня он нашел Мартина.

Это было то же озерце с песчаным островом, что повстречалось им после первого ночлега в степи. Только на месте утеса, похожего на вершину скалы из его снов о Дон Жуане, вытянулась

из песка тонкоствольная, ветвистая аркала.

Под нею и сидел Мартин: боком к стороне, откуда приехал Годар.

Он был в сорочке, китель по-домашнему небрежно накинут на плечи. В пальцах - дымящаяся папироса без мундштука. Шелковая лента, портупея с саблей и пистолет лежали тут же, на походном мешке. Остальное снаряжение находилось на берегу, возле пасущегося коня.

Годар безошибочно нащупал брод и прошел на остров так проворно, что издали могло показаться - он идет по воде.

Он остановился возле взлохмаченного пучка травы - самого ближнего к Мартину. Весь остров был в невидимых издали пучках, что торчали, сторонясь друг друга, в разные стороны.

- Я не говорил всего этого, Мартин,- сказал он потерянно,- я только спросил совета у Нора... Это тоже было гадко - наводить у кого-то справки о тебе. Я должен был разрешить свои сомнения сам. Но я так усомнился в тебе...

- Дорогой, ты разгласил пункт нашего назначения,- холодно прервал Мартин и затушил папиросу.

Их взгляды встретились.

Годар мог смотреть в глаза Зеленого витязя бесконечно, потому что все-таки добрался до него, застал живым и здоровым, донес смысл происшедшего...

Теперь Мартин волен был убить его.

Но - как в тот вечер, когда их руки стояли локоть к локтю на бугорке и Зеленый витязь подался Годару потому, что тому нельзя было испытать горечь поражения,- снова во взгляде Мартина появилась податливость, и ледок стал тоньше – на немного, совсем на немного.

Но и этого хватало Годару, чтобы у него перехватило дыхание.

- Присядь. Мне не нужно, чтобы ты оправдывался. Я бы хотел просто поговорить с тобой. Знаешь ли ты, что такое слово - как оно может ранить, становиться перевертышем? - Мартин говорил осторожно, просто, стараясь не выказывать глубины своего разочарования.- Разве ты не понял, что

представляет собой Почта Попугаев?

- Да, я уже понял это - больше, чем кто-либо,- Годар опустился на песок и неожиданно для себя улыбнулся: - А знаешь, я все-таки обрадовался, когда узнал, что подлецы - другие, а не ты. Пусть пал я, зато не ты.

- Эх, Годар, таким как ты, я мог бы быть десять лет назад. А за прошедшие сутки стал старше еще на десять лет.

- Да, Мартин, я инфантилен. Я давно должен был признаться тебе в этом. Я пошел с тобой на битву с драконом, а между тем уклонился у себя на родине

от обязательной службы в армии. Мне двадцать пять, а я еще нигде не работал. Я путешествовал или сочинял рассказы. Но я всегда старался быть справедливым - не так, как вчера.

- Я заметил, что у тебя нет боевых навыков. У нас их нет ни у кого – это дело практики. Но я не мог предположить, что... чувство внутренней правоты идентично у тебя понятию чести. Не так важно, что случилось потом в Скире, хотя и это крайне неприятно. Нашу дружбу оскорбило первое, что ты подумал обо мне.

- Но, Мартин, как же ты уехал один, не дав мне знака? Ведь мы так не договаривались. Вспомни, в наши планы не входило такое начало, когда мы выверяли перед тем днем дорогу.

- Вечером мы так хорошо поговорили - как никогда. Ты был не просто моим лучшим другом, ты был мне как брат.

- Мартин...- Годар сделал попытку сесть с ним рядом, но Зеленый витязь резко встал и отошел в сторону.

Теперь он стоял полубоком, отчужденный, сутулящийся, и Годар, получивший возможность рассмотреть все получше, обратил внимание на кучу окурков под деревом, на то, как побурела кожа на небритых щеках друга, на потускневшее, ветшающее их обмундирование.

Шелковая лента была свежее, но и она утратила часть былого блеска.

- Когда ты появился в Суэнии, я был у короля, упрашивая его зачислить меня в войско. Я надеялся, что смогу удержать новый состав от развала. Но Кевин смотрел на войско, которое считал своим детищем, скорее как на ясли, чем на боевую организацию, и считал, что я не нуждаюсь в исправительно-воспитательных работах. Когда Маръяна сообщила через свои

Достоверные Источники...- Мартин усмехнувшись, помолчал,- короче, когда все узнали, что в Скире появился иностранец, шут Нор, то и дело вламывающийся в королевский кабинет под разными предлогами с тем, чтобы быть в курсе нашего разговора, предложил включить в войско тебя. Он мотивировал свое предложение тем, что иностранец не выдержит будней суэнской службы первым и разочарует, как представитель Стран Неестественной Ночи, часть молодежи, которая идеализирует Большой Свет.

Кевин согласился, даже обрадовался, расценив решение, принятое с подачи шута, как свое собственное. А когда следующим утром новый состав развалился, за тебя просил уже я. Мне понравилось, как ты ответил Маръяне на вопрос о причинах, по которым хотел бы задержаться в городе. Это был искренний ответ. И я пообещал королю, что, если он включит нас с тобой в очередной состав дружины, мы, возможно, станем товарищами и пройдем путь к логову дракона вместе. Не знаю, почему у меня возникло такое убеждение насчет тебя... Я нуждался в надежном товарище и не скрывал от короля своих чувств к принцессе. Так мы с шутом заинтересовались тобой – из противоположных соображений. Не знаю, какую цель преследовал на самом деле Нор - он появился при дворе с полгода назад, втерся в доверие к королю и очень невзлюбил меня. Впрочем, мне кажется, он не любит никого. Не удивлюсь, если это он якшается с нечистью. Никогда не слышал, чтобы попугай пересек Зону дракона. Достоверные Источники и за стены Скира-то редко перелетают. Особенно Персональные.

- Нор - подлец! С самого начала он имитировал двойника твоей Черной собаки. И преувеличивал ее в моих глазах. Но я попался на то, что чаще Нор имитировал двойника Белой собаки, а она мне дорога.

Мартин коротко, удивленно взглянул на него и, усмехнувшись с горечью, некоторое время молчал. Годар тщетно силился понять, что ему не понравилось в его последних словах. Впрочем, он был не в состоянии сейчас мыслить оценочно.

- Годар,- тихо сказал Мартин, прикрыв глаза, и лицо его напряглось,- Нор не только вторгся в мой дом. Он попытался влезть в мою шкуру. Разве я давал ему на это разрешение?

- Да, но ... я думал: шуту в королевстве дозволено больше, чем джентльмену,- выдавил Годар, а про себя подумал: "Он хочет сказать, что я не аристократ и не знаком с кодексом чести".

Теперь они опять стояли друг против друга, и один витязь силился устоять, когда другой учил его кодексу чести, хотя тот, другой, и не думал учить.

Наоборот, он произнес:

- Ты, Годар, сделал меня мудрее. До вчерашнего дня я думал, что ты – точно такой же, как я. Я считал, что большинство людей руководствуется теми же соображениями, что и я. Но теперь я знаю, что у каждого - своя стартовая площадка.

- А ты, Мартин, стал тем толчком, с которого началась моя новая жизнь. Я ведь тоже взрослею.

- И первым поступком в твоей новой жизни стал удар в меня?

- Нет, Мартин, новая жизнь началась с того мгновения, когда я раскаялся. Как ты не поймешь, ведь я не поверил тебе только потому, что так верил в тебя, так верил!..

- Я не оглянулся потому, что не сомневался в тебе, Годар. Пока ты не толкнул моего коня, я считал - ты шутишь, двигаясь кругами, а сизый попугай врет. Я не поверил даже в то, что произносилось твоим голосом - решил, что это подделка шута. Я верил тебе больше, чем себе.

- Ах, лучше бы ты верил в меня меньше!..

Кажется, в этом пункте они не могли пока понять друг друга.

Отведя взгляд, Мартин выговорил, словно через препятствие:

- В общем, так. Ты был и остаешься моим лучшим другом.

Слова "брат" - не было. Годар уловил оттенок.

Сдерживаться больше было незачем,- он подошел к Мартину вплотную и сделал то, чего желал с момента разлуки: взял друга за плечи и прижал к груди, насколько хватило сил. Только в это мгновение не кровоточило его сердце...

- Ну, почему ты так поступил?..- шепнул Мартин нервно.

- Не знаю. Дороже тебя в этой стране у меня никого нет.

- Я знаю, знаю это. Поэтому я и удивился, когда ты это сделал.

- Больше такого не повторится - клянусь! Кто бы ни порочил меня в твоих глазах, знай: я на твоей стороне.

- Никто не опорочит тебя. А если я увижу что-нибудь собственными глазами - не поверю и глазам.

- Мы уже были однажды возле этого острова, только тогда здесь был утес, а не дерево. Помнишь про мой сон?

- Помню. Но это не то озеро. То осталось далеко за спиной. Здесь встречаются похожие места, разве ты забыл писание графа Аризонского?

Они улыбнулись - больше своим воспоминаниям, чем друг другу, и Мартин, подмигнув, сказал:

- Инцидент исчерпан.

Потом, кашлянув, добавил:

- Еще не поздно обратиться к Почетному Сильвестьру. Давай я попрошу, чтобы его люди помогли тебе добраться до родины.

- Нет!.. Делай со мной что хочешь, только не это!

- Ладно. Я съезжу в деревню за продуктами. Задержавшись, мы допустили перерасход. Встретимся вечером, на поле у пустыря.

- Ты хочешь... Не ходи туда, там болтают то, что ... Дай сюда мешок - лучше пойду я!

- Ну уж! Без нервических метаний, пожалуйста,- холодно отрезал Мартин тоном, не допускающим возражений.

Но том они и расстались.

Зеленый витязь отправился в деревню, а Годар, раздумывая над тем, что бы сделать ему хорошего, пустил коня в сторону Холмогорья Посвященных.

Добравшись до Верховного Хранителя, он попросил того засвидетельствовать и держать до поры в секрете, что он, Белый витязь Годар, уступает Мартину Аризонскому право на престол и руку принцессы - в случае, если дракон найдет смерть от его, чужестранца, руки.

Прибыв на храпящем коне к пустырю в Зоне раньше, чем они условились, Годар, не доходя до пшеничного поля, упал на землю и разрыдался.

Очнувшись после тяжелого, мутного забытья, он обнаружил, что лежит ничкомпоперек ручья - видимо, прохлада воды спасла его от перегрева.

Перевернувшись на спину, Годар увидел в небе орла и - мысленно - себя, прошедшего... Экспромтом сочинилось стихотворение - верный признак того, что осмысленная жизнь снова подступила к нему:

Метаморфоза

На ясном крыле орла
Парит мой соломенный стул.
Глухо ступает мул
С душою и взглядом стекла.

Глухо ступает мул...
Над мулом, рекой, полями
Парят мой соломенный стул
И шляпа с чудо-краями.

Парит мой соломенный стул...

Меж стулом и чудо-шляпой
Таких облаков надуло,
Что дождь с синевы заплакал.

Все это - было телом.
И ветер попутный дул.
Тело мое летело...
А теперь шагает мул.

Глава третья

1

Дневник Мартина Аризонского
(Из материалов Секретного военного архива королевства Суэния)

Никогда не думал, что использую для личных записей деловой блокнот.

Наверное, это от того, что по делу в блокноте исчерпана всего одна страничка - расчетами суточного провианта, помноженными на дни в дороге.

Двое суток мы уже потеряли - первую страничку можно вырвать.

Белизна нетронутого листа, как всегда, вызывает благоговейный страх. Какую ответственность берут на себя сочинители! Клянусь,- я пущу себе пулю в лоб, если хоть кто-то испытает неловкость от слова, сказанного невпопад.

Почему я решил писать дневник? Потому что внезапно стал болен. Болезнь моя выражается в ощущении, что дракон пребывает повсюду. Стоит вытянуть руку и кожа начинает саднить от соприкосновения с отвратительной чешуей.Чтобы не вводить в заблуждение уважаемых членов спецкомиссии, в ведение которой, я надеюсь, перейдут эти записи, сохранившись чудом, после моей бесславной гибели, я не стану придерживаться сухой констатации фактов, ибо болезнь моя не физическая и не душевная. Я хотел бы сделать свой внутренний мир объектом для анализа наших поражений. Оговорюсь сразу: я вовсе не считаю, что непременно погибну, я далек от пораженческих настроений. Если вернусь,- победителей, как известно, не судят. Если же я допущу ошибку, в результате которой дракон останется жив,- ищите ее истоки в записях. Значит, все, что я напишу - большая ошибка со многими последствиями. Жаль, что никому из ушедших витязей не приходило в голову записывать свои ощущения по пути к Безымянному озеру. Впрочем, если такая мысль все-таки посетила витязя, значит, происходит что-то неладное, какая-то заминка в пути, вынуждающая вести с собой диалог.

Знаменательно, что первую запись я делаю на привале. Мы разделились с товарищем перед холмистым кряжем, вдоль которого предстоит идти верхом еще несколько дней. Обычно мы отдыхаем вместе, встречаясь возле многочисленных перевалов. Но сейчас назрела необходимость побыть, чтобы подумать, одному.

С товарищем я своим желанием поделиться не могу - он решит, что я сторонюсь его. Поэтому сегодня я сделал лишний привал в промежутке между совместными. Думаю, буду поступать так и впредь, выкраивая взаймы время у собственной скорости.

А случилось со мной вот что: я вдруг стал одинок. Это не то одиночество, что беспокоило меня порой в Скире, когда я чувствовал, что нахожусь вместе со всеми и - одновременно - ни с кем. И это притом, что единоверцев у меня хоть отбавляй. В добро и справедливость по-своему верят все. Только не все могут обнажить свою веру - не хватает какого-то человеческого таланта, может быть, бесстрашия, да и тенденция к огрублению манер мешает раскрыться. Так я думал до последнего времени, до той минуты, когда мой товарищ Годар не опроверг это убеждение.

Это случилось, по иронии судьбы, на пустыре, с которого начинается Зона дракона.

Вокруг того события расползлось много грязных сплетен - не хочу разбирать то, что дошло до меня; скажу только, что Белый витязь Годар - воин и друг, каких свет еще не видывал. Если его имя треплют придворные интриганы, то только потому, что не смогли проглотить человека - не по зубам оказался орешек. Неопытность и неосторожность Белого витязя происходят от душевной чистоты. Думаю, провокаторам в Скире это известно.

И все-таки Белый витязь подвел меня - совсем в ином плае, чем думают. Будь он низким человеком, плохим товарищем, я бы не придал происшедшему значения. Но поступок его был

продиктован соображениями, как я понял впоследствии, не последними в наборе человеческих добродетелей.

Суть дела проста. Вспомнив наши озорные дружеские, состязания, когда один опережал другого в пути, стараясь, однако, сделать так, чтобы товарищ догнал и взял реванш, после чего можно было снова устремляться вперед, я, проснувшись по привычке раньше и, сделав все приготовления, вышел в дорогу первым, пока Годар еще спал. Я знал, что он с минуты на минуту пробудиться и вскоре нагонит меня. Перед выездом я снял тент-палатку, не сомневаясь в безотказности солнца - нашего с ним будильника в степи.

Но Годар, проснувшись, не поверил мне. Он решил, что я сбежал на поиски славы один, забыв про него. Он поверил, что я могу быть подлым - вот и вся моя обида на него.

В те минуты, когда он дал мне знать об этом, я покинул Зону дракона – в стыде, в смятении, потому что вдруг увидел, что мир не таков, каким я его себе представлял.

Получалось, что, если я был благороден вчера, благороден сегодня, буду благороден завтра, из этого вовсе не следует, что я останусь благороден и послезавтра.

Стоит допустить формальную оплошность, повлекшую за собой недоразумение, и ты уже взят на подозрение ближайшим другом, почти братом, словно благородство имеет выходные или отгулы. Выходит, и ближайшему другу не понятно, что я не могу быть низким, даже если очень захочу. Если вы нашли мою шелковую ленту где-нибудь в степной пыли - значит, я умер. Притом, физически. Живым трупом я не буду. Не стоит искать в живом человеке изменившую себе душу. Как я поддерживаю в порядке свою жизнь - мое личное дело, моя забота.

С малых лет я думал, что люди, которых я уважаю, благородны. Я шел к ним с открытым сердцем, показывая без опасений каждым уголок своей души. Я думал, что они - такие же, как я. Различие лишь в силе характера, таланта, навыках и умениях. Всех остальных, кого я не мог уважать, я жалел. Чаще жалел, чем презирал,- видит Бог. Единственное, что меня смущало – это частые похлопывания по плечу среди людей моего круга, иногда - со смешком, порой - с недоверием во взгляде. Все это я списывал на счет скептицизма, с которым многие воспринимали мою веру в то, что дракон для Суэнии - враг - и только, а не кара Господня. Призывы к упорной борьбе некоторые считали опасным вольнодумством.

Теперь же я понял - мне порой не верили. Это значит - судили по себе самим. Это значит - люди не благородны в своей массе.

Мне странно было думать так, когда я это обнаружил, странно и страшно.

Я нашел песчаный островок в озерце, укрытый от окрестной деревни холмом, и не сходил с него больше суток.

Мне казалось - я родился и прожил жизнь на таком же островке, как невесть откуда взявшаяся здесь аркала - дерево для городских парков, выведенное суэнскими садоводами. Я был высок и счастлив, потому что не умел смотреть сверху вниз и не знал, как обстоит дело под макушкой. Открывшаяся несоразмерность уязвила мое самолюбие. Я был угнетен и постоянно испытывал стыд - за себя, бывшего столько временем слепым, за людей, которых я уважал; стыд, стыд - много разного стыда. В некоторых причинах я не разобрался. Тот беспричинный стыд был перед самим собой,- и он был самым сильным.

Я не знаю, почему так долго оставался на том островке, задерживаясь с выполнением задания. Мне кажется, что в глубине души я хотел, чтобы Белый витязь, если он разобрался, со своими чувствами, нашел меня там. Если уж честно - мне было жутко глядеть на степь, кружившую за пределами озерца. Я знал - головокружение у меня: то и дело окунаясь в воду, я честно забывал о шляпе. Однако именно в кружении - монотонном, все сужающимся,- мне привиделся прозрачный силуэт дракона - лучи солнца за ним почернели, трава выжухла.

Не сомневаюсь - это всего лишь мое представление. Настоящий дракон – в Зоне, на территории, которой он завладел. Повторюсь - если я и болен, то болезнь моя не душевная.

Я придумал себе причину, чтобы не прогнать Белого витязя, если он появится в окрестности. Любой неблагородный человек просто умер бы для меня, не пойми я, что мир изменился. Если в Суэнии и других странах Земли большинство не имеет четкого представления о чести и благородстве, значит, нужно быть терпимым и снисходительным, пока не восстановится генетическая память. Я понял, почему простые суэнцы тянутся к лубочным сказаниям, а иностранец Годар стремится узнать о прошлом правду. Соотечественники не знают славного настоящего и восполняют недостатки сегодняшней человеческой природы грезами о прошлом. А иностранец скептически высматривает в прошлом еще и бесславие - для подкрепления права на нынешний упадок.

Вот какое обоснование дал я своему желанию остаться Годару другом. Но я был бы не честен с собой, если бы не признался себе, что очень привязался к нему, прямо-таки полюбил всем сердцем и это была первая причина, по которой я простил его - заочно.

Когда он, обнаружив меня, пробрался на островок и встал поодаль - похудевший, понурый, с изумлением и болью в глазах, теплотой и отчаянием, со стыдом таким жгучим, что не смел отвести взгляда, я не сказал и десяти процентов того, что собирался. Все стало на свои места без пространных рассуждений. Нам обоим стало легче. Мне - потому, что его раскаяние спасло меня от плена на острове. Призрак дракона, державший озеро в кольце, исчез. Выбравшись на берег, я взял мешок для провианта и отправился в деревню, чтобы пополнить припасы. С Годаром мы договорились встретиться к ночи на пустыре.

Покачиваясь в седле, я видел, что земля вздрагивает, кидается порой то в одну, то в другую сторону вместе с копытами коня - это означало, что голова моя еще не на месте. Я думал о Годаре и о сторонах Земли, где он жил. Может быть, напрасно обременил я его суэнскими проблемами,- жил бы он привычной жизнью нетвердого в убеждениях европейца. Я же вовлек его в войну, на которой жизнь его, возможно, прервется.

Действовал я, как всегда, из искреннего убеждения, что все люди - даже родившиеся на другом конце света - такие же, как я. Если рядом беда - значит, мы объединяемся и прерываем заботы об устройстве личной карьеры, да и жизни в целом.

Теперь мне известно, что идеалы Годара пребывают преимущественно в умственной сфере, их достижения не обязательно, потому что не диктуется потребностью. Чувство же долга, помогающее держаться с честью при таком характере, у него не развито.

Придется мне усмирять неуважение, которое всегда вызывали во мне инфантильные люди. Годар заслуживает осуждения меньше всего. На его Родине, видимо, жить, как живет он - естественно. Впрочем, не стоит обобщать преждевременно. Ведь он не считает свой поступок естественным и даже просил меня не думать, будто что-нибудь в этом роде может повториться. Я и не думаю. Если я буду так думать, сойду с ума. Вместо него.

Я только вот что думаю: упаси меня Бог когда-нибудь запятнать свою совесть... Если честно, то на месте Белого витязя я бы никогда не посмел показаться товарищу на глаза. То, что он пришел и остался, лучше всего говорит за то, что Годар - не суэнец.

Чувствую - еще не поборол обиды на него. Иначе не посвятил бы страницу копанию в собственных болячках.

Это объясняется дальнейшими событиями. Позже я узнал, что как только мы разминулись с миром у озерца, мой не предсказуемый товарищ подвел меня опять. Но об этом потом.

Въехав на деревенскую площадь, раскаленную, пустующую в рабочие часы, я направился к Управе. Продавец газет в окошке киоска, сонно подпирающий щеку рукой, не меняя позы, приподнял шляпу. А между тем глаза его прощупали меня едва ли не до костей. Стоило, пожалуй, возмутиться - я же испытал новый прилив стыда, словно и в самом деле был виновен. С чиновником в управе я говорил голосом сникшим, бесцветным. Он тоже понадавал мне взглядов - острых, тяжеловесных, въедливых - пока делал вид, что изучает воинское удостоверение. Потом попробовал сообщить мне кое-что из сплетен про Годора, побывавшего в деревне днем раньше и получил отпор, после чего написал записку хозяину продовольственной лавки в которой распорядился выдать мне на выбор продукты для провианта. С запиской я должен был предстать перед хозяином самолично. Для этого нужно было перейти на другой конец площади - шагов триста, не более, но я прошел это расстояние так, словно конь, которого я держал под уздцы, вел меня на эшафот.

Мне слышался шелест флага над управой,- когда я вышел, пригнув голову, из низкой двери, вихреобразный суэнский ветер принялся терзать полотнище, наматывая его на металлическое древко. Мне казалось – вихри насылает дракон, шелест его крыльев подменяет чистый звук прозрачного, полотняного стяга, глядя на который не устаешь волноваться вместе с миром.

Слыша в тот день заветный шелест, я не испытывал ничего, кроме смятения.

Хозяина в продовольственной лавке не оказалось на месте; за стойкой была женщина. Высокая, прямая, в черной косынке, какие носят на деревне в траур. Она сделала то, о чем я мечтал с той секунды, как въехал в деревню - не взглянула в мою сторону. Прочитав, не склоняясь, записку, которую я положил на прилавок, она молча поснимала с полок овощные и мясные консервы, сухари, сухой сок. Это было то. чего хотел бы попросить я, в нужном мне количестве, и мне не пришлось раскрыть рта - женщина надменно пресекла эту возможность.

Торопливо побросав продукты в мешок, я кинулся к выходу. Солнечный свет ослепил меня, чего никогда не случалось. Инстинктивно я прикрылся рукой и подумал: "Ну вот, мир запечатлел тебя, Аризонский, на свою фотопленку. Прокрути ее назад и посмотри на презренные игры своих однокашников в Скире. Пока ты гарцевал в сегодняшний день, дракон лишил эту сильную женщину кого-то из близких, может быть, дочери". Я не знаю, почему связал траур продавщицы с налетами дракона. Думаю, интуиция меня не подвела.

До условленной встречи с Годаром еще оставалось время. Надо было что-то с ним делать. Вместо того, чтобы бежать поскорей из деревни, я решил зайти в храм. Странно: получив от женщины в черной косынке фигуральную пощечину, я стал ступать тверже.

На церковном пороге я перекрестился, в дань уважения седовласому пастору - единственной живой душе здесь - который любезно поздоровавшись, отправился за орган, чтобы ненавязчиво поддержать меня музыкой. Присев на крайний стул в ряду, я расслабился, отдавшись равномерному дождю звуков. Я захаживал иногда в Собор на Дворцовой площади, чтобы послушать органную музыку в бесхитростном исполнении, но не знал, что она может быть путеводителем по времени. Раньше я слушал Баха так, словно он родился и умер на суэнской земле. Я видел в этой суэнской музыке золотистое вино, истекающее в огромную чашу. И медленно хмелел, смакуя каждую каплю, что прославляла дела человеческие. О божественном я не думал и тогда, в деревне. Но теперь я расслышал в музыке несбывшиеся надежды ее автора - надежды на человека, скорбь по нему, мельчающему. Впервые я подумал о том, что Суэния - не пуп земли, а остров:один из островов общей цепи. Ухватившись за одно звено, можно восстановить всю цепь, вытянув из путины когда-то разомкнувшиеся концы.

Бах и простая суэнская женщина стали моими учителями - я робел перед ними, надеялся на них.

Я так расчувствовался, что удивил пастора, поцеловав его при прощании по-мальчишески в щеку, чем нарушил заведенный ритуал.

Я скакал к пустырю, окрыленный надеждой сделать суэнскую землю достойной радости Баха, радости женщины в черной косынке.

Сначала нужно было выполнить свой воинский долг.

Земля без дракона - основа основ, думал я почти безмятежно.

Но не долго длилось мое ликование, которое я хотел затаить до победы. На следующий день я узнал, что в то самое время, пока я находился в деревне, Годар ездил на Холмогоры Посвященных, где засвидетельствовал у Почтенного Сильвестра свой отказ от короны и руки принцессы - в мою пользу; и то и другое король обещал победителю в частной беседе.

Когда Годар рассказал мне о поездке, я подумал, что концы, а может быть и звенья общей цепи разлетелись слишком далеко, что я был самонадеян, думая, что смогу совершить что-то глобальное. Пока что я был не в силах восстановить ровных отношений с Годаром.

Этот человек ищет свидетелей для самых естественных поступков, думая, что я не поверю ему на слово. За что ж он так мало меня ценит? Он придает вселенное значение будничным человеческим действиям, рассматривает их как жертвы. Трудно сказать, чем обернется для него ситуация, требующая настоящего героизма. Если он недостаточно силен, я верю, что - смертью, гибелью в схватке. В этом я не сомневаюсь ни секунды и пока это так, Годару нечего мне доказывать, непонятно, из чего он выводит невозможность моей веры в него. Я теряюсь, чувствуя его недоверие.

...Сегодня к вечеру понял - нужно отползти куда-нибудь и отлежаться, чтобы перестать чувствовать себя убитым. Как ни бодрился я, а все-таки в душе моей, которую я считал крепко сбитой, подтянутой, почти осязаемой, сломано несколько ребер. Просить помощи не у кого. Каждый - хотел он того или нет - приложил к этому руку. Поэтому я попросил белого витязя прервать путь на несколько часов и скрылся за одиноким курганом, не сказав о причинах отлучки. Я не хотел, чтобы он лишний раз почувствовал себя виноватым. Тем более, что беда подкралась ко мне не от него.

Что происходит в Скире, почему он ополчился на меня?- вот что сейчас тревожит, сковывает руки.

Ведь это же ясно: для того, чтобы шуту позволили проникнуть в радиостудию и опорочить мое имя на всю Суэнию, меня должны не любить в Скире слишком многие. Кто они? Ведь я считал – у меня нет врагов. Их имена сейчас наверняка передают из уста в уста. Я же их - не знаю. И Бог с ними – не хочу знать. Я только задаюсь вопросом: за что мне все это? Пусть мои близкие

выказали не самое лучшее, что в них есть. Но почему так жестоко - неадекватно жестоко? А главное - дружно?

Чувствовать себя донкихотом - унизительно. Когда ты высок и непреклонен, тебя называют нелепым. Красивая поступь почему-то представляется смешной, а справедливое мнение, когда ты высказываешь его в обществе, заставляет лица собеседников вытягиваться. В чем дело? Ведь я точно знаю, что я не донкихот. К моему облику - внешнему и внутреннему - эстету не придраться.

Почему же мир относится ко мне, как к нелепости? Сходные ощущения возникают и у иностранца Годара - он все время пробует из дружеских побуждений указать на то, в чем я нелеп. Уже не Суэния, а сама жизнь поглядывает на меня укоризненным взглядом. Кто надел на меня чужую одежду - костюм Дон Кихота, кто заколдовал перед лицом тех, кто мне дорог?

Неужели и Она увидела меня в тот день через кривое стекло, встрявшее между мной и жизнью?.. Она, чье имя я не смею вывести на бумаге, не потому, что боюсь бросить на него тень или стыжусь своих чувств, а потому, что самый большой стыд и боль для неблагородных соотечественников испытал перед нею, как если бы я был королем Суэнии, а Она мне - дочерью...

Годар наблюдательно заметил, что считая инфантильность пороком, я, однако, влюблен в принцессу - инфанту. Нет нелогичности в ответственности за нераскрывшийся цветок, в трепетной борьбе со стужей, к нему подступающей.

Какая отрада, что принцесса далека от злобы дня, гнусная клевета не коснулась ее слуха. Настанет день, когда Она, узнав о конце моего пути, поймет, что если бы влюбленный витязь Мартин Аризонский не отказался бы соперничать с другом за право на Ее руку,- он был бы не достоин Ее сердца. Я принял решение ни в чем не соперничать с Годаром, как только он стал моим другом. И теперь мне грустно от того, что мои решения так предсказуемы, а им все равно удивляются. Или радуются, когда обнаружат, что я решился. Ошибка во времени, господа. Почти всегда - ошибка во времени.

Обо все этом и еще о многом другом думал я час за часом, сидя у подножия кургана, запахнувшись в плащ и уткнувшись подбородком в колени. Перед глазами расстилалась поникшая равнина, густо прошитая бурьяном и осокой, что сопровождала сонно ползущую за косогор речушку. Из осоки вылез, отряхиваясь, тощий, высокий волк с прогалинами в шерсти на боках. Глаза его, казавшиеся издали горящими осколками, были нацелены на меня. Я заметил это, когда стебли только-только раздвинулись. Однако зверь вел себя так, словно вовсе не интересовался моей персоной: опустившись на задние лапы, долго и неспешно рыл носом шерсть, прислушивался, потягивая воздух, к стороне, где шуршала ящерица. Трусливых суэнских волков не боятся даже дети, и все-таки странно, что они сопровождали наше с Годаром передвижение одним лишь воем по ночам. Наконец зверю, что расселся в десяти шагах от меня, заблагорассудилось открыться.

Я выпрямился и расправил плащ - просто для того, чтобы не выглядеть удрученным. Думая о своем, я мимоходом следил за ситуацией. Я видел, что этот запущенный одиночка явно не прочь напасть на меня, и планы насчет того, как загасить его порыв, мелькали, вовсе не тревожа и не сбивая с общего русла мысли. Так тянулось до тех пор, пока я не подумал: "А не пойти ли к нему без оружия, с парой голых рук?" И все серьезные раздумья как рукой сняло. В самом деле: какой же я витязь, если не смогу задушить волка без пушки? Только я подумал и посмотрел зверю прямо в глаза с намерением привстать, как морда его свернула набок, увлекая за собой туловище и хвост исчез в осоке. Я даже шороха не услыхал и продолжал оставаться на месте уже стоя. Я надеялся, что волк, не удержавшись, выйдет снова и тогда я смогу испытать себя. Стыдно признаться - я чуствовал себя при этом обманутым. Неужели так и не будет до конца жизни у меня противника, который не улизнул бы после того, как увидел мой взгляд, ибо врагов своих я не знаю в лицо, но противников у меня было достаточно. Что он увидел в моем взгляде, господи, чего такого испугался? Как ни трусливынаши волки, а одинокого путыника без борьбы отпускают редко.

Мелькнула было глупая мысль: "Ну вот, уже и звери тобой гнушаются".

И сразу - толчок в спину: скользкий, в область правой лопатки. Мгновенно обернувшись, я навалился всем телом на волка, схватив его за горло - ненависть так и брызнула в лицо из глаз-осколков, устремленных сквозь...

Это был тот же волк - я узнал его по прогалинам в шерсти. Он сумел незаметно прокрасться ко мне за спину, но не смог как следует оттолкнуться для удачного прыжка. Теперь же он лежал, напрягаясь, на покатой земле, я же торопливо сжимал кольцо на его горле, как вдруг тело его размякло и я ощутил живое тело, какое можно почувствовать, прикоснувшись к собаке. Не то, что бы мне стало жаль его,- я удивился. Точно помню мысль: "Надо же он тоже..." Этого было

достаточно для того, чтобы хватка моя ослабла. Он же снова напружинился, готовый продолжать бороться. Я знал, что распоряжаюсь его жизнью и поэтому решил отпустить его.

Отпрянув, я позволил ему убраться: туда же, откуда он ынапал на меня - за курган.

После я вытер о плащ руки и взглянул на солнце. Я всегда ищу глазами солнце, когда продвигаюсь в каком-нибудь деле.

Небо было одинаковое - без облаков. Только солнце стояло в его центре, все же кругом колыхалось в языках прозрачных костров. Подул протяжный ветер, ерошащий мои волосы. На несколько секунд я разомлел, прислушиваясь к тому, как тихо стало в природе и во мне самом. Потом повернулся так, чтобы солнечный ветер не смог убаюкивать меня и дальше и надел спавшую во время борьбы шляпу.

На первый раз я отпустил коварного зверя, чтобы дать понять себе самому: ситуация в моих руках. Сцепись мы снова и схватка будет смертельной.

Теперь мне было неприятно вспоминать, как еще вчера степной воздух казался мне сшитым из крыльев дракона. Память о мерзости не должна застилать глаза, иначе не можешь поднять их к солнцу. Но и принимать дары светила до тех пор, пока не будет повержен единственный враг, которого я знаю в лицо, не следует. А знаю я его точно, потому что он ополчился против всего мира.

Уверен: мы с ним друг друга не упустим. Теперь, когда я, приободрившись, записываю впечатления этого долгого дня, мне хочется немедленно продолжить путь к Безымянному озеру. Но в Суэнии скоро опустятся шторы. Белый витязь, наверное, уже установил палатку и беспокоится из-за моего отсутствия.

...Сегодня узнали из новостей, что королевское войско распущено. Его ратникам приказано сдать в суточный срок военные удостоверения, этим приказом власти Скира вынуждают нас прервать задание и мчаться в ближайший населенный пункт.

Но боевого задания в прямом смысле этого слова нам с Белым витязем не давали. Это мы решили биться с врагом насмерть, Его Величество благословил нас, а военные чиновники снабдили нас необходимым снаряжением. Поэтому чехарда в составе королевского войска не может изменить наших планов. Думаю из написанного выше следует ясно, что Мартин Аризонский принимает решения один раз - прежде, чем приступает к действию.

Поэтому, какой бы приказ не последовал по истечении суток, мы с бывшим сотенным командиром Годаром продолжаем следовать велению долга.

С самого начала когда Скирские власти попустительствовали клеветнику, стало ясно, что в нас попросту не верят - в наши силы, в наши возможности в схватке с коварным и мстительным врагом. Опасения Скира понятны. Никто из нас не знает, на что может рассчитывать. Однако, передвинув фигуру на шахматной доске, профессионалы не просят разрешения вернуть ее на место. Мы же - не деревянные фигурки, хотя и служили в одном из составов войска которое является в руках политиков игрушкой отнюдь не потешной. Мы продолжаем надеяться, что войско обретет в будущем душу и свято дорожим честью мундира. Может быть, это прозвучит смешно или самонадеянно, но пока мы верим в суэнское войско оно не будет обесчещено.

И вот еще что... Это уж вовсе нескромно, но послушайте: пока я верю в Вас, господин Кевин, Вы - живы.

2

Инерция прежней жизни еще жила в Годаре. Однако все кругом было присыпано пеплом.

Предвкушение схватки с врагом давало ощущение собственной значительности, что подкреплялось союзничеством великого солнца, которое шествовало высоко над головою вровень - всегда, даже искушая избытком света. Физических сил хватило бы еще на то, чтобы валить каждый день по быку. Он словно вернулся в отрочество, когда мечта посвятить жизнь счастью общества и свято верил в его непорочность, но вернулся иным, скорее постаревшим, чем возмужавшим. Поздний юношеский вопрос:"А изменят ли хоть что-нибудь в мире мои старания?" сменился решением делать то, что зависит только от него. Впереди была достойная цель, решающий привал на пути, который струился раньше, как песок в морскую пучину. Бесполезный бег был остановлен. Но не чувствовал Годар в себе света, особенно в пору бессонницы, когда под брезентом палатки - эфемерной перегородкой между ночью и днем - сходила пена с его вожделений, облезала парадная позолота.

Вспоминая себя в двух составах войска, он нигде не видел в такие минуты своей пользы - всюду он был неуместен, зачем-то мешался под ногами, огорчался и радовался как бы сам по себе и сам для себя, по ничтожным поводам.

После двух таких ночей Годар стал тщательнее следить за обмундированием, бриться, как и Мартин, каждое утро, а не через день, как раньше. Выкроил он время и для регулярного ухода за конем - без внутренних ссылок на отсутствие настроения. Тем более, что с Мартином они стали говорить реже, потому что встречались, в местах, где гряда холмов, поделившая пополам территорию, на которой искали дракона, прерывалась ненадолго равниной.

Обычно Годар, заметив прогалину в кряже, перебирался на территорию Мартина и они делали привал. Или просто обменивались впечатлениями. Либо, продолжая двигаться каждый своей тропой, приветствовали друг друга издали.

Обе стороны разделенной дороги отличались одинаковой проходимостью, поэтому шли они не видя друг друга, вровень.

Если же Годар обгонял Зеленого витязя, то дожидался того у перевала.

Мартин, однако, опередив его, задерживался не часто. И никогда не приходил на его половину дороги.

Однажды Годар, будучи уверен, что шел с опережением, прождал его возле расступившихся холмов дольше обычного, а когда, забеспокоившись, перешел по ту сторону кряжа, заметил Зеленого витязя впереди, недалече.

Привалившись плечом к валуну, тот делал записи в блокноте. Значит, он нарочно обогнал его, чтобы выиграть время для привала в одиночестве. Годар заподозрил, что Аризонский избегает его.

А еще Годара преследовала мысль о том, что тот стремится оградить его, как ненадежного, от схватки с драконом. Этот вывод он сделал после того, как Мартин, предупредив его ближе к вечеру об отлучке, исчез до самой ночи, вернувшись же, обронил с натянутой улыбкой что-то насчет интуиции и зрительного обмана. Если Мартин предчувствовал в том день встречу с драконом, в местности, куда отправился один, то почему не позвал его?

Годар хотел бы, чтобы Зеленый витязь располагал его жизнью как своей.

Нет-нет, да и закрадывалась в голову обескураживающая мысль о том, что нет в его жизни ничего полезного для Мартина, такого, чем бы стоило располагать. Что их дружба жива только на одной половине - в сердце Годара. Что не искупить ему даже кровью своего опрометчивого поступка, потому что кровь его прольется бесполезно. Сколько Годар не ломал голову над тем, какую жертву принести Мартину, ничего из его затей не подходило к реальности - все, казалось ему, было у Мартина.

Нечего Годару было дать Зеленому витязю. Тот был сам себе и другом, и учителем, и оруженосцем. Опять пришел Годар к выводу, что единственно-необходимая жертва, которую он может принести Аризонскому, заключается в том, чтобы освободить того от своего присутствия, удалиться, попрощавшись, якобы в сторону Холмогорья Посвященных, а на самом деле – в глубину степи, по следам других беглецов. Но как раз на эту жертву Годар не находил в себе силы. Он был слишком привязан к Мартину и захвачен его идеями и целями, продолжая однако, внутренне многому сопротивляться. Годар был достаточно посвящен в мысли Мартина и считал, что научился угадывать чувства, которые вызывают у друга то или иное действие, слово, поступок. Все вместе - мысль и чувства Мартина по каждому конкретному поводу - Годар называл порывом ветра. Каждый подмеченный порыв, адресованный вовсе не ему, Годар невольно примерял к своему ужасному поступку и - содрогался. Порой ему хотелось попросить Мартина, чтобы тот так не думал, ведь все произошло не совсем так, как ему представилось. Но Годар молчал и все чаще, спотыкаясь о мысли Мартина, думал о себе мыслями Мартина, чувствовал его чувствами. Существование рядом с другом в которого он сумел единожды не поверить превратилось в непрерывный самосуд.

Это усугублялось тем, что на протяжении дня Годар делал несколько ошеломительных открытий.

Отсчет открытий, расширивших его представления о личности друга, начался с минуты, когда Мартин в ответ на его полушутливый вопрос о том, каким указом начнет будущий король Мартин I свое правление, пожал плечами и простодушно ответил (это было в первый день продвижения по Зоне дракона):

- Не знаю. Королем мне не бывать. Если ты имеешь ввиду заманчивое предложение Кевина, то я решил не принимать его к сведению еще в Скире.

Сказав это, Мартин почему-то осекся и, взглянув с тревогой Годару в глаза, продолжил тему голосом, в котором затаился неразгаданный порыв ветра:

- Я посчитал, что есть вещи которые друзья не делят. Среди таковых - престол, рука принцессы. И потом: не стоит убивать за награду. Как ни крути - мы все-таки готовим убийство. А ты как думаешь?

- Я тоже так решил. И зафиксировал вчера решение у почтенного Сильвестра, - признался обнадеженный Годар. Он был рад, что их решения идентичны.

Однако, рассказав о своей поездке, добавил:

- Но зачем тебе отказываться от руки Адрионы - ведь ты любишь ее. Перемени решение, Мартин.

- Зря ты ездил к Посвещенным, - сказал печально Мартин. - Зачем тебе нужно было удостоверять решение? Разве бы я не поверил твоему слову?

У Годара испортилось настроение.

- Я боялся, что ты не поверишь мне после того, что произошло тогда.

- Но я верю. Верю тебе. Всегда, - в голосе Мартина сквозила обида, а Годар расслышал только осуждение.

И сник окончательно.

- Мне кажется, ты никогда не простишь меня, - промолвил он, стушевавшись.

- Но ведь если мы вместе, значит, все в порядке, - заметил Мартин. Ветер в узде его голоса прояснился, потеплел, - только уточни, пожалуйста, - ты говоришь о прощении или о снисхождении? Простить - не значит смириться.

- О понимании, только о понимании! - пылко возразил Годар. - ты ничего не сделал, чтобы понять, почему я так поступил.

- Разберись с собой, Годар, - сухо посоветовал Мартин.

Этой фразой он потом не раз обрывал их разговоры, которые все чаще принимали характер затяжных споров.

Зачинщиком в спорах выступал Годар.

"Все осталось по-прежнему. Я верю в тебя", - говорили уста Мартина, а взор его туманился, когда на лице Годара отражалось сомнение. И Годар не просто верил Мартину - он не смел ему не верить, не позволял себе не верить: ноющая рана в его груди хранила память о каждом движении раненой им птицы - душе Мартина. Он чувствовал, что каждая капля недоверия подтачивает ее силы - как бы она не крепилась и не пряталась теперь от Годара. Но не следовали, никак не следовали вера и прощение из того, что он знал об убеждениях Мартина!

Первый серьезный разговор случился на вторые сутки передвижения по Зоне дракона, когда из утренних радионовостей из Скира они узнали о роспуске нынешнего состава войска.

Никого не арестовали. Просто приказали вернуть всем воинские удостоверения - в созданный срочно Гражданский комиссариат или в один из участков полиции в любом населенном пункте. Поводом к расформированию послужило уличение нескольких офицеров в спекуляции шелком, предназначенном на казенные нужды. "Нашелся яд и для самого живучего в истории королевского войска состава - имя яду было "коррупция", - патетично констатировал диктор.

Мартин, умеющий понимать подтекст Скирских властей, сказал, что король испугался, что он не хочет искушать дракона. Роспуск войска обязывает их прервать продвижение к Безымянному озеру и вернуться если не в Скир, то в ближайшую деревню. Король, вероятней всего отказал им в поддержке, иначе бы сохранил нынешний состав до конца их похода.

- Я уже бросил вызов дракону и буду действовать вопреки воле короля, - сказал Мартин категорично, как отрезал. К Годару он в этот момент повернулся полубоком и ни о чем не спрашивал. Однако Годар почувствовал, будто птица робко коснулась его груди слабым, невыверенным движением. Он встрепенулся, нежданно обнадеженный, и, кажется, помешал своей неуклюжестью возвращению...

- Я поступлю так же, хоть ты и не одобряешь мой выбор, - к первой части фразы подтолкнула Годара его Белая собака, а вторую же вложила в уста Черная, которая не отказывала себе в праве голоса даже в минуты торжества сестры. Такие фразы срывались у Годара все чаще.

Мартин, не поворачиваясь, сухо спросил:

- Какой выбор?

- Тебе не нравится, что я упрямо хочу драться, несмотря на неподготовленность, не так ли? Разве ты не отозвал бы меня в Скир на месте короля?

- Я слишком честен сам с собой, чтобы допускать околичности. Ты сделал выбор и я его уважаю, хотя и считаю поспешным. Но в твоем выборе есть доля моего участия. И я, как могу, несу за него ответственность.

- Все правильно. Это и есть признак того, что ты считаешь меня ненадежным.

- Это признак моей теплоты к тебе, Годар. Не понимаю, почему ты каждый раз решаешь вопрос о доверии ко мне снова и снова?

- Что ты! Вопрос о доверии решенный. Я как раз хорошо вижу твое великодушие. Но я хотел бы, чтобы ты увидел логичность моего пути. Тогда бы я не казался тебе безнадежным неудачником, которого следует щадить. Прости, что напоминаю, но в тот день, когда ты уехал и не оглянулся, я сделал зигзаг. Тебе мой зигзаг показался таким же противоестественным, как мне - твоя манера приближаться к другу спиной. Я очень подвел тебя. Но сделал из своей ошибки оргвыводы. Мне кажется, как ни кощунственно звучит это сейчас, после известий из Скира, эта страшная ошибка помогла мне пересмотреть свою жизнь и дала наводки на будущее. Возможно, если ты увидишь свою долю вины в той истории, - а она мизерна по сравнению с моей, - то сможешь в дальнейшем изменить кое-что к лучшему. Пойми, наконец, нельзя требовать безоглядной веры. Хотя я в тебя верю безоглядно.

- Разве я в чем-то упрекаю тебя, Годар? Разве чего-нибудь требую?

- Нет. Но ты не хочешь пересмотреть ценники, которые расставил у человеческих поступков чисто умозрительно.

- Но ведь я оплачиваю счета. Если я и требую, то, клянусь: не больше, чем с себя. Король вот решил, что чистота моего имени - цена за отказ от схватки с драконом. Он пробует шантажировать меня. Так поступают те, кто не знают моего конечного пункта.

- И каков твой конечный пункт? - спросил Годар, недобро усмехнувшись. Ибо в глубине души считал, что среди черт присущих Черной собаке Мартина, главная - чрезмерная привязанность к чистоте своего образа.

Мартин сердито бросил, покосившись на него, свою патетичную формулировку:

- Стать Человеком.

- Недурно, - заметил Годар, не скрывая сарказма. - А если этот Человек - не более как образ и подобие тебя? Неординарная личность, поднявшаяся над обществом своего времени? Разве король провинциальной Суэнии виноват, что не может разглядеть и оценить твоей высоты? Тем более, что исключительность сочетается у тебя с причудливыми поступками, когда ты не хочешь заметить, как обескураживают они идущего следом.

- Возможно, я выше других, - пылко возразил Мартин, - возможно, что у каждого - своя стартовая площадка, хоть я и думал совсем недавно, будто все мы одинаковы. Возможно, я и сейчас продолжаю думать о людях лучше, чем они того заслуживают. Но я не согласен с тем, что веры в честь, достоинство и дружбу - достояние исключительной личности. Я смог бы довести до пункта назначения любого, кто принял мой путь.

Годар стоял напротив Мартина, как вкопанный, и усмешка не покидала его лицо, хотя слова Зеленого витязя оказывали на него магическое воздействие. Их можно было повторять, как заклинания и напасти расступались, безверие и ожесточенность, огрызаясь, пятились назад - пядь за пядью. Нестерпимо занывала пустота в груди, словно прозрачное крыло встречного воздуха нечаянно сорвало запекшегося корку. Годар внимательно посмотрел в лицо Мартину - ох, если б это он, а не ветер! Но взгляд Зеленого витязя был отсутствующий...

- Суэния отвергнет тебя, как и всякое замкнутое государство, для которого самобытная личность - все равно, что раковая клетка, - сказал Годар, желая в глубине души, чтобы Мартин нашел убедительный, контрагумент. Только что Годар "защищал" короля, а теперь принялся за критику королевства. Он и сам не понимал, что с ним делается, и это в ту минуту, когда сильнее всего хотелось, чтобы Мартин протянул ему руку.

- Если государству необходимо уничтожить меня, чтобы выбраться из пропасти - пускай, - сказал Мартин с несвойственной ему горячностью,- Пусть она возьмет мои силы без остатка. - может тогда я смогу быть счастливым.

- Сегодняшнему королевству тебя не понять.

- Пусть это звучит и нескромно, но настанет время, когда Суэния дорастет до... памяти обо мне.

- А если не война, и ты не король, что ты будешь делать в Суэнии?

- Я - мелиоратор.

- Это не то, в чем можно раствориться без остатка.

- Может быть. Конечно, мне хотелось бы большего. И если честно, то я растерян от того, что предпринял король. Но думаю, я с этим справлюсь.

- Порой мне кажется, что не я, а ты - гость из будущего на этой Земле. Дай Бог, чтобы это было так, - сказал Годар со смесью скепсиса и гордости за друга. Он поймал себя на ощущении, что в его удовлетворенности от аргументов Мартина есть что-то нечестное. Не поддразнивает ли он друга, чтобы рассмотреть получше его Белую собаку? Потребность в прекрасных человеческих душах делала Годара тайным эстетствующим созерцателем. Завязывая дружбу как деликатный товарищ, он превращался со временем в утонченно-капризного деспота. Любуясь людьми, которых идеализировал, Годар позволял себе диктовать поправки, которые хотел бы внести в пленивший его образ.

С Мартином дело обстояло сложнее. Все поправки, которые Годару хотелось бы внести в образ друга - еще до конца не сложившийся, не понятый, не только не прибавляли тому красоты и добра, но и создавали угрозу его счастью. Ибо с каждым новым поворотом дела или разговора Годар обнаруживал, что счастье и высота Мартина не там, где он думал намедни. А между тем его нелицеприятные комментарии смущали Мартина, сбивали того с толку. Слишком близко принимал Зеленый витязь к сердцу чьи-либо аргументы.

Поймав себя на мысли, которая посещала его в Скире и о которой он почему-то забыл как раз тогда, когда должен был лишь виновато помалкивать, а именно: с Мартином нельзя говорить, как с другими - играючи, не задумываясь о воздействии сказанного, Годар измучился от угрызений совести за то, что наговорил другу уже после своего ужасного падения. Выходит, что встряска не отучила его от досаждающих привычек. А еще получалось, что Годар невольно продолжал, но затухающей, оскорблять Мартина недоверием...

Зачем ему нужно было постоянно выманивать для созерцания Белую собаку Мартина, если он верил в ее живучесть? Неужели Мартин прав - неужто он снова и снова решает один и тот же вопрос? Кроме того, оказалось, что Черная собака Мартина Аризонского заключает в себе вовсе не те черты, наличие которых препологал Годар. Чистота и самоусовершенствование занимали Мартина лишь как средства к куда более серьезным и достойным целям. Аризонский верил в Человека вместо Бога, - может в этом его пресловутая Черная собака? Но разве можно считать изъяном чистосердечную веру?

Чем больше приглядывался Годар к контуром Черной собаки Мартина, тем естественней становились краски мира, потому что кроме оправы, к которой он подбирал темные стекла, не было в его руках никакого другого материала.

И Годар был искренне рад, когда открыл, что Черная собака друга, вероятно, так крохотна, что не стоит трудиться обнаружить ее невооруженным глазом.

Но радость затопила очередная волна угрызений совести, накрывшая его на сей раз едва ли не с головой. Как же он не понял Мартина, сказав ему, будто шут Нор имитировал еще и двойника его Черной собаки! Нор имитировал Белого двойника, все остальное было грязной клеветой - без просветов в виде раздувания соломинки до бревна. То, что Годар принял к сведению бесталанную игру шута, целиком покоилось на его совести. И пока это было так, пока Годар находил в своем сердце прегрешения против Мартина, - он, как ему чувствовалось, был недостоин идти рядом с другом. Как ни хотелось ему получить настоящее прощение от Мартина, Годар знал - душа его не примет незаслуженного. Порой Мартин принимался хвалить его как прежде, и Годар сникал, потому что еще не пришло время. Он ждал признания, как манны небесной, но когда ловил на себе ободряющий взгляд Мартина, незаслуженная радость перерождалась вскоре в приступ звериной тоски, ибо не мог он позволить себе обмануть друга еще раз - обмануть хоть в самом малом.

Несмотря на то, что реакция скирских властей на неповиновение двух сотенных командиров была предсказуемой, сообщение, переданное в радионовостях через сутки, потрясло своей жестокостью. В нем с удовлетворением говорилось, что все ратники расформированного накануне состава войска сдали воинские удостоверения к установленному сроку. Исключение составил бывший командир Зеленой сотни Мартин Аризонский, который бежал в истекшие сутки из страны.

О Годаре в сообщении упомянуто не было, словно он не въезжал в страну вовсе.

Мартин в это время возился с палаткой, спиной к трещащему в траве радио.

Услышав свое имя, он выбросил папиросу и ушел на несколько шагов вперед.

Годар, накрыв приемник ладонью, машинально придавил его к земле: звук высох - доносилось лишь размеренное сипение. Он повернул выключатель и почувствовал себя неловко в установившейся вдруг тишине: слишком огромной и бездонной для двоих.

- Пошлите же мне хоть врага достойного! - сказал Мартин глухо, подняв лицо к солнцу.

Это прозвучало, как приговор, который Годар немедленно адресовал себе.

Обернувшись, Зеленый витязь добавил издали, однимиы губами:

- А ведь я рос у Кевина на руках.

Подойдя к Годару вплотную, он спросил - жестко, со спокойным отчаянием в голосе:

- Ну почему жизнь бьется об меня, как об стену? Не я бьюсь. не я. Уже она. Чем я ей мешаю?

Только что своим восклицанием Мартин аннулировал Годара, как друга. Теперь он вычеркивал из жизни себя. Он так и сказал:

- Может, в конце концов, взять и уступить ей дорогу?

- Ну, это ты зря, - горячо возразил Годар, - если ты и преграда, то для банальной, выродившейся части.Она и в самом деле проклятущая – эта постылая жизнь со всеми ее частями... Но ты меня не слушай.

Годар замолчал, не в силах найти нужных слов. Все,что ни говорил он за последние дни Мартину, носило нравоучительный оттенок. Зеленый витязь рос в его глазах слишком быстро. Превратившись вчера из однокашника в старшего друга, сегодня он стал учителем. Душа странника по инерции сопротивлялось авторитету. Ученик позволял себе отчитывать учителя, диктовать тому, каким ему быть, чтобы ломать и выстраивать себя по нему не так скоро и болезненно. Или еще почему-либо. Годар не успевал разобраться с происходящим, хотя ни на минуту не прерывал размышлений. Мозг его бессильно ворочал уже не мыслями - каменъями беды. Вот и сейчас сердечное слово не успело сойти на уста, сбитое очередным камнем. Тяжесть заключалась в мысли, что равнина на фоне которой стоял вопрошающий Мартин, равнина со спаянными взгоръями, где небо поднималось и ниспадало пронзительно-голубым плащом, словно покоилось на плечах невидимого витязя - тоже часть Белой собаки Мартина. И он, Годар, не имеет никакого права присутствовать здесь, платя за лицезрение такой красы одними порывами сердца - даже не словами! Прекрасное навсегда приобрело для него привкус горящих маков. И если Годар не мог ничего привнести в приоткрывавшуюся жизнь, то должен был вырвать оба глаза, чтобы прекратить утонченно потреблять ее.

Отвечая на свои мысли, он, потупившись, сказал:

- Знаешь, я постараюсь... Да, я постараюсь. Жаль, что ты не показал свою Белую собаку всю, как она есть, раньше. Знай король тебе лучше, он бы так не поступил. Если конечно, доброжелательности в Кевине больше, чем коварства.

- Я показываю, Годар, - возразил Мартин устало, - я раздаю всем фотокарточки с автографом, а мне возвращают негативы и восклицают с изумлением: "Посмотри, вот ты, оказывается, каков!".

- Ты все еще не понял меня, Мартин.

- Но ведь и тебе, Годар, попала в глаз соринка. Как и многим. В этом есть какая-то закономерность. Ты сам советовал мне ее отыскать.

- Закономерность только одна: ты - сверхчеловек и не умещаешься в поле обычного зрения.

- А может, просто глаза зашорены?

- У всех? - вырвалось у Годара. Он пожалел о сказанном, как всегда, постфактум.

Мартин, приняв неосторожное обощение, сказал упавшим голосом:

- Раньше я думал, что люди держат меня за Дон Кихота. Но в адрес Дон Кихотов не злословят, их по-своему любят.

Он отшвырнул носком сапога приемник от других вещей и заметил саркастично:

- Эта штука нам больше не понадобится. Надеюсь, не достанут нас и Достоверные Источники. Как ты думаешь, нет ли осведомителей у дракона? Среди грачей, например?

Во все последующие дни они продолжали одеваться строго по форме, не забывая бриться и прикрывать полами плаща шелковые ленты, когда дорогу заволакивали клубы пыли.

Во время привалов Мартин садился, обычно, на прогалину в траве. Он стал весел и взял за привычку говорить с Годаром загадками. Облокатившись о голую землю и сбив на затылок шляпу, он поднимал к небу лицо с полуприкрытыми глазами. Искрящиеся капли, вскакивающие на лбу под напором солнечных лучей, стремительно скатывались по впавшим щекам к уголкам губ, где терялись, прерванные неровной улыбкой.

- А не заложить ли нам в степи новый город? - сказал он однажды. – Город имени Мартина Идена. Вот он - человек, хоть и живет лишь на бумаге. Вот с кем хотел бы я посидеть за шахматной доской на офицерском турнире.

- Ты наделил своего Человека с большой буквы собственным именем – ввернул уязвленный Годар. - а кто станет первым адептом новой религии - тоже ты?

Лицо Мартина застилал дым от папиросы, но Годар мог следить за натянутостью его улыбки по голосу.

- Я не одобряю беглецов. Конец Мартина Идена - конец беглеца – неторопливо продолжал Аризонский, и улыбка его показалось Годару стеклом, которое рассыпалось прямо в руках - в руках у него, у Годара. - Хотя, если учесть, что у него никого не осталось... Из тех, за кого нужно отвечать, отдавать долг сына, брата, солдата... - Годар вновь услышал твердую, прозрачную улыбку, но теперь она пролегла в стороне от его ладоней, - если учесть его свободу, то кто ж ему запретит? В конце концов, он не ушел, пока не раздал себя сполна.

- Из чувства долга оставаться не стоит. Остался бы он из любви. – хмуро возразил Годар.

- А знаешь, почему он ушел? - вдруг спросил Мартин пылко, выдвинув лицо из-за завесы дыма - оно было в красных пятнах и глаза Мартина неулыбчиво глядели словно сквозь толщу воды.

- Ну?

- Он стал Человеком.

- Ты хочешь сказать, что конечный пункт...

- ...Это, когда никто не смог стать рядом.

У Годара сжалось сердце. Он инстинктивно сделал шаг вперед и вправо, к прогалине, откуда поднялся в тот же миг Мартин, шагнувший левее.

Напоровшись друг на друга, они неловко рассмеялись и, отступив на полшага, смеялись дольше, чем нужно, выдавливали из себя смех, скручивали его, как бечеву. За это время Годар примерялся к незримой тропе, что пролегла за спиной Зеленого витязя до Скирских ворот и дальше. Пожалуй, и сам Господь Бог не знал ее истоков. Однако Годару подумалось, что он может вернуться к другу только оттуда. Для этого надо было немедленно покинуть Мартина – уже не в начале Зоны дракона, а в ее тоскливой середине. Конь его был способен проглотить с места в карьер любую версту. Но не было времени на отлучку...

А внутреннему взору путь Мартина не давался, нельзя было пройти его умозрительно. "Ах, как я обниму его, когда вернусь!" - подумал Годар, изнывая от тоски по естественным вещам, которых лишил себя ужасным поступком. Он сделал еще одно движение вперед и вправо и вновь ненароком уперся в грудь Зеленого витязя, тоже куда-то шагнувшего. Чувство было такое словно он угодил с разбега в вынырнувшее из-за поворота озерце и не освоился сразу с ощущениями.

На сей раз они отстранились друг от друга без улыбки.

"Видно, он решил, что я к нему просто так, за здорово живешь. Я и сам знаю, что недостоин. Но негоже ему ставить мне то и дело на вид", - подумал Годар зло, отчаянно.

- Давай поиграем в желания, - вырвалось у него тоскливо, почти заискивающе. Движения были скованы, появилась глуповатая улыбка. Годар хотел бы, чтобы Зеленый витязь приговорил его собственными устами к наказанию, которое он отбывал без приговора - к сизифову труду, только в другой бы уж какой-нибудь сфере.

По лицу Мартина стремительно пробегали тени - одна другой тоньше – оно просветлялось, чтобы одарить Годара сегодняшней улыбкой. Вытянув руку, Зеленый витязь тронул его за плечо и промолвил, смутившись:

- Передохни, Годар. Искупайся в речке, поваляйся часок на траве.

Годару показалось, будто у плеча пролег пылающий луч. Он отшатнулся.

- Видно, цена за въезд в город Мартина - сердце, которое единственный житель и соратник подбрасывает на ладони, словно монету!

Бросив эти слова, как сбрасывают досаждающий груз Годар вскочил в седло и умчался на свою территорию, где проскакал невесть сколько верст, как мертвый, не замедляя хода у перевалов и не чувствуя за хребтом передвижения Мартина... "Хоть бы дракон достал нас побыстрее", - подумал он, когда, расслабившись, вновь впустил в сердце боль. Он едва уж выносил зной в груди. Тяжелый, сбивчивый конский топот отвлекал от жуткой тишины.

Летящие во все стороны комья земли, и мелкие камни казались ему живее выцветшей травы, подвижней обгорелых грачей, стремительней облаков, что зависли в небе, как белые мухи. "Скорей бы уж, скорей..." – думалось Годару. Продолжения же этой мысли он не находил.

К ночи того же дня перед тем, как уйти в палатку (в Зоне дракона они спали по очереди, устраивая ночлег посреди широкого перевала), Мартин сказал, упомянув притчу Почтенного Сильвестра:

- Черная собака - дракон.

- Постой. Ты что-то путаешь, - возразил Годар напористо, хотя только что извинялся за давешний спор, - Почтенный называл драконом падшую Черную собаку.

- Черная собака - дракон, - глухо повторил Мартин и отошел в ночь.

- Спасибо, что поставил в известность! - крикнул Годар в полотняную стену, - Я мог бы не уловить поворота в твоих мыслях, а ты бы потом казнил меня за неверное следование логике Человекобога.

Расплатой за резкость было оцепенение, когда во весь следующий день все в душе Годара и вовне молчало и никло. А ночью тянулась во время дремоты одна и та же мысль. Персонажем его снов стала телеграфная лента со словами, набранными стандартным шрифтом: "Я так не хотел". Дубли множились, отрывались, сворачивались. Дубли напоминали кучу чеков.

Прогалины, где сиживал на привалах Мартин, стали походить на островки, к которым Годар не мог отыскать брода. Отдыхая стоя - прислонившись боком к собственному коню и подперев щеку рукой, которая опиралась локтем о седло, Годар высматривал травинки, что шагнули за кайму прогалины, пустив корни в словно дымящиеся у ног Мартина трещины. Самые длинные из таких травинок казались особенно источенными и слабыми, готовыми хоть сейчас сорваться с нестойких и оттого подвижных корней. Сами прогалины тоже состояла из поросли, за нею следовали старые, спутанные, местами полегшие, желтые травы.

Годар притерпелся к зною и не искал в светлой тени Мартина укрытия, как могла бы делать свежая поросль. Он нуждался в примере – непрерывно длящемся восходящем, сияющем. В примере, который бы поднял в его глазах человека и общество. Только такого поднявшегося - человека мог впустить Годар в свое сердце. На любовь к тем ближним, кто пребывал ниже Мартина, Годар мог черпать силы только у Мартина. Он сознавал свой недостаток. И мечтал о времени, когда сможет стать Мартину братом.

Черная собака, считал Годар, может иметь несколько кругов - уровней.

То, что он хотел быть апостолом Мартина, относилось к ведению Белой Собаки.

Нетерпение стать братом - это уже первый круг царства Черной. Ибо брат и апостол сосуществуют не всегда. Братство - претензия на равенство.

Ниже этого круга Годар не опускался и считал свою Черную Собаку застрахованной от падения.

Тем меньше он себя понимал.

Он посадил Черную Собаку на цепь, которую неуклонно укорачивал. Он научился предупреждать ее желания и приучил гадить в собственной конуре. Он поставил между нею и Белой сестрой перегородку из самых возвышенных мыслей, которые неустанно бодрствовали. А между тем поступки его и слова становились час от часу все неопрятней - они напоминали клавиши расстроившегося рояля. Рояль играл сам собой, Годар, спрятав руки за спину, обречено смотрел на это зрелище с высоты, в упор.

Когда он, выйдя из оцепенения, порывался объясниться с Мартином или делал шаг к нему просто так, без слов - светлая тень, покрывающая прогалину, судорожно сужалось, оголенные травы никли и Годар, видевший, как в зрачке, себя стеблем, отшатывался на прежнюю позицию. Светлое зеркало – тень Мартина - принимало привычные очертания. Но стоило Годару, оступившись, случайно податься назад, как круг сужался вновь. Свет не гас, - просто жар уходил внутрь Мартина. Годар изнемогал от причастности к возможному взрыву. Единственный шанс предотвратить беду - не двигаться, казалось Годару. Ничто не ждало его в ближайшее время ни сзади, ни впереди - вчерашний свет померк, завтрашний - обжигал... Земля крутилась как бы мимо его ног, он не знал, куда ускользнуло пространство в широкой степи, над этим нужно было поразмыслить. Но не было, не было у Годара времени оглядывать дали - Мартин воспринимал его неподвижность как противостояние и начинал уж высвечивать собственную душу испепеляющим светом, выискивая и раздувая свою долю вины. От этого Годару чудились волдыри на руках – в форме маковых лепестков.

Можно было поступить по-другому. Шагнуть, обойдя прогалину на цыпочках, к Мартину сзади. Отдышаться, постояв у того за спиной, а после выдать свое присутствие, положив руку на плечо.

Это было посильно: Мартин не ожидал от него такого хода. Но потому то и отменялось, что не ожидал... Любая игра не в правилах Мартина отягощала ситуацию.

Порой Годар восставал в душе против многочисленных правил Мартина, многие из которых оставались для странника аксиомами, несмотря на то, что друг приводил доказательства, но всякий раз смирялся, ибо если он хотел жить вне этих правил, то должен был отступить в свое тусклое вчера. Свет же, брезжащий из будущего - тот, который скрывался за обжигающим, казалось бы, непроходимым началом - был ничем иным, как прозрачной сетью из правил. Вкусить плоды этой сети можно было лишь изнутри, пробираясь по ней до тех пор, пока сплетение не замкнется у груди. Он не должен рассуждать о том, хорошо это или плохо. Необходимо было принять такой способ движения, даже когда он казался абсурдным. В конце концов, прозрачная сеть вела к выходу из лабиринта, на блуждание в котором у Годара не осталось времени. Любой ценой, не медля ни часа, он должен прорываться к Мартину! При непременном условии - грудью, лицом к лицу.

Но почему же так невыносимо - трудно смотреть другу в глаза? Куда он пробирается, за чем протягивает руку - уж не за птицей ли, которую подстрелил? Куда собирается вернуться - уж не на место ли преступления?

Ибо место его преступления - душа. Еще чужая.

Открытие это поразило Годара на пороге в прозрачную сеть. С неоглядной дали спереди блеснула нить давнего разговора... "Я не смогу жить с нечистой совестью" - правило предусматривало невозможность отступления от него, невозможность заключалась в глаголе будущего времени.

Значит, Годар подошел к прозрачной сети с конца... Бессилие прервать собственную неподвижность входило в атрибутику конца. Первым плодом, поднятым с конца прозрачной сети было смутное подозрение - преступление не может быть остановлено, оно живет и действует само по себе, резонируя с законами, принятыми в кодексе чести путника.

А еще Годара преследовала привычка к движению в лабиринте с коридорами из светящихся душ. Если Мартин и захотел бы в виде исключения впустить его к себе со спины, Годар остался бы на месте из гордости. Совесть и гордость были чашами весов. Хуже всего, что он низвел их до карточных фигур. Какая из двух карт выпадет в следующую минуту, он не знал.

Годар попросту не заметил разницы между картами, когда, решив, наконец, приоткрыться Мартину, импульсивно прогнал коня сквозь заброшенный тоннель в скалистом холме и, дождавшись друга на подконтрольной тому стороны дороги, запальчиво сказал:

- Хочешь знать, почему Скир отвернулся от тебя?

- Нет! - вскричал побледневший Мартин.- Нет и нет! Уйди.

Смятенный, разгневанный, он попытался объехать Годара. Однако у того не было времени исправлять бестактность. Немедленно выложить перед Мартином свои ощущения - все равно, что снова ударить его. Промедлить с разговором - бить ежеминутно, рикашетом от собственной груди.

- Я не произнесу ничего дурного!.. Черт побери... Выслушай меня,- взмолился Гадор.

Они проехали рядом с километр, оставив без наблюдения территорию за кряжем, прежде чем Мартин заговорил. Первым.

- Я очень тебя раздражаю, Годар,- связанный в его голосе ветер был натянут как струна, и словно посмеивался над собственной скованностью.

- Напротив, я восхищен тобой. Но, понимаешь, ты - слишком большое солнце, чтобы вызвать только восторг, только благодарность,- Годар открыто подхватил затаенный смех Мартина.- Как бы тебе объяснить... Ну вот послушай. Есть такая притча. О падшем ангеле. Господь решил простить его и разрешил приблизиться к себе. Выпростав крылья со дна пропасти, ангел стал подниматься к небесному простору - все выше, все дальше от места, где мучился прежде. Но странно: чем выше, тем неуютнее ему становилось в лучах, исходящих от сияющего престола. Он ослеп от света и едва не задохнулся от жара, но продолжал подниматься, ибо желал спастись и лицезреть Спасителя. И тогда Господь, сжалившись, прервал его полет... Падший ангел низринулся обратно - в пропасть, где крылья обездвижены дном, и был таким образом спасен.

- Чего только не придумают люди для оправдания низости,- сказал со смешком Мартин.- И какова мораль?

- Погоди. То была не самая удачная аллегория. Здесь нет ни падшего ангела, ни, тем более, господа,- Годар начинал горячиться. Конь его вздрагивал и фыркал. Конь пытался прокрутиться на месте - была у него такая манера, когда всадник расслаблял повод и не указывал направление.-

Солнце не всегда видит черту, за которой свет превращается в огненную стену, особенно, если это суэнское солнце. За чертой происходит насилие светом - кипят воды, выгорают злаки.

- Покажи хоть одно пепелище,- сухо заметил Мартин,- мы, суэнцы, верим только в том, что увидели собственными глазами.

- Знаю-знаю. Вот послушай, во время первого нашего ночлега в степи мне приснился сон про Дон Жуана. Теперь я тебе его расскажу.

Пока Годар нервно начинал свое повествование, усмешка Мартина медленно затухала. Он стал сосредоточенным, даже опечаленным и, когда заговорил, развязавшийся ветер его голоса показался летящим ничком. Это был верный признак того, что Зеленый витязь не поймет странника. Скорбь Мартина, как правило, пролегала мимо цели.

- Твой Дон Жуан... Пойми меня правильно...

- Маленький человек? Правильно ли я тебя процитировал? Я могу продолжить твою мысль с любого места. Это досадное для меня умение. Благодаря ему я никак не выберусь из пропасти. Ты же, глядя издали на тщетные попытки подняться, удивляешься и скорбишь, сокрушенный моей слабостью. Может, лучше не глядеть мне в ноги, пока они не окрепнут?

Как быстро, однако, устаревали его слова. Робко топчась на пороге в прозрачную сеть, Годар успевал освоить чувствами, которым пока не подобрал слов, на несколько сплетений дальше. И теперь он обреченно говорил не нужное и понимал как бы из будущего, что Мартин понимает все по своему, из еще более дальнего будущего, что зря он так с Мартином, зря, зря...

- Я понял, чего хотят от меня люди. Чтобы я стал похожим на них,- сказал Аризанский устало.

- Нет, это не так! - Годар вздрогнул.- Ты воспринимаешь меня с точностью до наоборот! Это ты хочешь, чтобы люди походили на тебя - на твоего человека с большой буквы. А он - личность умозрительная. Ты, слава Богу, лучше его.

- Все верно. Говоря о человеке, я примеряю его качества к себе. Но не требую того же с других. Люди же...

- Думаешь, что не требуешь. На самом деле ты невольно подводишь к черте, о которую можно и споткнуться. Умел бы только видеть, когда и кто упал. Может, обретя такое умение, ты бы лучше понимал меня, меньше сокрушался о прошлом.

- Но я живу проще. У меня нет времени сокрушаться. Я и не подозревал, что в душе у тебя такая буря.

- Беда в том, что я не могу ее показать. Ты сразу начинаешь казнить то, что... невольно породил. Невольно потому, что настоящее солнце не может не жечь. Я не прошу тебя стать таким, как я - для этого ты должен будешь сойти со своей высоты и - угаснешь как Солнце. Исчезнешь в первую очередь для меня. И я знаю, да, знаю, что стечение обстоятельств в том числе и тех, что заданы тобой - не более, чем пробный камень, через который мы узнали, чего стоим и мы сами, и наша дружба. Там, на твоей высоте, солнце пронзительнее и ярче. Но ты устоял, устоял, Мартин. Но не за то я сейчас казню себя, что не поверил другу и оговорил его, а за то, что не разглядел, кто передо мной. Поступить так можно с кем угодно, только не с тобой. Но знаешь, в чем загвоздка - ни с кем другим я так бы не поступил.

- Но почему же? Я не понимаю.

- Потому что это естественно - не верить иногда...

- ... своим глазам, если видишь у человека хвост?

- Не поэтому, а потому, что я верил тебе больше, чем всем.

- Прости, но так мог бы рассуждать Иуда.

- Черт побери, разве мы не договорились, что среди нас нет ни Господа, ни падшего ангела? А предательство мое условно - мы оба это знаем.

- Только сохранилось воспоминание о движении, которым ты попытался выбить меня из седла. Чего ты хочешь... Чтобы я смиренно дожидался, когда условность станет явью?

- Ага, ты все-таки не веришь мне. Вопреки заверениям в абсолютном доверии. Я чувствовал это. Не приняв в расчет мои чувства, ты не увидишь свои ошибки. Я бы хотел, чтобы моя душа послужила зеркалом. Загляни туда, посмотри, как глупо ошибается этот замечательный человек – самый благородный из всех, кого я знал.

- Ты предлагаешь мне помощь? Разве я так жалок? Ну, увижу я где-нибудь ошибку - что дальше? Ведь ошибки ничему не научат меня - не идут впрок, и все тут.

- А знаешь сколько я сделал выводов из той истории?

- Это знаменательно. Не замечал ли ты, Годар - ошибаюсь я, а на ошибках моих учишься ты?

- Я учусь на собственных ошибках!

- С коня едва не свалился я. А перекрестился и обтер пот с лица ты. Ты стоишь с хирургическими ножницами, которые никогда прежде не держал, и размышляешь над тем, что бы еще во мне поправить, обрезать. Почему редко кто от души говорит мне, что я не так уж и плох? Как будто не за что сказать мне доброе слово...

- Но, Мартин, как же ты не расслышал, я только что приравнял тебя к солнцу! Как еще возвысить мне суэнца? Зря ты ищешь скелет моей мысли. Бери ее вместе с мясом.

- Не знаю- не знаю. Мне иногда кажется, что похвала ближнего – способ ужалить меня поглубже. Принято думать, что я прячу сердце. И копать под него долго.

- Ты считаешь: у меня за пазухой - камень?

- Не в этом дело. Просто я не стану идти с тобой в ногу. Пойми меня правильно: однажды я изменил себе - я попробовал на вкус чужой дороги - твоей дороги, Годар. И едва не отклонился от цели. Впредь я буду тверже.

- Не понимаю: что такого ты попробовал?

- Мы потеряли много времени на привалах, копаясь в самих себе.

Годар грубовато и даже агрессивно выложил в руки Зеленого витязя собственное сердце и оттого, как повернет тот разговор, зависела жизнь незадачливого странника. При последних словах товарища грудь сдавил ледяной обруч. Сейчас Мартин и вовсе опустил руки, выронив незаметно то, в чем больше не нуждается...

- Ты оскорбляешь нашу дружбу,- тихо сказал Годар. Ему было необходимо, чтобы Мартин срочно возразил.- Разве мы позволим себе хоть один незапланированный отдых? Те часы, что отнял у нас мой поступок, я переучитывать не хочу.

- Дело не в количестве привалов. Понимаешь, днем следует идти, а не размышлять над ходьбой, ночью - спать, а не мучиться бессонницей. Если так будет продолжаться и дальше, мы станем похожими на скирских недорослей.

- Понятно. Я затормаживаю твое развитие. Тяну назад, сбиваю с толку. А я-то думал, что делишься со мной сомнениями, чтобы услышать совет. Я не знал, что тебе полезней спросить и - заткнуть уши.

- На заре нашей дружбы я был не всегда уверен в целесообразности своих замыслов. Теперь же мы заняты делом.

- Скажи тогда, зачем ты показал мне свое сердце, если не в силах принять меня такого, какой я есть на данный момент - весь в движении, в стремлении стать лучше? Обидно, ей Богу, ты уважал меня только тогда, когда думал, будто я - персонаж из фантазий Ницше: всегда тверд, никогда не ошибаюсь.

- Обидно мне, Годар. Ты по-прежнему сомневаешься в моем уважении.

- Оно никак не следует из сказанного! Скир дистанциировался от огненных стен, которыми окружило себя великое, неумолимое, суровое светило – вот что я хотел тебе сказать. Осознанно или нет, но каждый оказался предателем Света. Я же шел за тобой, как слепой.

- Еще не поздно прервать путь. Ты заметил: скирские власти оставили для тебя дверцу? Тебя не объявили беглецом. Люди Почтенного Сильвестра к твоим услугам, они сопроводят тебя на родину.

- Я шел за тобой, как слепой, и ощутил пламя и клубы дыма в ногах - то, от чего остальные, предчувствуя, уклонились. Я рад своей слепоте, но ты не рад мне - единственный человек, за которым я хотел бы идти.

- Ты рад слепоте потому, что стремишься разрушить себя. Не сумев войти в распахнутые ворота, ты решил сгореть на пороге. Извини, но если бы я захотел умереть, то не стал бы искать смерти от руки друга.

- Я не так сложен, как тебе думается.

- С другим товарищем тебе было бы легче. Ты был бы понятней другому – в этом ты прав.

- Но мне легко с тобой, Мартин! Вопрос только в том, чтобы успеть добыть всю предначертанную нам легкость.

- А если не успеешь? Помнишь, как поступали в старину с подвижниками незадачливые последователи?

- Мне известно, что я только и делаю, что подкидываю тебе камни на душу. Но когда же ты разглядишь их происхождение? Впрочем, мы напрасно тратим время на поиски - ты высказался достаточно определенно. Не потому ли шут Нор навязал меня и тебе в попутчики, что я - обуза? Дабы рассуждая со мной о том, о чем не надо, ты не успел бы дойти, куда надо?

- Это ты сказал. У тебя забавная привычка приписывать мне собственные мысли. Если тебе так нужно, я даже рад послужить тебе зеркалом.Господин Ницше, кстати, входит в круг твоего чтения.

- Если вы не поделили с Нором принцессу, то он дистанциировался дальше других. Помяни мое слово: шут пребывает сейчас у дверей в покои Адрианы.

Мартин побледнел. Изменился в лице и Годар, ибо не ожидал от себя серъезных пророчеств в сфере дворцовых интриг.

- Вперед, быстрее! - воскликнул Зеленый витязь, словно был командиром и натянул поводья, хотя надо бы назад, в Скир. Годар все не мог освоиться с простотой и конкретикой Страны Полуденного Солнца. Из чувства противоречия он и повернул назад, чтобы вернуться на подконтрольную ему территорию через тот же тоннель в скалистом холме.

- Будь добр, если придумаешь новую заповедь - поставь мир в известность,- бросил он через плечо.

Проскакав некоторое расстояние, Годар оглянулся, потому что вдруг расслабился и забеспокоился за Мартина - без досады, по-доброму.

Бросив поводья и заломив руки за шею, ссутулившийся всадник смотрел ему в спину тоскливым, зовущим взглядом. Он отвел этот взгляд, как только Годар оглянулся. Не дождавшись от Мартина помощи, а именно за помощью обращался он к витязю в своем путанном разговоре, Годар неожиданно получил поддержку. Он нечаянно подглядел, что нужен еще зачем-то Мартину. Сразу

сняло, как рукой, добрую половину проблем.

- Встретимся,- заверил Годар одними губами и, неопределенно махнув рукой в сторону Безымянного озера, погнал коня к туннелю.

Это был пат. Сейчас же, без передышки, он начнет новую партию с Мартином и будет проигрывать партию за партией, пока не обрадует его равной игрой. Или, на первых порах, достойной. Проигрыш в его случае - победа по сравнению с патом.

В тоннеле Годара сопровождал такой грохот, будто наземь рушились, по мере его продвижения, тысячи шахматных шеренг. Белая лента, зацепившись за шероховатый выступ у выхода, сползла к локтю. Он снял ее и, свернув, зажал в кулаке вместе с поводом.

Равнина - вся в бурьяне, с сонно журчащей где-то речкой, с единственным, кособоким холмом - покрылась фиолетовыми пятнами и запрыгала перед глазами. Он с натугой покрутил головой. Всюду кружит обмякшая, разомлевшая жизнь. В ней рыщут обугленные грачи, коршун плавает и плавает по небу... Ничто не предвещает близости дракона. Все равно - не стоит больше оставлять территорию без дозора. Сейчас он вздремнет - на две минуты, не больше, необходимо обезвредить память от слов Мартина, чтобы не взять на себя вину за каждый его упрек, хотя прав Зеленый витязь, прав по-своему в любом своем упреке.

Оттолкнув вслепую коня, он прислонил ладонь к ноющим векам и прижавшись спиной к крутому склону, осел наземь. Руки его - легкие, тонкие, как будто кости - из ствола бамбука,- вытянулись вдоль течения по поверхности реки и ухватились за край плавучего столика с шахматной доской. Партнером по игре был стоящий по пояс в реке Мартин. Фигуры на его доске занимали начальную позицию. Зеленый витязь приветливо кивнул ему, предлагая начать партию.

Годар играл белыми. Поглядывая с прищуром на позицию Мартина, он не спеша выстраивал собственное войско. Расстановку фигур он почему-то запамятовал и, когда выстроил свои позиции по позиции Мартина, раскраснелся и приуныл.

Глядя в пустующий центр, Годар притронулся к пешке E2, но вынужден был одернуть руку, ибо нащупал на ее месте короля. Он глянул с тоской на позицию Мартина и тотчас отвел взгляд, вернув его в центр доски. Найдя вслепую клетку E1, Годар ухватил двумя пальцами пешку и попробовал перенести через поле, но снова споткнулся о фигуру короля на E2. Поставив пешку на место, он отодвинул плавучий столик, намереваясь выйти на берег, но поймал на себе доброжелательный взгляд Мартина. Разочарование и сочувствие в этом взгляде были тщательно замаскированы. Мартин улыбался подбадривающе, без натяжки. Хмуро, но бодро Годар поочередно пробовал протолкнуть вперед другие пешки, но ни одна не продвинулась, ибо натыкалась на спину могущественной фигуры. Он сдвигал фигуры с места и тотчас возвращал обратно, пыхтя и досадуя на собственную беспомощность, он пытался отодрать от доски хоть одну пешку, но приподняв ее на сантиметр, пугливо отдергивал руку и пешка ровно, с пристуком воцарялась на исходную позицию.

Так продолжалось до тех пор, пока Мартин не предложил из великодушия отложить игру. Партия продолжалась пятнадцать минут - время фиксировали часы на столике. Первый ход сделан так и не был. Кто-то похлопал его, удрученного, по плечу...

Проснувшись, Годар вспомнил расположение фигур на доске и сразу увидел ошибку.

Да-да, фигуры Мартина, а следовательно, и его, были расставлены неверно.

Пешки находились сзади, на первой горизонтали. Движение им перекрывали собственные фигуры, занявшие вторую - пешечную горизонталь.

Даже во сне, где бываешь сам с собой откровенней, чем хотелось бы, Годар не позволил себе увидеть той ошибки Мартина, не стал упрекать его в своих мыслях - так чисто думал он всегда о Зеленом витязе, так верил в него, упрекая лишь в спорах - пустыми словами.

Ну что, если Мартин и в самом деле играет в другую игру, только ему одному известную и не понимает по этой причине, почему не ладится игра у партнера? Вероятно, Зеленый витязь называет свою игру шахматами. Почему же столь опытный шахматист не замечает очевидной ошибки?

Годар заглушил порыв съездить к Мартину, чтобы разобрать сон вместе. Обида за упреки в самокопании сидела крепче других. Но не будет, не будет больше религиозного поклонения, благоговейного трепета. Только хватило бы Мартину мужества превозмочь боль, когда Годар сделает в своих поисках неверный ход. Все дороги к смерти должны быть отринуты - одна за одной.

Первое поле на таких дорогах с треском проломится - это значит, ступил его конь.

А между тем тело его не слушалось приказов - тяжелело и знобило, спина и затылок не могли отлипнуть от склона. Смятая шляпа словно растекалась по шее и затылку. Ему казалось: падают медленно кружа, редкие хлопья снега.

Годар потер онемевший кулак, в котором сжимал шелковую ленту. Стоячая теплота затрепетала на пальцах. Размяв всю руку, он распространил ожившее тепло дальше.

Расслабляя поочередно мышцы, Годар осторожно подводил себя к тому, чтобы пригубить аромат степи. "Не Суэния меня породила, но она соприкасается со мной своей землей и своим небом",- подумал он взволнованно, и спазм в горле пресек развитие мысли. Посмотрев бездумно на снежинки, он обнаружил, что это - бабочки. Приземистый куст полз из растресканной глины бочком – к месту, где он сидел, и выворачивал листву, ссорясь с ветром. Не Годар его посадил, но есть ведь у скитальца право глядеть на дарованное другими скитальцами, ибо и земля и небо Суэнии заблудились в скитании – Годар остро ощутил это сейчас, изнутри. А если бы и не заблудились, а просто вековали век на стоянке кочевников, он достоин любить их непритязательной любовью странника, не предлагая ничего взамен, кроме опоры в своем сердце. Стоит ли доказывать самому себе, как это делает Мартин, что он достоин себя и жизни? Фигура в игре Мартина с надписью "Умру, если совесть моя нечиста" сама по себе возражений не вызывает. Но на своем ли она месте, туда ли идет, не устраивает ли связку собственным пешкам?

Чувствовалось, что некая фигура под ее прикрытием способна сделать ее роковой при совместном действии. Тут что-то не так. Чувство вины слишком неадекватно. Годар должен найти ошибку, в силу которой ненастоящее предательство карается взаправдашной смертью.

Он незаметно для себя поднялся и вытянул свободную руку с развернутой к просторам ладонь, сделал несколько робких шагов, словно мечтал обнять девушку. Звон речных струй был еще слишком радостен, прозрачен, громок для его угнетенного слуха. Однако он сумел угадать берег в зарослях бурьяна и осоки. Годар побежал, тяжело касаясь земли, к реке, сбрасывая на ходу одежду, нырнул в воду, не затормаживая, а после, находясь уже в седле, блаженно вдыхал всей кожей свежесть прозрачных, нежных пеленок, ибо тело его хранило память о серебристых струях.

Встречный ветер донес запах большой воды, стало ярче, просторней.

Холмистый кряж пошел на снижение, тогда как равнина округлилась и поползла вверх.

"Неужели уже?" - подумал Годар в настроении тревожном и радостном. Под копытами четко, полнозвучно отдавалась изменившаяся земля - побуревшая, с мелкими голубыми цветками.

Стрелой пронесся последний километр. Почти одновременно они вступили с Мартином в море свежей, сочной, словно орошенной травы: колышущееся травяное море во всех концах и - голубоватая дымка на горизонте - покров для невидимой дали.

"Еще не озеро",- спокойно отметил Годар.

Он поприветствовал взмахом руки появившегося сзади всадника, а потом, черт его дернул, развернулся и обскакал того по кругу, почти как в день своего мнимого предательства. Но теперь он был пьян весельем. "Если чувство вины изгрызло через меня и сердце моему другу, я

рассмеюсь в лицо совести!" - думал Годар, кусая губу. Он словно предлагал всем видом Мартину- "Делай, как я, взгляни с улыбкой на свою половину доски", ибо не мог он позволить себе смеяться над чужими ошибками, а с сего часа - и указывать на них пальцем. Кто знает, может услуга лучшего друга в том, чтобы не сказать. Не всем, наверное, стоит отягощать ближнего. Не всем из того, что забирается в голову в момент речи.

Смешно и грустно было ему поглядывать на вытянувшееся лицо Мартина, на впавшие его глаза, в глубине которых затеплилась, пробиваясь, подобно колючим травам, улыбка горькая, больше вежливая, чем искренняя. Однако они сумели разбавить сухость, идя рядом рысью, чарочкой анекдотов.

Дорога, которая не к смерти - Годар это знал,- пролегала где-то здесь. Отсвет от дорог Мартина сужал зону его поисков. Куда ни гляди, а дороги к смерти в парадоксальном мире Мартина Аризонского обрывались жизнью...

И все-таки он упустил эту возможность выхода, потому что проход оказался узок для двоих. Где не смеются двое, не засмеется ни один.

А Мартин - не смеялся.

Годар дежурил под утро следующего дня у палатки, когда Мартин, проснувшись до срока, вышел вскоре на свет при полном обмундировании и, не проронив ни слова, прошел на два десятка метров влево. Там он сел спиной в мерно колышущиеся травы и застыл, как дерево с невидимой путнику макушкой, достигшей где-то за облаками небесной тверди. Сжался внутри сердцевины надтреснутый ветер.

Годар подумал-подумал и, не выдержав, зашел к нему спереди, присел поодаль, напротив.

Руки Мартина, лежащие вдоль пропыленных колен, походили на две тихие струи - не то солнечного света за стеною дождя, не то вод серебристой реки. Тихий свет струился вниз, в землю из золотистой челки на высоком лбу. Изумрудно золотистые капли скатывались по почерневшему под загаром лицу, как падающие звезды по вечернему небосклону. Сомкнутые веки вздрагивали и через них тоже падал в землю искрящийся пот.

Вовсе не больно было Годару от такого света, а между тем сердце тоскливо сжалось.

Словно почувствовав это, Мартин открыл глаза и вздрогнул.

- Прости, я потревожил тебя,- виновато сказал Годар, стараясь не смотреть в затравленные и одновременно - спокойные глаза витязя.

Мартин прикрыл, залившись краской, мундир полой плаща, ибо на нем не было шелковой ленты.

- Это ты прости. Я забыл поздороваться, забыл надеть ленту,- торопливо проговорил он, намереваясь поскорей бежать за лентой к палатке. По отчаянию, которое стремительно заливало его взгляд, по глубинной израненности, выдающей виноватого человека, когда он смотрит на жертву, Годар увидел, что и он сам, и мир в целом были для Мартина зеркалом. Глядя туда, он не мог не казнить себя за изъяны, которые обнаруживал. Этот человек спрашивал с себя, как с Бога. Ветер отторжения, которому сопротивлялся Годар в Зоне дракона, шел из глубины подсознания Мартина и был адресован и себе самому, как частному случаю Человека. Все, что задерживало их на пути к цели, было в его глазах подлым или ошибочным. Мартин же не давал себе права на ошибку.

Годар вдруг прочел в новом свете надпись на одной из зеленых фигур: "Черная собака - дракон".

Вот он – ферзь! ***Черной собакой Мартина было неверие в Черную собаку, отказ ей в праве на жизнь.*** Зеркальное ее отражение вызывало чувство вины, граничащее с самоуничтожением. Вряд ли Мартин понимал, из чего состоит его Черная собака, ему невыносим был сам факт ее наличия в мире. Витязь поворачивался спиной к темной половине зеркала, и тогда жизнь, брызжущая оттуда, ежась или стервенея кидалась на спину, билась об нее, как об стену.

Бог ты мой, Мартин уже в колеснице и поздно торопить его или просить помедлить!

Ясно одно: после всего содеянного, высказанность и недосказанного в свой адрес Мартин не простил Человека.

Это означало, что он не простил себя.

Только кровь дракона могла изменить перекос - смыть вину и вернуть Мартину веру.

Перебирая в памяти нити разных разговоров, Годар нащупал в сплетении прозрачной сети еще один узелок... Необходимо приглушить вред от советов, которыми он напичкал голову Аризонского, еще одним - последним - советом.

Попросив витязя задержаться, Годар сбивчиво выговорил:

- Послушай, если ты сможешь позволить себе убить дракона и сочтешь свой поступок подвигом, а не убийством, тогда ты станешь, кем хотел.

Про себя же Годар подумал: "Стать еще выше смертному не возможно. Только бы он понял это попозже. Как же мне повезло - я встретил в жизни бога. Да!

Да! Да! Повстречавшему бога даруется бессмертие. Ибо бога невозможно разлюбить. Стяжательство живых душ, а рядом: смерть - равнодушие, смерть - забвение, смерть - разлука и другие ипостаси предательства, положенного в основании лабиринта из светящихся коридоров НЕ ЖИВУТ на территории богов. Настоящие же боги - всегда на половину люди. Бог узнается по сердцу, страдающему от избытка. Задача смертных - спасать своих богов. Только это и требуется для вечной жизни... Но будь проклято бессмертие, положенное в основание памятников убиенным богам!"

- Ты был прав, когда спросил: "Где мое место, если в мире не война?" - произнес Мартин с привычной сдержанностью, хотя ждал ответа с затаенным дыханием.

- Сожалею, что подкинул тебе свой вопрос. Не стоит заглядывать далеко вперед.

- Но я уже заглянул, и хочу знать все. Да и вопрос мой собственный.

Годар, подумав, сказал словами, которые явились ему словно из-за спины, из собственного далека:

- Вот мы с тобой идем - в ногу или в разнобой - и от того, что идем, ничего в мире не изменится. Просто уровень кислорода останется прежним. Никто и не заметит, почему застыла стрелка на измерителе загрязненности... Но ты, Мартин, звезда особая. Такие выходят на небосклон один-два раза за человеческую историю. Тебя нельзя не заметить. По отношению к тебе выявляется степень душевной чистоты и совестливости. Ты не можешь ждать, пока мир станет благородней, ты закатываешься. И мир станет, чтобы ублажить твои очи, лучше - я ручаюсь. Мир должен стать благородней! - последнюю фразу Годар произнес грозно, в свойственном его речи повелительном наклонении в сочетании с третьим лицом.

- О, в таком случае я горд. Если моя миссия в мире такова, какой ты ее обрисовал...- Мартин, смутившись, развел руками.- Был бы только мир благороден ради себя самого. В любом случае, спасибо ему за все.

- Не забывай об издержках благородства,- скромно напомнил Годар,- люди становятся лучше или ломаются. Третьего с тобой не дано.

- Это понятно. Христа распяли потому, что... не могли же они распять себя. Либо он, либо они,- к смущению, отраженному в чертах лица Мартина, прибавилось лукавое и в то же время напряженно-серьезное, мучительное выражение:

- А скажи-ка, Годар, ты все еще считаешь меня...

-... Сверхчеловеком,- продолжил утвердительно Годар и подумал с грустной, щемящей теплотой: - А еще - Фаэтоном, который не поверит, что он – сын своего Отца, пока не посадит золотую колесницу у священных вод океана.

- Ты огорчил меня, мой Белый витязь,- заметил Мартин в полушутку.

Опершись о плечо Годара, он с натугой поднялся на расставленные широко ноги и сильно ссутулился.

- Ну, а ты?.. В чем видишь ты теперь мудрость, подчерпнутую вроде бы у меня, если я однажды не ослышался? - Годар робко притронулся к его ладони, которая тотчас же легла ему на запястье.

- В понимании, что каждый из тех, кто в пути, заносит в это мгновение ногу над своей ступенькой.

"Упрямец",- подумал Годар с гордостью за него, хотя так и не обнаружил за пониманием смирения.

Если бы Мартин верил в любого другого бога, кроме Человека, Годар бы обратился к небесам с молитвой за Мартина, но он не мог так оскорбить своего гордого друга. Авось когда-нибудь все в этом мире разберутся между собой. Задача же Годара - спасти Спасителя. Он опять стал Собакой другом своему другу. Опять или наконец,- понять он уже не силился.

3

Дневник Мартина Аризонского

Окончание

(Из материалов Секретного военного архива

Королевства Суэния)

В конце концов это становится забавным - узнавать на каждом привале о себе новости. С официальным Скиром я покончил в два счета, выкинув радиоприемник, и терпеливо несу в тишине крест, чтобы выбрать место самому. Это вовсе не значит, будто я отказался от борьбы. Просто я могу на что-то надеяться в жизни только тогда, когда знаю, что оба ее конца в моих руках. Сейчас, когда Скиром все уже предрешено, а именно: победа – все равно смерть, можно узнать, кто я таков.

Годар неустанно размышляет над моим характером и щедро делится соображениями на этот счет. Такое чувство, будто в полевой лаборатории проводится эксперимент по идентификации реликтового человека, добытого на земле живым. Я мог бы добродушно содействовать опыту, если бы думал, как раньше, что являюсь представителем Суэнии. Годар же наконец, посадил в мою голову мысль, от которой теперь не сбежать: я представляю только себя самого и должен за себя самого отвечать - такого, каким он мне меня открывает.

Последние его открытия - это то, что я - сверхчеловек.

И лестно, и забавно, и страшно мне было слушать его аргументы. Кажется, он отбросил от меня костюм Дон Кихота, даже не помышляя о примерке. Это мне понравилось.

Если только Дон Кихот не его идеал, к которому он относится исключительно серьезно, почти фанатично желая переломать вместе с Идальго крылья всем ветряным мельницам, еще оставшимся на его родине. Страшно же то, что он, как и Почтенный Сильвестр - мудрец, перед которым я преклоняюсь, все же представляет мир в виде круга, центр которого составляют отброшенные нами тени. В центре общей тьмы и поселился дракон - цельный в своей раздробленности, один на нас всех. Но тогда война с драконом бессмысленна, потому что никто еще, вырезав себя из общего круга, не остался жив и, главное, потому, что нельзя отсечь тень, находящуюся в собственности у дракона - как нельзя вызволить ее, вымолив обратно. Такой круг – эмблема черного, нездешнего солнца.

Годар отстаивать право на тень еще может - он прибыл из стран, прозванных в старину странами Неестественной Ночи, или, иначе, Тени. Однако Суэнские мыслители с таким подходом забывают, что не обязательно пятнать Землю. Одно уж то, что мы прожили триста лет без дракона и, следовательно, без войн, говорит о величии человека само за себя. Впрочем, я забыл, что являюсь сверхчеловеком и предъявляю требования, которые людям всей земли не по силам.

Неужто так уж и всей? Кто покажет мне, где тень Мартина Идена - одного из лучших, на мой взгляд, литературных героев века? Уничтожив дракона, я мог бы- заложить в степи город имени Мартина, где люди, мыслящие аналогично, могли бы начать новую жизнь - так, как это уже было однажды в Краю Полуденного Солнца, когда здесь появился с друзьями граф Аризонский. На этих людей - вчерашних и будущих - почти единственная моя надежда. Я уверен, что изменить самих себя и жизнь к лучшему можно лишь выбросив из головы представления об естественности большинства хитросплетений света и тьмы. Тогда я не буду казаться жестоким Человекобогом, который стремится якобы обрезать каждому его черное крыло.

Понимание, что я не я обрезаю, а жизнь, сама природа человека, принявшего за реальность обрисованный выше порочный круг удаляет его к логову дракона остановит ли друга моего Годара? Что верно, так верно: когда появляется дракон,- он один на всех. И я не отдаю себе отчета, не разбираю уже, где мои крылья. Ручаюсь головой за каждый свой поступок, я все в жизни сделал правильно, хотя местами и не ровно, почему же так гложет меня стыд и вина? Будь в походном мешке зеркало, я бы выкинул его, как радиоприемник.

...В одном Годар прав: странно я все-таки устроен. После вчерашней записи в дневнике - первой после некоторого перерыва, оптимистической, на мой взгляд,- я, как похмельный, впал в тоску. Прошла по нашей дружбе с Годаром трещина и никак нам ее не замазать. Умом-то я понимаю, что прежнего не воротишь, но как хочется, боже мой, чтобы сел друг рядом и я прочел бы в его взгляде спокойствие - залог настоящего доверия. Но он выбирает место поодаль, а когда задерживает взгляд на моем лице, то хочет, чувствую всей кожей, в чем-то упрекнуть меня. Однако сдерживается из великодушия и какого-то страха - страха того же рода, что вынуждает моих противников отказываться противостоять мне лицом к лицу. Если бы Годар не был чистым человеком, если бы я не ценил его дружбу, разве прислушивался бы так чутко к любому его слову насчет моих странностей? Когда я задумываюсь над этим, не могу избавиться от подозрения: а не навредил ли я ему своей дружбой? Если так - пусть лучше мне не будет места на земле, пусть и эти прогалины в траве, которые только и остались мне в степи - ведь только там, где я не могу

ничего вытоптать или присвоить, чувствую я себя не таким виноватым - пусть и эта полумертвая земля станет мне мачехой.

Годар часто говорит о Христе, как об одном опомнившемся насильнике. Считает, что Спаситель своим невозвращением не желает ответить на засилье Тьмы - насильем Светом. Это еще одна картина с драконом в центре круга.

Годар придумал, что присутствие в мире живого Христа обрекает людей на ненависть: сначала к себе, затем - к нему, а после - к жизни в целом. Если он включает в разряд таких людей себя, то я в растерянности - на каком он сейчас этапе?

...Невозможно больше изводить себя размышлениями о злосчастном своем пути - выгнись попутная дорога дугой или свейся в петлю, мне все равно не вкусить плодов, принадлежащих другому путнику. Можно лишь промедлить, маршируя на месте, что хуже всего. Женщина в черной косынке обходится без самообмана. Так пойду же к цели, на которую решился, как шел всегда - единственной дорогой, которая к ней подходит. Мы добрались уже до заброшенного тоннеля, что обозначен на карте у конца холмистого кряжа. Дальше - равнина, откуда до озера рукой подать. Слава Богу, больше у меня не будет времени и места записывать переживания, следуя всему, для комиссии бесполезные. И все-таки, сделав последнюю запись, вернусь назад на километр - к тоннелю, и оставлю блокнот на входе - на насыпи из осколочных камней. Может быть, следующий витязь, спешащий к Безымянному озеру для схватки с врагом, если мы с товарищем его все-таки не одолеем, найдет что-нибудь полезное для себя в этих заметках - достаточно скупых и сдержанных, чтобы считать их интимными. Авось он решит прежде, чем продолжит путь, передать записки властям - меня бы это тронуло. Мне очень не хватает друзей, я остро ощутил это несколько минут назад, когда ошибся, подумав, что Годар решил оставить меня. На это у него было полное право. Я не могу никого принуждать быть верным мне, тем более в деле, почти обреченном. Иногда мне казалось, что Годар, придираясь, ищет предлог чтобы постепенно отдалиться. И я уж начинал думать, что, если он все-таки останется где-нибудь рядом - это станет самым большим укором для меня. И вот он остался и мне стало легче. А когда я представил, что наоборот,- сердце екнуло. В его дружбе ко мне чувствуется неизъяснимая сила, перед которой я преклоняюсь и которая раскалывает вдребезги чаши недоверия – их он сам лепит, сам наполняет и передает в мои руки с настойчивой просьбой испить вместе. Под его недоверием, мне кажется теперь, затаилась такая огромная вера, какая мне лично не по силам, но без которой я не смогу жить. Если он не перебьет от неуклюжести всю посуду на планете и не расстроится, то донесет Землю, упади она с орбиты, на голых руках, хоть до самых райских ворот. Может быть, вера - самая большая святость, а неверие - самый тяжкий грех. Хоть бы и воздавалось по вере. Древние писатели, из сочинений которых составлялось священное писание, были чудесные люди. Потерять Годара, предубежденного, но доброго иностранца, мне так же тяжело, как потерять Скир, Родину. Мне хочется, чтобы кто-нибудь взял его за руку и вывел из нашего лабиринта к родному дому. А он тянется к моей руке, неспособной оказать сегодня такую услугу - в глубине души я благодарен ему за это, хоть и очень тревожусь за него. Нашлась бы все-таки рука для Годара - не сейчас, так после.

Глава четвертая

Над Безымянным озером плавал ворон - это было первое, что приметил Годар в открывшемся оазисе.

Травы и кустарники в сравнении с блеклой растительностью остальной зоны казались садовыми культурами. Среди них возвышался шатер.

Само озеро, слывшее в народе недобрым еще до дракона, потому что никто не встречал человека, сумевшего побывать на противоположном берегу, смотрелось издали, как клинок широкого ножа: левый берег был выгнут, словно в нем застряло острие, правый же представлял прямую линию. За противоположным берегом продолжалась срезанная горизонтом равнина - ее полоска была голубовата и неподвижна так же, как поверхность воды.

Шевелилась от легкого ветра только пестрая ткань шатра. И плавал без шума в небе над озером ворон.

Следов битв на берегу не было. Сломанное оружие, скелеты, остатки одежды, искореженная, пережженная земля - все, о чем рассказывал король и другие участники его юношеского похода, словно быльем поросло.

- Кто здесь находится?!- воскликнул Годар, обернувшись к Мартину, который, прищурившись, недоуменно разглядывал шатер, понукая заупрямившегося коня.

- А ты знаешь, ведь он из несгораемого шелка,- протянул Мартин, не спуская с шатра глаз.- Где там у него вход...

Годар тяжело, с гулом проскакал вперед и нащупал взглядом прорезь в новеньких шелках - она находилась слева; шатер, таким образом, стоял боком к береговой линии. Со стороны же озера открылась огромная куча пепла, в котором валялись почерневшиебычьи кости.Поодаль лежали связанные бечевой грабли, метла и лопата.

Мартин слез с лошади и, держа правую руку нп рукояти сабли, откинул левой полу шатра. "Никого",- сказал он, и Годар сразу же соскочив со своего коня, вбежал внутрь.

Пол тоже был выстлан несгораемым шелком - Годар отметил это не без смущения: ступать по нему в пропыленных сапожищах было варварством. Пестрота и обилие драгоценных тканей давили на психику. Дополнительные отрезы шелковой материи были прикреплены, словно ковры, к шелковым же стенам. Остальной шелк, самых разных расцветок, хранился в громадных рулонах, выстроенных в несколько рядов у одной из стен. Посреди пола был выставлен частный сервиз из китайского фарфора. В углу располагался сундук с шелковой скатертью и на ней - чайник и два ведра из жести.

Больше в шатре ничего не было.

Приоткрыв сундук так, чтобы не сдвигать чайник с ведрами, Годар обнаружил гору полотенец, кинжал, широкополую черную шляпу и красный плащ. Это не показалось ему более удивительным, чем все остальное, и он захлопнул крышку.

Охранявший вход Мартин видел все то же самое, кроме содержимого сундука.

- Кто по-твоему, здесь хозяйничает?- негромко крикнул он вслед Годару, который, покинув шатер, моментально вскочил в седло и был уж у воды, находящейся всего в двенадцати шагах.

- Какой-нибудь иностранец - любитель экзотики. А может, твои соотечественники устроили здесь пункт контрабанды несгораемым шелком. Именем же дракона прикрылись для острастки. Может, стоит поискать его чучело?

- Хотел бы я быть таким скептиком.

Взяв коня под уздцы, Мартин пошел к озеру.

На краю берега Годар, оперевшись о седло, задумчиво глядел в глубь с высоты своего роста.

- Жаль, что на поле не осталось оружия, я хотел присмотреть себе еще парочку копий,- тихо сказал он, когда Мартин встал рядом.

- Ты все еще веришь, что дракона можно побить железом?Я не выкинул свое оружие только потому, что не хотел, чтобы болваны из Скира объявили меня еще и трусом. Для победы нужен миг-вспышка, озарение.

- Раньше ты говорил, что бой - это труд.

- Вспышка - последняя точка в работе. Говорят, на забытом языке коренных жителей страна эта называлась Мигом. По другим данным,- Переходом. Может, в этом что-то и есть.

- Ты видишь, Мартин?!- вскрикнул Годар шепотом.- Там, на дне?..

- Да. Ночной город,- хрипло произнес Мартин,- жаль, что на окнах заперты ставни. Я не смогу увидеть жителей.

- Какой город? Это остров - тот самый песчанный островок в суэнском озере, где была прежде вершина из моих снов. Только теперь на пески легла красная земля и в ней проросло семя. Не помню, чтобы я его посадил, но мне кажется, что росток привечает меня, как хозяина. Но, послушай, если мы видим разное, то что мы тогда видим?

- Мы грезим,- сказал Мартин.

Взглянув на его лицо, Годар увидел, что глаза Зеленого витязя полуприкрыты.

Этой мимолетной отвлеченности от картины, слабо брезжущей со дна - неглубокого, лежащего прямо под ногами у обрывистого берега, было достаточно, чтобы остров исчез. Всюду - там, где лежал остров с тянущимся к нему в воде ростком и дальше, насколько хватило глаз – появились монеты: россыпи монет, сияющих позолотой.

- А как тебе эта картина?- поинтересовался Годар, нарочно не выпуская дна из поля зрения.

- Трудно сказать, что это может значить,- в голосе Мартина послышалось замешательство.

Присев, Годар запустил в воду руку и достал монету.

- Держи!- подбросив на ладони позолоченный профиль Кевина I, Годар передал находку Мартину, радуясь, что обнаружил разницу между видением и явью.

Первым он почувствовал и перемену в окрестности. Ворон, что плавал над озером, расширяя круги, подался ближе к берегу. Водная гладь зарябила.

Годар ощутил себя внутри очередной картины, это было похоже на лоскуты его снов. Слабый ветер шарил по спине. Затем будь то вывалили на голову охапку осенних листьев, собранных у тополей на детской площадке, возле родного его дома, в Стране Неестественной Ночи. Раздался гул - издали, со стороны Скира. Земля мелко задрожала. Отплыл воздух в сторону. Он сделал шаг за ним, ища носом короткие порывы ветра и - увидел птицу. В самой середины неба, в мантии из багряного облака с перьями-иглами,- распластанную крестом. Не машет узкими крыльями,- парит! Он же, босоногий ребенок, бежит по асфальту за расплывчатой тенью, стараясь не наступать на нее, но все равно успевает быть рядом - где-то под самой серединой неба. Веско отмечает это большая, суровая птица середины неба. Легко бежится, потому что сентябрь и нет ни холода, ни жары. Потому что лужицы расплескиваются не больно. Свежо коленям, когда на них капли слепого дождя. Колокольчики надрываются, пока не будут услышаны. О! Пробился басовый звук. Ком нежных перьев кинули в затылок. Как трепет, щебетание кратких выкриков. Полное небо малых и средних птах. Спешат мельтеша, за большой птицей и воздух шевелиться, как новорожденный. Не сеют, не жнут. Асфальт весь в крапинках.

Целое воинство, и не нужно ничего больше.

Но вибрация не та уж. Гул слишком тревожный, грядет по нарастающей. Слишком глубокое смятение в груди. Бом! Птахи отделились от большой птицы и пали чуть ниже. Господи, да они несутся!.. Они несутся со своими яйцами и раскалывают их об асфальт, где мечется Бабария в поисках пропавшего щенка, а десять постаревших тополей метут из последних сил макушками небо, тужась вспомнить имена, данные когда-то Мальчиком. В желтках окрестность, как в монетах...

- Годар, очнись наконец!- звенящий на высоких тонах голос Мартина вернул его к действительности.

Годар обнаружил, что свесился с берега, опустив в воду руки по рукава.

Мартин же был в седле и пожирал глазами небо, где летел со стороны Скира красный дракон.

Годар не запомнил, как оказался в седле. "Разбежимся в стороны, чтобы он не накрыл сразу обоих!"- крикнул Мартин через плечо: он гнал коня по диагонали - вправо, вглубь берега. Вцепившись в копье, Годар отпрянул влево, оставаясь, однако, у береговой линии. "Никаких больше грез. Не отвлекаться ни на секунду,- "твердил он лихорадочно в мыслях, всматриваясь в ликующее чудовище.

Шквал огня и дыма оттеснил его к самой воде; дыма было больше, чем огня. Опустив копье к земле, чтобы не напороться вслепую на Мартина, Годар заставил коня нырнуть в дымовую завесу и увидел, выйдя из нее, справа от терзаемого ветром шатра, дракона, который, медленно разевал пасть, вытягивая словно гусь, шею к озеру. Мартин находился в десяти метрах от левого его бока и ничего пока не предпринимал. Годар хотел дать ему знак, чтобы они начали атаку на чудовище разом, с обеих флангов, но Зеленый витязь вдруг исчез за стеной взвившегося пламяни - от шатра до озера встала высокая огненная стена. Дракон завернул шею назад и стена огня, гонимая его дыханием, распространилась дальше, в глубь степи, огибая и замыкая часть берега, где остался Мартин.

Когда круг по суше замкнулся - все произошло в считанные секунды,- чудовище исчезло и на его месте вдруг обозначился, небрежно выпутываясь из клубящейся черноты, не кто иной, как шут Нор.

Шут Нор был в расшитом драконами шелковом балахоне, в средневековой китайской шапочке, придающей его длинному лицу с безукоризненно-привлекательными чертами умудренное, трагическое выражение.

Человек с таким лицом не был смешон и в балахоне.

Когда клубы дыма развеялись, Годар приметил желтые башмаки.

Шатер с его появлением перестал истерически терзать на себе шелка. Огненная стена вокруг части суши, где находился Мартин, выровнялась. Унялся треск, и не стало больше искр. Можно было подумать - в наступившей тишине горит природный газ из затаенных в земле горелок.

Кивнув Годору, как доброму знакомому, шут нырнул в шатер, откуда вскоре показалась его спина: пятясь, Нор держал по ведру в руках.

"Мартин! Мартин!- стучало со страшной болью в мозгу Годара, словно кто-то рубил его саблей. Сквозь боль его наконец осенило:- Так вот кто Нор- - шут - оборотень!"

С копьем наперевес Годар направил удивительно послушного коня к шатру. Ненависть, возмущение, обида - такие сильные, что в другое время Годар бы призадумался, откуда в нем

скопилось столько яду - лишили его какого бы то ни было страха и разборчивости в средствах. В пяти шагах от гадливой спины он метнул в нее копье, хотя мог бы ударить, не выпуская его из рук и отметил с удовольствием, что попал в позвоночник. Конь его, врезавшись наскоку в шатер, неуклюже упал, путаясь в шелках. Годар успел высвободится из стремян до падения. Он приземлился на корточки. И моментально поднялся навстречу обернувшемуся Нору.

Сломанное копье валялось на земле. Барахтался в шелках устоявшего шатра конь. Нор же, выронивший из рук ведра, протянул вдруг к груди Годара указательный палец и произнес нежно, страдальчески и одновременно повелительно, как о деле, давно решенном:

- Не время ссориться. Возьмите ведро. Попробуем потушить огонь и вызволить товарища.

Странно, но Годар повиновался. И не только потому, что был подхлестнут напоминанием о товарище в огненном кольце. Ему показалось, что месть вскружила ему голову, что он напал на безоружного, а тот преподал ему урок великодушия. Кто знает, как далеко простирается великодушие дракона и какая загадка кроется в его душе...

Оба они - Годар и Нор - побежали к озеру.

Нор достиг воды первым, зачерпнул полное ведро и, широко, изящно размахнувшись, плеснул издали в огненную стену. При этом он склонил, не сгибая туловища, голову набок; на бронзовой щеке отразилось дрогнувшее пламя.

Годар кинулся со своим ведром к месту, где от покочнувшегося пламяни повалил дым - от его порции воды в огненной стене образовалось подобие лаза. Лицо обдало жаром и заволокло дымом, он едва не лишился сознания, успев, однако, прокричать в брешь имя Зеленого витязя.

После, когда они выпили в примыкающую к краю берега часть кольца с полсотни ведер, стало ясно, что стены, вгибаясь местами, не становятся меньше.

Не теряя надежды, Годар углубился вправо вдоль береговой линии. Он ощупывал огненное кольцо водой из почерневшего ведра, попытался докричаться до Мартина. И вдруг поймал себя на ощущении, что потерял из виду Нора. Не выпуская машинально ведра из рук, он вернулся стремглав к шатру.

Здесь его ожидало неприятное зрелище. В пепле потухшего костра среди обугленных бычих костей, покоился на боку его конь, придавив вместе с седельной сумкой, где находился оставшийся провиант, меч и щит. У горла его скопилась лужа крови. Сидевший рядом на камне Нор невозмутимо обтирал запятнавшиеся башмаки большим синим платком. Кинжал, уже заботливо протертый, находился тут же, под рукой. Балахон Нора, его шапочка были чисты и аккуратны, словно не он носился в дыму рядом с перепачканным Годаром, у которого обгорели полы и без того обветшавшего плаща.

Отбросив платок, Нор неторопливо поднялся на расставленные ноги и, сложив руки на могучей груди, насмешливо погрузил в пылающее лицо Годара красивые, спокойные глаза - довольно мягкие и добродушные, на первый взгляд, неизменно-глубокие. Годар терялся, когда чувствовал эту глубину, хотя понимал, что за ней человеку - гибель. Мелькнула мысль: "Оборотень бы понравился принцессе". И следующая, с примесью обиды за влюбленного друга: "Легко быть красивым злодею".

Потом, когда Нор, лукаво извинившись, ходил божественной походкой хозяина к берегу, чтобы кинуть в озеро монету на счастье, предварительно выудив ее из мешочка с золотом, что хранил на поясе под балахоном, Годар уже не присматривался к его достоинствам. Стараясь не глядеть на лужу крови у горла мертвого коня, который так и не услышал за время похода доброго слова от хозяина, он думал над тем, почему еще жив и на каком ходу этот увертливый подлец задумал снять его с поля боя. Если бы Годар мог раскусить его логику!.. Прав был Мартин: мечем дракона не убъешь, не стоит выискивать слабые места на его теле.

- Славное утро, не правда ли, Годар? Давненько я не был в здешних местах,- добродушно обратился к нему Нор, вернувшись к шатру и встав у входа, откинув обе полы,- чтобы встретить добрых гостей, я стартовал ночьюнепосредственно с дворцового купола. Фокус получился довольно пикантным.

Бедняга караульный у лестницы, которого я подкупил, кажется, лишился рассудка. Но суть дела не в мелочах. Я вовремя встретил гостей, которых сам выбрал и сам пригласил. Или вы полагаете, что появились здесь по своей воле?

- Я, может быть, и нет. Но он... Он по своей,- ответил Годар, сдерживая гнев, под которым затаилась обида на жизнь. Взглядом он указал на огненное кольцо, в котором оставался Зеленый витязь.

- Да. Возможно, он... чуть более свободен,- сказал Нор без насмешки, улыбнувшись одними губами,- так же как и я. Ведь если я подставлюсь к вам слабым бочком и, чего доброго, отброшу копыта, то затем, что, возможно, время моих затей прошло и пора передавать наследство. Забота о преемнике - залог бессмертия рода драконов. Все честь по чести, дорогие избранники. Я даю вам оружие прямо в руки: меня победит тот, кто превзойдет... ха-ха!.. Превзойдет в злодеяниях!- лицо Нора обезобразила гримаса смеха.

Он схватился за рот. Рука, которой он словно заталкивал хохот обратно, побелела. Дернув с усилием подбородок, Нор вернул лицу величественное выражение, прибавив к нему выражение брезгливости. Узловатым пальцем с повернутым камнем вниз агатовым перстнем он указал на курган в пятидесяти шагах от шатра - единственную здесь возвышенность.- Там же лежат те, у кого кишка тонка. Вместе с доспехами, ружьями и сабельками. Выбор за вами, господа. Заметьте, дракон Нор оказывает похоронные услуги. Он слишком чистоплотен, чтобы засорять владения гниющими трупами. Такими, к примеру, как этот,- Нор поднял лопату и сыпанул несколько раз на тело коня горящей земли, которую зачерпнул у неумолимо-стойкого пламени, отчего возгорелся не только павший конь, но и лужа возле его горла.

Потом Нор пил чай, подливая его в фарфоровую чашку из чайника, вскипяченного на горящей земле. Он сидел в распахнутом шатре со скрещенными босыми ногами и говорил оттуда Годару бахвалистые речи, выдержанные во все том же духе. Эту церемонию он окрестил чаепитием двух невольников, один из которых облюбовал себе камень в пяти метрах от шатра и отвечал на приглашение к "столу" неизменным молчанием.

Оставаясь начеку, покуривая, Годар стремительно терял интерес к схватке.

Если оборотень сказал правду, а на правду похоже только самое жуткое – это уж подмечено у жизни, то выходит он, Годар, тогда только и был полезным обществу, природе и самому себе, когда бежал по городам и весям, проскакивая через солнечные души друзей и подруг, не оставляя следов и тропок. Вот приостановился он в желании большего и, если позволит себе разозлиться на открывшуюся сызнова жизнь,- такую узкую, подленькую, невзрачную - как перейдет, не приведи Бог, в стан победителей. Жизнь не просто игра. Жизнь - шоу. Чем больше ты в ней состоялся, тем длинней колпак шута на твоей макушке. Следует запастись терпением, чтобы умереть, а не убить. Только в этом случае он выйдет из игры чистым.

Не дождавшись гостя на чаепитие, Нор принялся за хозяйство: сменил кое-где выцветший шелк на фасаде шатра, прикрыл желтым отрезом обгоревший лошадиный труп, тщательно замел под него разлетевшиеся угольки. Потом, заговорщески подмигнув гостю, ушел с полотенцем к воде. Уж лучше бы он не подмигивал, уравнивая - преждевременно - Белого витязя со своей персоной.

Не так-то просто было загасить в себе жизнь,- даже витязю-марионетке, деревянному офицеру. Ну почему же, почему же даже обнаружив невидимые нити на своем оружии, что тянутся от чужих, равнодушных, могущественных рук, так хочется жить, Господи, жить и сопротивляться, держать на курке палец и верить в свободу воли!

Только что Годар был подобен дотлевавшему угольку. Фамильярность Нора заставила его разгореться. Кое-что веселое до жути пришло в голову. Был на земле человек, или полубог, на руки, сердце, оружие, совесть которого можно было наложить какие угодно путы, протянуть тончайшие хитроумные нити и дергать по очереди или все сразу, глядеть ему в глаза и бесстыже вещать прописные истины о жестоком безразличии жизни - этот человек, или полубог, оставался непредсказуемым, в первую очередь для жизни. Попробуйте сделать его своим, досягаемым. Даже в огненном кольце - попробуйте! Кто стреножит коней, несущих в колеснице Фаэтона?!

Если бы Годар мог найти слова, он рассказал бы дракону, каков Мартин, раздразнил бы его, рассмеялся в циничную рожу. Зеленый витязь не выйдет из игры. Скорее всего он возьмет ее в руки и поведет за собой, обворожит собственными, только ему известными до конца правилами.

Дважды окунулся Нор в озеро, обтираясь после каждого раза большим жестким полотенцем, массажируя зеленовато-желтую, глянцевую с виду спину, покрякивая, похлопывая себя по глянцу широченной груди.

Перед тем, как войти в воду в третий раз, Нор небрежно поклонился.

Едва он отвернулся и шагнул в воду, как Годар, не отдавая себе отчета в мотивах внезапного желания, вбежал в шатер, извлек из сундука красный плащ с широкополой черной шляпой и, выскочив наружу, крикнул, протягивая найденные вещи на вытянутых руках:

- Слушай меня, дракон! Ты хвалился, что хоронишь поверженных противников. Зачем же ты, убийца и подлец, содрал одежду с тела доблестного витязя? Будь ты проклят, вероломный шут!

В словах Годара не было настоящей ненависти. Они были отравлены лишь брезгливой жалостью к падшей Черной Собаке. Дракон, как и злые герои всех сказок, заурядный трус, чахнущий над златом. Не стоит обманываться его независимой, философической позой.

Годар не сомневался, что Нор расслышал подтекст. Он покачивался в воде на спине, как на матраце, головой к противоположному берегу, подбородок на длинной челюсти был вздернут.

Вдруг голова приподнялась, глаза мерцающие отраженным огнем, тоскливо склонились к небу, как у затравленного оленя, ей-богу! - и тело исчезло под водой.

Годар спокойно, без злости похвалил про себя Нора за театральность.

Каркнул безмолвный дотоле ворон и, спустившись к озеру ниже, заплавал на уровне огненных стен.

Годар ожидал продолжения спектакля не сходя с места.

Одежду погибшего витязя в красном плаще он сложил рядом, на камне.

Подул влажный ветер, усилил запах гари, извлек из памяти воспоминания о тонущих маках и почему-то запах паленной шерсти.

Загнулся на ветру край шелкового отреза, приоткрыв морду павшего коня.

Разволновавшись, Годар подошел к краю берега и увидел, что дно взболомучено, вода же постепенно проясняется и в ней нигде не видно Нора.

Неужели он убил его? Чем?.. Застонав, Годар схватился за виски. Он был не в силах справиться так сразу с немыслимой, нестерпимой пустотой. "Что теперь будет со всеми нами, Господи? Со всей моей жизнью?" – излилась вслух неясная еще самому себе скорбь. И вдруг слева, шагах в пятнадцати, из-за булыжника на отвесном краю высунулась голова. Оленья тоска сменилась гримасой львиного оскала.

- Вот ты и заскучал без дракона,- сказал Нор.Пружинисто выпрыгнув из воды, он направился к месту, где оставил полотенце и балахон.

Годар, пошатываясь, загородил ему дорогу.

- Надо же, я говорил с тобой, как... - выдавил он, задыхаясь, следующие слова, ставшие его защитой, Годар проинес твердо:

- ***Ты, Нор - дракон, а не Черная собака.*** Я ставлю стену между мной и тобой.

- Да иди ты... - сказал дракон, побледнев. Наскоро облачившись в балахонный наряд, он прошел спешным шагом к огненному кольцу и исчез в нем. Образовавшаяся в пламени на миг узкая щель самкнулась перед носом рванувшегося следом витязя.

Это был последний рывок Белого витязя, после чего он в изнеможении рухнул на землю.

И привидилось ему в полузабытьи шахматное поле.

Среди дыма и грохота проносились фигуры, бегущие в одиночку и толпой через их территорию из соседних досок. От родной двухцветной армии фигур почти не осталось. Жив был черный король со связанным ферзем. Оставался недвижимым белый король, ферзю и ладье которого преграждал движение поток бегущих иноземцев.

Годар лежал на боку, между опрокинутыми белой ладьей и черным конем. У рта его образовалась лужица крови. Он протянул руку и погладил, вздрагивая от жалости, черного коня, который был повернут к нему изящной головой. Годар не понимал, чей он здесь и кто он. На одной из соседних досок все только начиналось: деревянные солдатики не спеша отшагивали время дебютного начала. Они не замечали сумятицы и всеобщего бегства. Каждый их шаг напоминал удар топора о высохшее дерево. Кто?.. Куда?.. Откуда?.. Когда?.. Невозможно это видеть и знать. Годар понимал, что потерял ориентиры не вовремя, что где-то идет бой настоящий, без труб и барабанной истерии, но не было желания разбираться в событиях, бесконечно раскладывать их по полочкам или принимать не думая в единстве и неразборчивости, такими, как они есть. Слишком неразумно, надрывно расплескивал он по миру силы в желаниях.

Лужица крови растекалась, полируя черно-белые клетки.

И вдруг, когда в ней не осталось глубины, на дне ее обнаружился полусгоревший мак.

"Дважды два - четыре!" - закричал Годар, приподнявшись. "Дважды два - четыре!" - он зажал уши. Треск сучьев поваленного дерева унялся, сменившись на забивающий головною боль колокольный звон. Годар открыл глаза и увидел пламя, которое жевало край плаща. "Я должен подняться и спасти Мартина",- подумал он без всяких усилий и, дотянувшись до лопаты, встал на ноги, использовав ее, как палку. "Я должен быть благороден – это условие", - сверкнуло в его

сознании. Прояснился циферблат часов, подаренных когла-то Ником. Каким-то образом шла ночь, наступившая во время его забытья. Ночь близилась к утру.

Налегая всем телом на лопату, Годар принялся долбить увертливую землю. Он задумал проникнуть в огненное кольцо через подкоп.

Перед самым суэнским рассветом в пламени образовалась щель, и оттуда прямо на Годара вылезла непривычно сутулая фигура Нора. Он был опрятен, с чистой, бронзовой кожей на безупречном лице и все-таки появилось в нем что-то от оголившейся по осени неприглядной ветки-корявой, с надтреснутой корой. Отрешенный взгляд его в задумчивости задержался на лице Годара.

- Где Мартин? - грубо спросил Годар. - Ты хотел выудить у меня ключ к

Черной Собаке друга, решив, что она заводная, не так ли, дракон? Без знаний о ней ты бессилен в поединке, ты, живой труп, заботящийся о преемнике. Представь, раньше я был так глуп, что хотел остановить Мартина одного, чтобы он нашел другого товарища - лучшего, чем я. Тогда бы мое место скорее всего занял бы оборотень. Я рад, что отстоял нашу дружбу.

- Мартин думает иначе,- заметил Нор равнодушно. Годар привыкший взвешивать каждую мысль, не успел ни ооторгнуть сказанное, ни принять к сведению, чтобы отторгнуть уже с умом. Раздался пронзительный свист и шум ветра - все это изверг из глотки Нор, вставший к огненному кольцу вполоборота.

Пламя, слабо покачнувшись, растаяло. Годар увидел вдали Мартина, который, улыбнувшись ему устало и грустно, тяжело поднял развернутый тылом кулак с зажатой шелковой лентой. Обмундирование его было в порядке; конь при всем снаряжении находился в стороне,- ни в чем не было видно признаков схватки.

Вдруг лицо Зеленого витязя страдальчески исказилось. Взгляд - суровый и хрупкий, наполнившийся блестящей жалостью, обратился за левое плечо Годара, из-за которого выступил Нор.

- Рэй, ты так и не ответил, ты ли это?..- выдохнул Мартин тысячами ветрами своей души, не все из которых были узнаваемы. - Послушай, Рэй, что бы там ни было, я рад тебя вспомнить,- Он зажмурил глаза, а когда через мгновение открыл их, по берегу, шипя и оскаливаясь, пятился к воде красный дракон.

Годар же, как с цепи спущенный, бежал настречу, с ликом перекошенным от изумления и ярости: он хотел бы добраться до меча при коне Аризонского и изрубить затем дракона в куски.

- Ну ты и гад!- крикнул он исступленно Зеленому витязю, споткнулся, упал в желтую прогалину в траве и прохрипел оттуда:- Ты предал родину, принцессу, короля. Ты предал себя и своего друга... Разве не был ты богом?!

- ***Ты, Нор -дракон, предатель белой собаки***,- произнес Мартин тысячами ветрами, которые вдруг надломились и звучали, отдаваясь эхом от всего что на земле и на небе только потому, что так еще было нужно. Взгляд его стал слепым.- Тот, кого ты похоронил, мог бы стать мне другом. Я вспомнил Рея Норриса - сына советника короля, что пропал из Скира с полгода назад. В память об этом витязе я должен убить тебя, Нор.

И прежде, чем последовало непоправимое, прежде, чем растаял в воздухе силуэт красного дракона, уступив место зеленому, который бесшумно, четко обозначился у края озерного берега, все ветры, все грозы рухнули в грудь человека, их исторгшего.

- Мартин! - закричал этот человек, подхватив сзади оседающее тело друга.- Я не хотел!.. Вернись, Марти...

Теперь он знал, что дракон, дистанцировавшись изначально от всего мира, ибо все на свете было для него солнцем, более всего страшился любящего, проникновенного сердца Мартина.

Обнажив, добро сокрушило слабого...

- Боже...- всхлипнул Годар, увидев Зеленого дракона.

И в следующий миг на макушку ему, под которой уже оборвались сознание и жизнь, рухнул опаленный ком земли - тот самый, котрым странник Годар метнул в полуденное солнце перед въездом в город Скир.

Мелькнул силуэт Черной собаки - одной на двух витязей.

Имя ей было - Неверие...

Новый дракон - белый - жался к краю берега.

Выросли тени. Потому что солнце подвинулось.

Эпилог

Когда на рассвете обнаружилось, что солнце клонится к западу, Суэнское королевство, переставшее вдруг быть Страной Полуденного Солнца, обратилось в растерянную толпу. Люди высыпали на улицы, захватив лишь документы и шелка. Не одни суэнские сутки провели они под открытым небом, подглядывая за взбесившимся светилом и согласились разойтись по домам только тогда, когда астрономы вычислили: ночь, известная по рассказам о Странах Неестественной Тени, опустится на Суэнию через восемнадцать месяцев.

На вопрос, сколько времени продлится Тьма, вразумительного ответа ученые не дали.

Так как страна была не приспособлена к природным катаклизмам, король Кевин I обратился к Верховному Хранителю с просьбой вывести подданных из края куда-нибудь в Европу, где они расселятся как-нибудь без шума и огласки по городам и весям.

Община Хранителей ответила согласием.

Граждане стали исчезать организованно - не так, как пропавший перед днем спятившего солнца королевский шут Нор.

Начался исход - со стенаниями и плачем, безразличием и радостью.

Во все это время самораспускающееся государство продолжало выполнять основные свои функции. Например, снарядило отряд полиции для разведки подступов к Безымянному озеру, по дороге к которому был найден и приобщен к секретному военному архиву дневник Мартина Аризонского. Ранее туда же была передана тетрадь иностранца Годара, обнаруженная среди его личных вещей, опечатанных на квартире, нанятой для него департаментом.

Сам же иностранец был найден мертвым на берегу Безымянного озера. Тело его опознали с трудом, так как оно было истерзанно хищными птицами. Кроме того, на берегу обнаружили свежую могилу, принадлежащую, как выяснилось в ходе следствия, Мартину Аризонскому.

Дракон же повел себя странно: лежа в глубине берега, в стороне от необычного шатра, он не проявлял интереса к полиции и смельчакам из ближней деревни, кидавшим в него топорами и полками. Разнесся слух, что дракон, ставший на старости лет совсем белым, заболел.

Многие суэнцы крестились и сетовали на безрассудство витязей: не надо было тревожить таинственного зверя - пока тот был в силе, солнце стояло в зените.

Вскоре Суэния узнала из радионовостей, что дракон умер.

Сообщение дополнили слухи о том, что якобы один из полицейских видел, как в миг смерти от тела чудовища отделилась тень, напоминавшая человеческую.

Полицейский не уследил, что с ней сделалось, зато жители деревни, прискакавшие за зрелищем первыми, видели белого лебедя с черным, словно обугленным крылом - птицу, дотоле неизвестную в здешних краях.

Лебедь уплыл вдаль по Безымянному озеру.

Достигнув середины, он поднялся над водой на крыльях и скрылся навсегда за горизонтом.

Ввиду того, что королевская семья решила не терять короны вплоть до того, как суэнскую землю не покинет последний житель, было объявлено о подготовке к замужеству принцессы Адрианы. Последнее слово в выборе жениха Кевин I оставил за самой принцессой. Однако, печальное дело - со смертью дракона перевелся род витязей,- об иных принцессах не помышляла. Никто не предложил девушке, вышедшей на свет Божий под безобидное угасающее солнце, ни сердца, ни руки, ни братской помощи в дороге на чужбину.

Кевин и Адриана покинули страну вдвоем, сопровождаемые доктором, учителем и несколькими слугами. Правда, на одном из этапов к ним присоединился бывший сотенный командир королевского войска Ник В-н, сослужив службу веселого и надежного попутчика.

Выведя население, в безлюдное королевство, растворенное в звездной полумгле, возвратились Хранители. Запершись в своих жилищах на Холмогорье Посвященных, они больше никогда оттуда не вышли.

Настала полночь - время тоски Большой Собаки - Матери всех Собак.

Теперь можно было метать молнии, исходить дождями, заламывать редкие ветви ветрами без стеснения - под безразличной Луной.

Старая Мать провела в спячке годы, забывая детей - живых и потерянных. То, чего не удавалось пробудить сыновней лаской, выжала боль - инстинкт вечности. Нельзя утерять безвозвратно. Скорбя и беснуясь, ненавидя и млея от нерастраченного тепла, Мать всех Собак встретила выплывший из-за озера солнечный диск и проводила его взглядом до зенита.

Во чреве ее что-то шевельнулось.

На Безымянном озере показались плоты.

Февраль 1997 - январь 1998г

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17731040
https://doi.org/10.5281/zenodo.17731040
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).